ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

MOSCOW STATE UNIVERSITY BULLETIN

Moscow University Bulletin

JOURNAL

founded in November 1946 by Moscow University Press

Series 9

PHILOLOGY

NUMBER FIVE

SEPTEMBER-OCTOBER

Published in 6 issues per year on behalf of the Faculty of Philology by Moscow University Press

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 9

ФИЛОЛОГИЯ

№ 5

СЕНТЯБРЬ - ОКТЯБРЬ

Выходит один раз в два месяца

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор — **РЕМНЁВА Марина Леонтьевна**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой русского языка, президент филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Зам. главного редактора по лингвистике — **КОБОЗЕВА Ирина Михайловна**, д.ф.н., проф. кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Зам. главного редактора по литературоведению — ТОЛМАЧЁВ Василий Михайлович, д.ф.н., проф., зав. кафедрой истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Отв. секретарь по лингвистике — **КНЯЗЕВ Сергей Владимирович**, д.ф.н., проф., ведущий научный сотрудник отдела диалектологии и лингвистической географии Института русского языка имени В.В. Виноградова РАН

Отв. секретарь по литературоведению — **ЗЫКОВА Галина Владимировна**, д.ф.н., проф. кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Оргсекретарь — **БЕЛАВИНА Екатерина Михайловна**, к.ф.н., доц. кафедры французского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

АЛЕКСАНДРОВА Ольга Викторовна, д.ф.н., проф., зав. кафедрой английского языкознания, зам. декана филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова по научной работе; БЕЛИКОВ Алексей Евгеньевич, к.ф.н., доц. кафедры классической филологии, председатель Совета молодых ученых филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; ВЕНЕДИКТОВА Татьяна Дмитриевна, д.ф.н., проф., зав. кафедрой общей теории словесности (теории дискурса и коммуникации) филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; ИВИНСКИЙ Дмитрий Павлович, д.ф.н., проф. кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; ИЗОТОВ Андрей Иванович, д.ф.н., проф. кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; КОРОВИН Владимир Леонидович, д.ф.н., доц. кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; ПАХСА-РЬЯН Наталья Тиграновна, д.ф.н., проф. кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; ПЕТРУХИНА Елена Васильевна, д.ф.н., проф. кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; СОЛОПОВ Алексей Иванович, д.ф.н., проф., зав. кафедрой классической филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; ТАТЕВОСОВ Сергей Георгиевич, д.ф.н., проф., зав. кафедрой теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

АМАТУЦЦИ Антонелла (Antonella Amatuzzi) PhD, проф. (Италия, Туринский ун-т); БАКЕС Жан-Луи, проф. (Франция, Университет Париж IV); ДЕМЬЯНКОВ Валерий Закиевич, д.ф.н., проф. (Россия, ИЯ РАН); ИНЬКОВА-МАНЗОТТИ Ольга Юрьевна (Olga Inkova-Manzotti), д.ф.н., проф. (Швейцария, Женевский ун-т); ПОЛОНСКИЙ Вадим Владимирович, д.ф.н., проф. (Россия, ИМЛИ РАН); ТЕРКУЛОВ Вячеслав Исаевич, д.ф.н., проф. (ДНР, Донецкий национальный университет); УХЛИК Младен (Mladen Uhlik), PhD, доц. (Словения, ун-т Любляны)

Редактор И.В. Луканина

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Φ едорова Л.Л., Φ ролова О.Е. Новые тенденции в развитии семантики	
души и связанных с ней единиц	9
Лютикова Е.А. Есть ли синтаксический подъем в русском языке? Часть І. Инфинитивные клаузы	. 27
У Цзюань, Мухамеджанова Ш.Т. Функционирование русского языка в Казахстане через призму языкового ландшафта (на примере Нур-Султана)	. 46
<i>Цзян Ино.</i> Реализация гласного [а] в сочетании с гласным [и] в позиции после мягких согласных в русском языке	. 60
Архипова И.В. Актуализация таксисной категориальной семантики в нидерландском языке	. 75
Уварова Ю.П. Контактные варианты слов в чешском и словацком языках	. 84
Абрамова М.А. Роман «Жауфре»: окситанская пародия на артуровский универсум?	. 92
Приходько К.О. Синестетические метафоры в Элегии XLIII (Элегии о фонтане) Пернетты дю Гийе	102
Зиновьева А.Ю. Русское путешествие Роберта Браунинга: драматический монолог в английской и русской поэзии XIX в	109
Апалькова Е.С., Солнцева Н.М. Типология русской магической прозы $1900-x-1940-x$ годов	122
Домашнева В.В. Категория прекрасного в философских сказках Г.М. Цыферова	135
Вересотская Е.И. Обратная перспектива как принцип организации романа Саши Соколова «Между собакой и волком»	145
Хазанова О.Э. Иосиф Бродский и Игнатий Лойола. Интертекстуальные маски автора в стихотворении «Представь, чиркнув спичкой,	
	155
Немец-Игнашева Д.О. Литература, кино, адаптация: размышления о преподавании кино филологам	169

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Геращенко М.А. Структурно-семантические особенности эпитетов формул приветствия в немецкоязычных письмах XVIII в	183
ИЗ АРХИВА	
$\mathit{Лифииц}A.\mathit{Л}.$ Письмо Анны Васильевны Гоголь Владимиру Ивановичу Шенроку	193
РЕЦЕНЗИИ	
Криницын А.В. К l u g e RD. F.M. Dostojevskij. Eine Einführung in Leben, Werk und Wirklung / Red. Dorothea Scholl: WBG Academic (Wissenschaftliche Buchgesellschaft), Darmstadt, 2021	205
Монисова И.В. Норма и отклонение в литературе, языке и культуре: Коллективная монография / Отв. ред. Т.Е. Автухович. Гродно: Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, 2021	212
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
Пастернак Е.А. Хроника Илюшинской конференции («Поэзия филологии. Филология поэзии», 18–19 февраля 2022 г., филологический факультет МГУ)	222
Памяти	
Шешкен А.Г. Алла Владимировна Злочевская	229

CONTENTS

ARTICLES

Fedorova L.L., Frolova O.E. New Trends in the Semantic Development of the Noun soul (dusha) and Related Units	9
Lyutikova E.A. Does russian attest syntactic raising? Part 1. Infinitival Clauses	27
Wu Juan, Mukhamedzhanova Sh.T. The Russian Language in Kazakhstan from the Perspective of the Linguistic Landscape (a Case Study of the City of Nur-Sultan)	46
Jiang Yinuo. He Realization of the Vowel [a] in Combination With a Vowel and in the Position After Palatalized Consonants in Russian	60
Arkhipova I.V. Actualization of Taxis Categorial Semantics in the Dutch Language	75
Uvarova Yu.P. The Evolution of the Concept "Contact Variants of Words" in Czech and Slovak	84
Abramova M.A. The Novel Jaufré: an Occitan parody of Arthurian Universality?	92
Prikhodko K.O. Synesthetic Metaphors in Pernette du Guillet's Elegy XLIII (Elegy about the Fountain)	. 102
Zinovieva A.Yu. Robert Browning's Russian Voyage: Dramatic Monologue in English and Russian 19th-Century Poetry	. 109
Apalkova E.S., Solntseva N.M. Typology of the Russian Magic Prose: a Study into Short Stories and Novellas from the 1900s–1940s	. 122
Domashneva V.V. The Category of Beauty in G.M. Tsyferov's Philosophical Fairy Tales	. 135
Veresotskaya E.I. Reverse perspective as a key depictive method in the novel between dog and wolf by S. Sokolov	. 145
Hazanova O.E. Joseph Brodsky and Ignatius of Loyola: Intertextual Masks of the Author in the Poem "Imagine – a Match Strike – that	155
Eve in the Shelter <>"	. 155

COMMUNICATIONS

Gerashchenko M.A. Structural and Semantic Features of the Epithets in Greeting Formulas in German Letters of the 18th-Century					
FROM ARCHIVES					
Lifshits A.L. A Letter from Anna Vasilievna Gogol to Vladimir Ivanovich Shenrok					
REVIEWS					
Krinitsyn A.B. K l u g e RD. F.M. Dostojevskij. Eine Einführung in Leben, Werk und Wirklung / Red. Dorothea Scholl: WBG Academic (Wissenschaftliche Buchgesellschaft), Darmstadt, 2021 205 Monisova I.V. Norma i otklonenie v literature, yazyke i kulture (norm and deviation in literature, language and culture) / Ed. by T.E. Avtukhovich. Yanka Kupala State University of Grodno, 2021 212					
•					
SCIENTIFIC LIFE					
Pasternak E.A. The Chronicles of the Ilyushin Readings					
IN MEMORIAM					
Sheshken A.G. Alla Zlochevskaya					

СТАТЬИ

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ СЕМАНТИКИ ДУШИ И СВЯЗАННЫХ С НЕЙ ЕДИНИЦ

Л.Л. Федорова, О.Е. Фролова

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; lfvoux@yandex.ru, http://orcid.org/0000-0002-2284-6643

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Аннотация: Задачи, поставленные авторами, состояли в том, чтобы рассмотреть (а) как функционируют производные существительного душа душевный, душевность и задушевный, задушевность, а также идиомы по душам, с душой, от души в текстах и в современной речи; и (6) как семантика этих единиц понимается молодыми носителями русского языка. Анализ проводился в соответствии с методикой люблинской этнолингвистической школы и был основан на материале словарных описаний исследуемых единиц, примеров их употребления в текстах НКРЯ, а также на результатах опроса носителей языка. Был проведен опрос 50 студентов-гуманитариев из четырех московских университетов. Респондентам было предложено привести примеры словосочетаний и завершить предложение в соответствии с моделью «Настоящий N — это...» Студентов также попросили указать, использование каких единиц исключает идею неискренности, экономии моральных усилий, неприятной атмосферы. Анализ выявил несколько тенденций: (а) значения прилагательного задушевный смещаются от внутренних явлений (относящихся к внутреннему миру) к внешним — речи и голосу; (б) дериваты душевный и задушевный обнаруживают не только общие черты, но и различия в семантике и сочетаемости; (в) изменения в семантике изучаемых единиц распознаются молодыми носителями русского языка; (г) в современной речи происходит расширение сочетаемости слов душевный, душевно, которые активно используются для характеристики атмосферы события, а также могут употребляться в сленге для оценки вещей; (д) респонденты отмечают семантическую конвергенцию между идиомами с душой и от души.

Ключевые слова: существительное *душа*; его производные; фразеологические единицы с существительным *душа*; опрос; семантика; употребление; сочетаемость; семантические сдвиги

Для цитирования: Федорова Л.Л., Фролова О.Е. Новые тенденции в развитии семантики *души* и связанных с ней единиц // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 5. С. 9–26.

NEW TRENDS IN THE SEMANTIC DEVELOPMENT OF THE NOUN SOUL (DUSHA) AND RELATED UNITS

Liudmila Fedorova, Olga Frolova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; lfvoux@yqndex.ru; http://orcid.org/0000-0002-2284-6643

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Abstract: The tasks set by the authors has been to consider (a) how derivatives of the noun dusha 'soul'—dushevnost' and zadushevnost' 'sincerity', as well as idioms po dusham 'heart to heart', s dushoi 'with soul', ot dushi 'from the heart' — function in texts and in modern speech; and (b) how the semantics of these units is understood by young Russian speakers. The analysis was carried out in accordance with the methodology of the Lublin ethnolinguistic school and was based on the material of dictionary descriptions of the studied units, examples of their use in the texts of the NRC, as well as on the results of a survey of native speakers. A survey of 50 humanities students from four Moscow universities was conducted. The respondents were asked to offer examples of collocations and to complete the sentence following the model 'A real N is...'. The students were also asked to indicate the use of which units exclude the idea of insincerity, economy of moral effort, and unpleasant atmosphere. The survey revealed several tendencies: (a) the meanings of the adjective zadushevnyi shift from internal phenomena (related to the inner world) to external ones — speech and voice; (b) the derivatives dushevnyi and zadushevnyi reveal not only common features, but also differences in semantics and collocation; (c) changes in the semantics of the studied units are recognized by young native speakers of the Russian language, (d) in modern speech, there is an expansion of the compatibility of the words dushevnyi, dushevno, which are actively used to characterize the atmosphere of the event, and can also be used in slang to evaluate objects; (e) the respondents notice a semantic convergence between the idioms *s dushoi* ('with soul') and ot dushi ('from the soul, from the heart').

Key words: noun *dusha* ('soul'); adjective and substantive derivatives; survey; semantics; use; compatibility; semantic shifts; phraseological units with the noun *dusha*

For citation: Fedorova L.L., <u>Frolova O.E.</u> (2022) New trends in the semantic development of the noun *soul* (*dusha*) and related units. *Moscow State University Bulletin*. *Series 9. Philology*, no. 5, pp. 9–26.

Описанию семантики слова *душа* посвящена обширная научная литература [Wierzbicka, 1992; Иорданская, 1984; Толстая, 1999; Урысон, 1999; 2003; Шмелев, 2000] и др.

В настоящей работе мы стремились исследовать тенденции изменений в употреблении основных дериватов лексемы душа и оценить лежащие в основе этих изменений семантические сдвиги. В качестве конкретных единиц были выбраны прилагательные ду-

шевный и задушевный, их дериваты — субстантивы душевность и задушевность, а также идиоматические сочетания по душам, с душой, от души. Материалом исследования являются словарные описания этих единиц, их употребления, представленные в корпусе, а также результаты пилотного опроса среди студентов о возможной и типичной сочетаемости и семантике данных единиц.

Метод описания опирается на схему анализа (S–A–T), предложенную в рамках проекта EUROJOS E. Бартминьским [Bartmiński, 2015: 10]. Она включает три основные компонента — системные данные (S), результаты анкетирования (A) и тексты как культурно значимые, так и СМИ (T), — которые в сумме дают возможность достаточно полно представить языковой образ исследуемых единиц.

Задушевный

В паре *душевный* — *задушевный* нас интересует сходство и различие их значений. Для анализа семантики представляется перспективным начать с кажущегося более узким по семантике прилагательного *задушевный*. Оно отмечается уже в Словаре Академии Российской как «простонародное»:

Задушевный — прил. простонародное. Любезный, сердечный. Задушевный друг. [CAP-1_2: 1789–1794]

Можно обратить внимание на то, что характеристика «простонародное» не соответствует современному термину «просторечное», если судить по литературным текстам близкого времени (примеры по НКРЯ):

- (1) Гаврила Романович представил меня А.С. Шишкову, сочинителю «Рассуждения о старом и новом слоге», **задушевному другу** президента Российской Академии Нартова. [С.П. Жихарев. Записки современника (1806–1809)]
- (2) <...> Горлопанов, псовой охотник, которой беспрестанно бредит об русаках и задушевных своих собаках... [Московские записки // Вестник Европы, 1811]

Можно полагать, что слово было принято в народной и народнопоэтической речи (так, в *Путевых записках* А.С. Грибоедова за 1819 г. упоминается песня «Солдатская душенька, задушевный друг»), далее вошло в более широкое употребление, но воспринималось не как сниженное, а как экспрессивное, отмеченное особой интимной интонацией. Для периода 1790–1850 гг. в подкорпусе НКРЯ наибольшее число примеров отмечается в 1840-е годы, причем преимущественно в текстах писем, дневников, мемуаров, т.е. располагающих к свободному выражению чувств и мыслей. Из 164 примеров на задушевный (на почти 17 млн слов) сочетаемость с обозначением лица составляет примерно четверть: задушевный: друг (21), приятель (16), приятельница (6) и есть даже задушевный враг:

(3) Англія, самый ожесточенный, неумолимый, **задушевный враго** Наполеона... [И.В. Киреевский. Библиографические статьи (1845)]

И собака (2) может быть задушевной, т.е. являться предметом сердечной привязанности человека. Но много примеров с существительными, описывающими внутренний мир человека: задушевная мысль (16), тайна (5), идея (3), желание (3) уважение (2) (кроме того надежда, помыслы, упования, чувства, ощущение, стремление, цель, интересы, склонности, любовь, дружба, грусть, воспоминания, ласки, мир, жизнь и др.). Немало примеров, связанных с речью: разговор (4), беседа (4), слово (2), поэзия (2), исповедь (2), признания, советы, предположения, мнения, речи и др. (примерно десятая часть). Как видим, сочетаемость очень широкая, сейчас мы бы не сказали задушевная жизнь, задушевный мир, задушевные предположения или мнения, задушевное уважение, задушевный враг, задушевная собака. Как устойчивые коллокации статистически выделяются задушевный друг, задушевный приятель и задушевная мысль. Судя по статистике НКРЯ, задушевный вышло на пиковые значения по частоте в 1850-1860-е годы и далее, хотя и снизив активность, все же оставалось достаточно частотным на протяжении всего XIX в.; в XX в. наблюдается дальнейшее ее плавное снижение, а в XXI — более заметное падение.

Для сравнения: подкорпус 2000–2021 гг. (объем около 87 млн единиц) содержит 347 примеров на задушевный; т.е. при объеме корпуса в 5 раз большем, чем корпус 1790–1850 гг., вхождений всего вдвое больше. Мы сравниваем периоды утверждения в литературной речи и современного употребления как наиболее контрастные и наблюдаем тенденцию к сокращению активности. Как изменилась сочетаемость? На расстоянии 2 от задушевный встречаем друг (9), приятель (2), приятельница (2), но появились подруга (6), подружка (4), человек (2) и дружбан¹. Всего порядка 6% примеров по отношению к лицу. Зато резко возросла доля примеров, характеризующих речь: задушевная беседа (45), задушевный разговор (26), песня (14), голос (13), слово (8), тон (5). Больше всего примеров на наречие задушевно — 61, характеризующее именно речевые действия: разговаривать, гово-

¹ Окказиональное задушевный дружбан возникает в стилистически сниженном контексте, имитирующем профессиональный жаргон следователей: судья личный задушевный дружбан этого следака [Александра Маринина. Ангелы на льду не выживают. Т. 1 (2014)]. Вообще в корпусе дружбан не часто встречается с определениями, обычно они нейтральны: это свой (мой, твой, наш), старый, ближайший, закоренелый, новый, пожилой, мой дорогой — в разговорно-сниженных контекстах. Автор благодарен рецензенту за замечание о стилистической несовместимости компонентов этого сочетания.

рить, сказать, петь, произнести и проч., тогда как в подкорпусе 1790—1850 гг. всего два примера с наречием. Таким образом, речь и голос получают первенство в семантическом пространстве: 172 примера из 347, т.е. половина всех вхождений.

Судя по примерам, семантическое ядро у задушевный перемещается от явлений внутренней жизни человека, его мыслей и желаний, к внешним — речи и голосу. При этом заметно падает доля обозначений лиц, хотя задушевный друг все же остается устойчивым сочетанием.

Но самыми устойчивыми парами оказываются задушевная беседа и задушевный разговор.

Эти сдвиги отчасти отражает и современный толковый словарь под редакцией С.А. Кузнецова:

Задушевный... — Сердечный, искренний. 3. друг. 3-ая песня. 3-ые нотки в голосе. 3. разговор. // Сокровенный, интимный. 3-ые мысли. 3-ая тайна. <Задушевно, нареч. 3. поговорить, побеседовать. Задушевность, -и; ж. [БТС, 2014]

Если обратиться к внутренней форме прилагательного задушевный, можно выдвинуть гипотезу, что оно образовано от предложного сочетания «за душой», предполагая нечто находящееся за гранью, отделяющей внешний мир от внутреннего; это согласуется с метафорическим образом души-оболочки, вместилища [Урысон, 1999; Федорова, 2018]. За душой может что-то скрываться, что-то важное, тайна, а может и ничего не быть (содержания, денег, ср. ни гроша за душой). Задушевный — такой, который спрятан за этой оболочкой, не открыт каждому. Но возможно представить эту границу видимой. Это подсказывается одним из значений души: по Далю, душа, душка — 'ямочка на шее', которая открывается, если распахнуть одежду (ср. душа нараспашку — грудь нараспашку, рубаха-парень), и в которой пульсирует дыхание, биение сердца: «тут, по мнению народа, пребывание души» [Даль, 1994, I: 1257]². Тогда понятно, что за такой видимой границей скрыт прежде всего голос, он может пониматься и как буквально спрятанный за ямочкой-«душой» (ср. закадычный друг с иным содержимым). Отсюда легко развивается весь комплекс значений, связанных с голосом, звучанием, песней, речью, мелодией, с характеристиками звука — негромкий, плавный, мягкий, певучий. Но у юного Пушкина, видимо, возможен и громкий:

² Даль соотносит *душка* и с обозначением шейной части меха животных, допуская и связь с *дужка* — 'углубление в ключице'; М. Фасмер связь с *дуга*, *дужка* не отмечает, но проводит параллели с и.-е. названиями предплечья, а также приводит пример *белодушка* — 'животное с белой шеей или грудью' [Фасмер, 1: 557]. Ср. также *душегрейка* — меховая короткая кофта без рукавов.

(4) ... он вскрикивает, кидается на шею, целует, жмет руку, **хо-хочет задушевным голосом**... [А.С. Пушкин. Лицейский дневник (1815)]

В современных текстах примеров множество: задушевный голос, задушевные народные песни; задушевный, округлый говор; задушевное бла-бла-бла; рыба с задушевным названием барабулька; задушевные бардовские средства; задушевный голос Бернеса; задушевное зыкинское «Издалека долго течет река Волга»³.

Переход от буквально скрытого, невидимого (голоса) к тайному, сокровенному показывает развитие значений, связанных с духовной жизнью: *задушевные мысли*, *тайны*, *желания*, *надежды*.

Именно это содержание характерно для употреблений первой половины XIX в. Оно связано со снятием преград: нечто может проникнуть в душу, когда она открывается. Здесь видна и синонимическая близость не только к сокровенный, но и к откровенный:

(5) Кто, кроме помешанного, предастся такому откровенному и **задушевному излиянию** своих чувств на бале, среди людей, чуждых ему? [В.Г. Белинский. «Горе от ума». Комедия в 4-х действиях, в стихах. Сочинение А.С. Грибоедова (1839)]

Это значение задушевного можно ощутить и в примерах о пении Марка Бернеса и Людмилы Зыкиной. Здесь задушевность связана не только со звучанием, но и со смыслом слов, проникающих в душу.

Откровенность, снятие преград делает возможным задушевную беседу. Задушевный разговор, поговорить по душам — это предполагает взаимный допуск к сокровенным чувствам и мыслям. Эти обороты предполагают разговор двоих, доверие и интимность, хотя возможен задушевный разговор и в близком кругу «своих»: в примерах из корпуса — посиделки, задушевно-обывательское веселье. И далее осуществляется перенос на субъекта, по отношению к которому это возможно: задушевный друг, приятельница, дружбан.

 $^{^{3}}$ Слова известной песни, исполняемой Людмилой Зыкиной, народной артисткой СССР.

⁴ Возможна, однако, и параллельная трактовка исходной семантики задушевного: от сочетания за душу (брать, тянуть и проч.). Примеры подобных сочетаний присутствуют в текстах середины XIX в.: Этого звука ружейного я слышать не могу хладнокровно, как-то, знаешь, за душу берет. [Л.Н. Толстой. Севастопольские рассказы / Севастополь в мае (1855)]; Лихо, братец, поет, так и тянет за душу! [И.И. Лажечников. Горбун (1858)]. Интересно, что субъектом глагольных сочетаний выступает, как правило, звук или речь, песня, т.е. нечто находящее отзвук в душе, которая как бы резонирует (тогда голос выступает инструментом души, метонимически ее представляющим [Федорова, 2018]. Эта трактовка акцентирует другую сторону значения прилагательного: задушевный — 'трогающий душу, душещипательный'. Автор благодарен рецензенту за обсуждение этой гипотезы, не считая, однако, что она противоречит первой.

Таким образом выстраивается цепь семантических переходов этого прилагательного в его объектах, в которой выделяются две линии: 1. голос > речь > общение, его атмосфера, откровенность > его участники, двое; 2. внутренний мир > тайна, сокровенное > откровение, искренность > 'берущий за душу'; первая скорее внешняя, вторая — внутренняя, содержательная в своих объектах, но в обеих предполагается искренность, идущая от души. И если в первый период для задушевный более важны характеристики содержательные, то в современный возобладали скорее внешние.

Современные данные, полученные по примерам из корпуса, могут быть уточнены результатами опроса студентов. Этот опрос имел пилотный характер, т.е. предполагалось, что он позволит выделить тенденции в развитии семантики единиц, возможно, нуждающиеся в статистически более солидном подкреплении. В нем участвовали 50 человек, представители четырех гуманитарных вузов Москвы, преимущественно девушки 18–25 лет (студенты и магистранты), родным языком которых является русский. Им было, в частности, предложено привести примеры сочетаемости прилагательного задушевный. По выделенным классам референтов их ответы распределились следующим образом:

- *разговор*, беседа в 72% анкет;
- песня, мотив, мелодия, голос в 56%;
- *друг*, человек в 48%;
- *тайна, мысль* в 16%.

Результаты подтверждают уход на периферию значений, связанных с внутренним миром, и подтверждают типичные характеристики речевых действий и голоса. На первый план выходят ситуации общения с устойчивыми объектами — разговор, беседа, но и поддерживается эпитет в характеристике лица (задушевный друг).

Душевный

Прилагательное *душевный* стилистически более нейтрально. Оно фиксируется еще в древнерусский период в словаре И.И. Срезневского, выделившего среди прочих устойчивые сочетания *душевная грамота* (историзм со значением завещания) и *от всей души* [Срезневский, I: 751–752]. Отмечается *душевный* и в САР-1_1 (1789–1794) в относительном («касающийся до души») и в собственном (качественном) значениях («согласный с душою»). Отмечено устойчивое *душевный друг* — «сердечный, искренний друг».

Современные словари выделяют больше значений.

Душевный ...— **1.** к Душа (1 зн.); связанный с внутренним миром человека, его психическим состоянием. Д-ая чистота, красота, стойкость. Д. подъём. Д-ое потрясение. Д-ая мука...) // Связанный

с нарушениями в области психики. Д-ые болезни, заболевания. **2. Искренний, сердечный, идущий от души**. Д. разговор. Д-ое участие в ком-л., в чьей-л. судьбе. Ободрить кого-л. душевным словом. Дать д. совет. // Берущий за душу, трогающий искренностью, глубиной чувства. Д-ая песня. Д-ое пение. **3. Добрый, чуткий, отзывчивый (о человеке)**. Слывет человеком душевным. На редкость душевна в общении. [БТС, 2014]

Обращаясь к корпусным данным, мы видим, что число вхождений прилагательного *душевный* едва ли не на порядок выше, чем у *за-душевный* (более 25 тыс. против трех тысяч), при этом прилагательное *душевный* в русском языке весьма активно в XVIII в. Однако контексты употребления преимущественно проповеднические или философские (в том числе в переводах). Так, в своем словаре синонимов («сослов») Д.И. Фонвизин пишет:

(6) Понятие есть **душевная способность** мыслить или получать идеи. [Д.И. Фонвизин. Опыт российского сословника (1783–1784)]

В текстах часто встречаются сочетания душевные силы, ~ доброты, ~ скверны, душевная польза, ~ немощь, есть и душевный покой, ~ врач, враг, ~ душевная благодать, ~ твердость, ~ слепота, ~ свобода и проч. — в основном описываются состояния и свойства или качества души, т.е. относительные значения. Но появляется и оборот душевно рад, с качественным значением, — в прямой речи художественного текста:

(7) Как не ждать, Василиса Еремеевна: мы тебе **душевно рады**, а за гостей благодарны... [П.А. Плавильщиков. Сговор Кутейкина (1789)]

Далее в письмах — душевный поклон:

(8) **Душевные поклоны** княгине и всем вашим. Обнимаю тебя. [В.Л. Пушкин. Письмо П.А. Вяземскому, 4 апреля 1829 г. Москва (04.04.1829)]

Подобные примеры показывают использование душевно/душевный в неформальном общении, развивающее эмоционально окрашенные коннотации значения «согласный с душою» (по САР). В дальнейшем качественные значения находят более широкое выражение:

- (9) А барышня наша **душевный человек**; бывало это, разговорится с тобой, как с своим братом. [А.Н. Островский, Н.Я. Соловьев. Светит, да не греет (1881)]
- (10) < ... > Глумов, не торопясь, съел котлетку, выпил бутылку пива и вступил со мною в душевную беседу. [М.Е. Салтыков-Щедрин. В среде умеренности и аккуратности <math>(1874–1877)]

Можно заметить, что качественные значения разделены по объектам: это либо речь и общение, либо человек (что характерно и для

современного употребления). Относительная активность прилагательного ∂y шевный все же наиболее выражена в XVIII в., а в XIX в. и далее более умеренна.

Сравнивая толкования прилагательных задушевный и душевный, обнаруживаем, что у обоих прилагательных словарь отмечает значение 'искренний'.

Значение 2 по БТС, связанное с речью, в общем, сопоставимо с аналогичным значением у *задушевный*, но для *задушевный* не выделяется отдельно значение 3, относящееся к человеку: *задушевный друг* в словарных примерах — в одном ряду с другими объектами.

В опросе студентов о сочетаемости прилагательного душевный ими были предложены следующие группы примеров:

- состояния души: состояние, покой, спокойствие, пустота, боль, тоска, тревога, равновесие, баланс, подъем, порыв, волнение, расстройство, болезнь, ... в 56% анкет;
- качества души: простота, красота, стойкость, чистота, сила... в 20%;
- лицо: человек, собеседник, друг, ... в 56%;
- общение и речь: разговор, беседа в 48%;
- события и их атмосфера: атмосфера, встреча, праздник, вечер, прием, завтрак, обед, ужин, ... в 36%;
- свойства вещей и места: дом, кафе, песня, музыка, место... в 20%.

Как видим, первые две группы ответов связаны с относительным значением прилагательного *душевный*. Для нас интересны его качественные значения, и в них — сходства и различия в сочетаемости с *задушевный*. Здесь меняются местами в иерархии группы объектов «общение» и «лицо», но обе, как и для *задушевный*, занимают ведущие позиции.

Ответы студентов показывают, однако, более широкую возможную сочетаемость, чем предлагают словари.

Так, заметно выделяется группа «событий», которые характеризуются как душевные по своей атмосфере. В текстах НКРЯ 1790–1850 гг. мы не нашли примеров подобной сочетаемости. В период 1850–1900 гг. примеры единичны: атмосфера (2), встреча (1). В период 1900–2000 гг. примеры так же скудны: атмосфера (2), прием (3), встреча (5), Начиная с 2001 г. заметна тенденция к расширению употреблений: в основном корпусе атмосфера (2), прием (5), встреча (6), вечер (1). Если же обратиться к газетному корпусу (с 2000 г.), там примеров на сочетаемость душевный с этим классом слов (с расстоянием 2) гораздо больше: душевная атмосфера (31), прием (5), встреча (2), вечер (2). Очевиден акцент на общей атмосфере события.

Особый интерес представляет группа, которую мы обозначили как «свойства вещей и мест»; эти объекты отчасти пересекаются с объектами задушевного: песня, музыка (звучащие объекты) могут быть и задушевными и душевными, но не вполне понятно, чем же различаются их определения. Появляется и новая группа объектов сочетаемости («незвучащие») — дом, кафе, место, которые тоже могут быть душевными в представлении студентов. В газетном корпусе (с 2000 г.) лишь по одному примеру на место и дом, зато много примеров на словосочетание душевная песня — 29, притом что на задушевная песня — 27, что показывает соперничество двух прилагательных. Оно может быть связано с расширением сферы оценочных употреблений прилагательного душевный или, возможно, с неразличением оттенков значений.

Душевность **vs** задушевность

Для выяснения того, насколько эти оттенки осознаются студентами, мы предложили им дать свое толкование понятий, дополнив фразы: Настоящая задушевность — это ...; Настоящая душевность — это ...; С модификатором «настоящий» в соответствии с методикой опроса, предложенной Е. Бартминьским [Bartmiński, 2015: 10]). Их ответы распределились по группам следующим образом:

- Настоящая душевность это...
  - ⊳ качество человека в 72% анкет;
  - ⊳ атмосфера в 24%;
  - ⊳ свойство предмета в 12%.

Более конкретно «настоящая душевность» трактовалась как:

- ▶ доброта, доброе отношение в 36%;
- искренность в 28%;
- > открытость в 24%;
- ▶ тепло, теплое отношение в 12%.

В толкованиях «настоящей задушевности» отмечаются качества человека (искренность, открытость) и характер отношений (добрые, теплые). Более конкретно:

- Настоящая задушевность это...

  - ▶ близость в общении, очень личное 28%;
  - ▶ нечто берущее за душу, связанное с чувствами 28%;
  - ▶ нечто сокровенное, глубокое, связанное с тайной 28%;
  - *⊳ открытость* 16%;
  - ▶ сердечность, доброжелательность 8%.

Итак, мы видим, что трактовки «задушевности» отчетливо отражают основные семантические сдвиги, намеченные ранее в лексикографическом анализе.

Можно заметить, что доброе отношение оказывается наиболее важным признаком для душевности (и наименее значимым для задушевности), а искренность — определяющим для задушевности.

В трактовках «душевности», по сравнению со словарями, наряду с качествами человека, отмечаются и новые носители свойства — атмосфера, события, вещи. Если для задушевности основой являются отношения между двумя, связанные с искренностью, сокровенными чувствами, то для душевности — более широкий круг участников, создающий атмосферу места, события, приятную многим. Таким образом, понятие «задушевности» трактуется как более глубокое, понятие «душевности» — как более широкое.

- Настоящая задушевность это искренность, общение двоих...
- Настоящая душевность это доброта, открытость всем...

Еще один вопрос был направлен на то, чтобы оценить возможности характеристики *душевный* в отношении вещей, т.е. *душевность* — как «приятность». Было предложен выбор: вставить прилагательное *душевный* или *задушевный*, если какое-то из них подходит к контексту, либо отметить, что не подходит ни одно из них и необходимо выбрать другое.

- Этот шарфик/свитер такой ____, ты в нем прелесть.
  - ⊳ душевный 36% (в основном студентки 18–20 лет);
  - > задушевный 12%;
  - ▶ ни одно не подходит, нужно другое слово 52% (в основном более старшие, 22–25 лет).

Этот результат показывает, что прилагательное душевный в значении 'приятный' уже достаточно расширило свое употребление, хотя в ремарках старшие студенты отмечали его стилистически сниженный, сленговый характер, который они не готовы принять в своей речи. Возможно, препятствием является также и исходная несовместимость сущностного значения душевности как доброты и значения внешней приятности.

Аналогичная тенденция прослеживается в употреблении наречия душевно. Устойчивые ранее этикетные употребления душевно рад, душевно благодарю/благодарен, душевно преданный, душевно поздравляю, широко представленные в 1790–1850 гг., постепенно уходят. Так, в задании студентам вставить на место пропуска душевно / от души / с душой во фразе (в соответствующей позиции):

Я__ рад ____ снова тебя видеть — лишь 8% использовали ду-

То же можно сказать про сочетания с глаголами желать, бояться, растрогать, разлагаться, болеть, сломить (сломлен), определиться, которые описывают внутреннее состояние человека. Они встречаются все реже, уступая место современным оборотам с глаголами посидеть, пообщаться; поболтать, побеседовать, отпраздновать, провести время, характеризующим общение в кругу близких, теплую атмосферу. В корпусе за 2000–2021 гг. отмечено 138 подобных примеров сочетаемости:

- (11) Втроем они **очень душевно посидели**: хорошо поужинали, выпили, расслабились. [Корецкий, 2011]
- (12) ... душевно провести время под пиво и воблу в компании соседей. [Русский репортер, 2010]

Здесь тоже можно говорить о сдвиге от оценки внутреннего состояния к описанию атмосферы общения, от внутреннего к внешнему. Подробнее о подобных употреблениях см. [Фролова, 2016a; 2016b].

От души, с душой, по душам

Идиомы со словом *душа* многочисленны, описываются многими словарями, однако состав фразеологизмов и толкования по разным лексикографическим источникам не тождественны. *От* (всей) *души* — «искренное, от доброго сердца» [Ушаков, 1935–1940]; «искренне, от всего сердца» [БАС-1, 3: 1186]; «максимально правдиво, как бы полностью вовлекая в данное действие свою эмоциональную сферу; максимально интенсивно, не сдерживая и не ограничивая себя, как бы полностью вовлекая в данное действие свою эмоциональную сферу; || сильно» [Баранов, Добровольский, 2015: 261].

Обращение к Национальному корпусу (в объеме 126901 документ, 337025184 слова) показывает, что фразеологизм *от души* встречается в 2220 текстах и 3631 вхождениях, *с душой* — в 729 тексте и 932 вхождении и *по душам* — в 535 текстах и 709 вхождениях. Как видим, самым частотным оказывается словосочетание *от души*, которому уступают две других идиомы.

Идиома *от души*, как показывает НКРЯ, встречается в начале XVIII в., наиболее употребительна в 1840–1850-е годы и сохраняется в употреблении до сих пор. Наиболее частотными оказываются так называемые этикетные употребления в сочетании с глаголами благодарить, поздравлять, желать, сочувствовать.

По-видимому, не актуально употребление идиомы *от души* со словом *жаль*. Конструкция *жаль от души* встречается в середине XIX и в 1901 г.:

(13) Публика смеется, но у нее на глазах слезы: ей **жаль от души** эту мать и ее бедного маленького детеныша. [К.Д. Носилов. Дедушка вогул и его внуки // «Детское чтение», 1901]

В контексте предиката, выраженного формой глагола в повелительном наклонении, идиома характеризует ситуацию, требующую наиболее полного приложения внутренних сил:

(14) И всяко, еже аще творите, **от души делайте**, яко же господу, а не человеком, ведяще, яко от господа приимете воздаяние достояния: господу бо Христу работаете. [архиепископ Феофан (Прокопович). Слово о власти и чести царской... (1718)]

В примере 14 словосочетание можно интерпретировать как 'чистосердечно', 'искренне'.

То же значение, по-видимому, реализуется и в примере 15:

(15) Ужин состоял только из сорока кувертов, но общество было отборное, и всякий забавлялся непринужденно от души. [И.М. Долгоруков. Повесть о рождении моем, происхождении и всей моей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве, 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году моей жизни / Часть 3 (1788–1822)]

Однако в этом употреблении присутствует и важный оттенок — 'с размахом'.

Значение интенсивности развилось у словосочетания в более позднее время — в XX в., например, **от души** дуплились в «картошку» (2000); хулиганят **от** всей **души** (1978); **от души** замахнулся на нее (1922);

(16) А когда упал — дали пару раз ботинком в морду. **От души**. Володька вернулся домой, выплюнул зубы, собрал вещи. [Токарева Виктория. Своя правда // «Новый Мир», 2002]

Говорящий имел в виду не какое-то особое душевное отношение к ситуации или действию, а сильный удар.

Устойчивое словосочетание *с душой* словари объясняют, как «усердно» [CAP-1]; «охотно, с желанием» [БАС-1, 3: 1186]; «думая о ком-н. хорошо и испытывая к нему положительные чувства, будучи готовым ему помочь, в частности, создать ему благоприятные условия» [Баранов, Добровольский, 2015: 262–263].

(17) Долго еще из нее крестил я своих малюток, долго **посылал с душой поцелуи** мои к жене... [И.М. Долгоруков. Повесть о рождении моем, происхождении и всей моей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве, 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году моей жизни / Часть 4 / 1799–1806 (1788–1822)]

С нашей точки зрения, в примере 17 реализуется значение 'усердно'.

(18) Печально завывал капельмейстер; вторила ему, хотя немного отставая, флейта, **играла с душою виолончель**; но и только, вторая скрыпка, валторна и там еще два какие-то инструмента были ниже всякой посредственности, но, впрочем, проиграли. [А.Ф. Писемский. Комик (1851)]

В примере 18 говорящий описывает игру музыкального инструмента, в которую музыкант вкладывает душу. Интерпретацию затрудняет метонимический перенос: предметное имя виолончель выступает в качестве субъекта.

Идиома *по душам* описана в словаре С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой — «откровенно» [Ожегов, Шведова, 2006: 184] и употребляется в контексте глаголов речи *говорить*, *беседовать*.

Итак, у устойчивых словосочетаний значение откровенности закреплено за выражением по душам и связано с содержанием речи, значение максимальной реализации — со словосочетанием с душой, искренности и интенсивности — с выражением от души. Сема интенсивности возникла сравнительно недавно.

Опрос респондентов показал, что в некоторых контекстах словосочетания *с душой* и *от души* взаимозаменяются точно так же, как и прилагательные *душевный* и *задушевный*.

Суммируя результаты анкетирования, приведем таблицу, показывающую тенденции употребления наречия *душевно* и исследуемых идиом. По горизонтали размещены предложения из анкеты, предполагающие вставку нужного по смыслу слова или словосоче-

Таблица

	а) Он все делает 	б) Она всегда уго- щает, уходить не хочется	в) Мы посидели, пообщались, , как раньше	г) Я рад снова тебя видеть.
С душой	64%	2%	_	_
От души	12%	88%	4%	74%
Душевно	_	_	54%	8%
С душой/ от души	18%	8%	4%	_
Душевно/ от души	_	_	30%	4%
Душевно/ с душой	_	_	6%	_
С душой/ от души, / душевно	4%	_	_	_
Другое слово или словосочетание	2%	2%	_	6% (замены: очень, безумно)

тания в соответствующей позиции, по вертикали — исследуемые слова и идиомы. Процентные показатели дают представление о выборе респондентами той или иной единицы, в том числе и допустимой пары.

Отсутствие единства в ответах свидетельствует, на наш взгляд, о сомнениях в семантике единицы у молодых носителей русского языка, в частности о возможности употребления идиом *с душой* и *от души* в одних и тех же контекстах.

* * *

Итак, в результате проведенного анализа можно сделать вывод, что семантика единиц, связанных с понятием души, претерпевает определенные изменения. В употреблении дериватов душевный, задушевный намечаются зоны соперничества, в которых душевный стремится вытеснить задушевный (песня, музыка). Прилагательное задушевный более связывается с речью, разговором, чем с внутренней жизнью человека. Закрепляется использование наречия задушевно для характеристики речевых действий. Расширяется разговорное употребление наречия душевно для характеристики атмосферы общения. Тем самым семантика оценки дрейфует от внутреннего к внешнему. Аналогичные процессы — переход ко все более внешним оценкам — происходят и в использовании прилагательного душевный в оценке событий и вещей, что отмечают студенты, оговаривая, однако, сниженный, сленговый характер этих примеров.

Изменения, свидетельствующие о некотором размывании семантических границ, отмечаются и в употреблении идиом.

В целом анализ показывает важность обращения к анкетированию молодежи для определения новых тенденций в семантике языковых единиц, которые формируются в разговорной речи, не сразу фиксируются словарями и нелегко улавливаются в текстовых материалах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. БАС-1 Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. / Под ред. В.П. Чернышева. М.; Л., 1948–1965.
- 2. БТС 2014 Большой толковый словарь русского языка / Ред. С.А. Кузнецов. СПб., 2002. Авторская электронная версия 2014 г. URL: http://www.gramota.ru/
- 3. САР-1 Словарь Академии Российской. Т. 1-6. 1-е изд. СПб., 1789-1794.
- 4. Баранов А.Н., Вознесенская М.М., Добровольский Д.О., Киселева К.Л., Козеренко А.Д. Академический словарь русской фразеологии. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2015.
- 5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1994.

- 6. *Иорданская Л.Н.* Сердце // Мельчук И.А., Жолковский А.К. Толково-комбинаторный словарь русского языка. EIGENTÜMER UND VERLEGER Gesellschaft zur Förderung slawistischer Studien. Wien, 1984. C. 731–746.
- 7. Национальный корпус русского языка. URL: http://www.ruscorpora.ru/searchmain.html/ (дата обращения: 15.09.2021).
- 8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2006.
- 9. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка: В 4 т. М., 1958.
- 10. Толстая С.М. Душа // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И. Толстого: В 5 т. Т. 1–5. М., 1995–2012; т. 2, 1999. С. 162–167.
- 11. *Урысон Е.В.* Дух и душа // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке: Сб. статей / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. М., 1999. С. 11–25.
- 12. Урысон Е.В. Душа // Апресян Ю.Д. и др. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., испр. и доп. / Ред. Ю.Д. Апресян. М., 2003. С. 302–306.
- 13. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: В 4 т. М., 1935–1940. URL: http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp (дата обращения: 15.09.2021)
- 14. *Фасмер М*. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М., 1964–1973.
- 15. Федорова Л.Л. «А душу можно ль рассказать?» Поэтические и разговорные метафоры души // Antropologiczno-jęzikove wizerunki duszi w perspektyvie międzykulturowej. Institut slawystiki Polskiej Akademii nauk, Fundacja Slawistyczna; pod redakcja Joanny Jurewicz, Ewy Masłowskiej i Doroty Pazio-Wlazłowskiej. Warszawa, 2018. C. 693–709.
- 16. *Фролова О.Е.* О наречии *душевно //* Язык, сознание, коммуникация. Т. 53. М., 2016а. С. 337–345.
- 17. Фролова О.Е. О русской душевности // Dusha w oczach swiata, Instytut Slawistyki Polskiej Akademii Nauk. Warszawa, 2016b. C. 305–317.
- Шмелев А.Д. Широта русской души // Логический анализ языка. Языки пространств: Сб. статей / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. М., 2000. С. 357–367.
- 19. *Bartmiński Jerzy*. Leksykon aksjoligiczny Słowian i ich sąsiadów co zawiera, na jakich zasadach się opiera, dła kogo jest prezeznaczony? W: Leksykon aksjoligiczny Słowian i ich sąsiadów / Red. Jerzy Bartmiński. T. 1. DOM. UMCS, Lublin, 2015. S. 7–13.
- 20. Wierzbicka A. Semantics, Culture, and Cognition: Universal Human Concepts in Culture Specific Configurations. N.Y., 1992.

REFERENCES

- BAS-1 Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. V 17 t. / Pod red. V.P. Chernysheva [Dictionary of the modern Russian literary language. In 17 vols. / Ed. by V.P. Chernyshev]. Moskva, Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1948–1965.
- BTS 2014 Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka / Red. S.A. Kuznecov [A large explanatory dictionary of the Russian language / Ed. by S.A. Kuznecov]. Sankt-Peterburg: Norint, 2002. Avtorskaya elektronnaya versiya 2014 g., available at: www. ruscorpora.ru (Accessed 15.09.2021)
- 3. SAR-1 Slovar' Akademii Rossijskoj. T. 1–6. 1-e izd. Sankt-Peterburg, 1789–1794. [Dictionary of the Russian Academy]. (1789–1794), part 1–6, *Imperatorskaya Akademiya nauk*, St. Petersburg], available at: http://www.runivers.ru/bookreader/book10112/#page/1/mode/1up (Accessed 15.09.2021).

- 4. Baranov A.N., Voznesenskaya M.M., Dobrovol'skij D.O., Kiseleva K.L., Kozerenko A.D. Akademicheskij slovar' russkoj frazeologii [Academic Dictionary of Russian Phraseology]. 3-e izd., pererab. i dop. Moskva: *Leksrus*, 2015.
- 5. Dal' V.I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka*, V 4-h t [Explanatory dictionary of the living Great Russian language. Vol. 1–4]. Moskva: Progress, 1994.
- Iordanskaya L.N. Serdce [Heart]. Mel'chuk I.A., Zholkovskij A.K., Tolkovo-kombinatornyj slovar' russkogo yazyka [Explanatory and combinatorial dictionary of the Russian language]. EIGENTÜMER UND VERLEGER Gesellschaft zur Förderung slawistischer Studien. Wien, 1984, ss. 731–746.
- 7. Nacional 'nyj korpus russkogo yazyka [National Russian Corpus], available at: www. ruscorpora.ru (Accessed 15.09.2021)
- 8. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]. M.: ITI Tekhnologii, 2006.
- 9. Sreznevskij I.I. Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka. V 4 tomah [Materials for the dictionary of the Old Russian language. In 4 volumes]. M.: *Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannyh i nacional'nyh slovarej*, 1958.
- Tolstaya S.M. Dusha [Soul]. Slavyanskie drevnosti. Etnolingvisticheskij slovar'. Pod red. N.I. Tolstogo. T. 1–5. [Slavic Antiquities. Ethnolinguistic dictionary. Ed. by N.I. Tolstoy. Vol. 1–5] Moskva: *Mezhdunarodnye otnosheniya*, 1995–2012. T. 2. 1999, ss. 162–167.
- 11. Uryson E.V. Duh i dusha [Spirit and soul]. *Logicheskij analiz yazyka. Obraz cheloveka v kul'ture i yazyke.* Sb. statej. Otv. red. N.D. Arutyunova, I.B. Levontina [Logical analysis of the language. The image of a person in culture and language. Collection of articles. Ed. by N.D. Arutyunova, I.B. Levontina]. Moskva: *Indrik*, 1999, ss. 11–25.
- 12. Uryson E.V. Dusha [Soul]. Apresyan Yu.D. i dr. Novyj ob"yasnitel'nyj slovar' sinonimov russkogo yazyka. Izd-e 2-e. Ispr. i dop. / Red. Yu.D. Apresyan [Apresyan Yu.D. et al. A new explanatory dictionary of synonyms of the Russian language. 2nd Ed. ispr. and add. Ed. Yu.D. Apresyan]. M.: *Yazyki slavyanskoj kul'tury*, 2003, ss. 302–306.
- 13. Ushakov D.N. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka. V 4-h t. [Explanatory dictionary of the Russian language. In 4 volumes]. Moskva, 1935–1940. URL: http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp (Accessed 15.09.2021)
- 14. Fasmer M. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka. V 4 t. Per. s nem. i dop. O.N. Trubacheva. [Etymological dictionary of the Russian language. In 4 t. Translated from German and supplemented by O.N. Trubachev] M.: *Progress*, 1964–1973.
- 15. Fedorova L.L. "A dushu mozhno l' rasskazat'?" Poeticheskie i razgovornye metafory dushi ["Is it possible to tell the soul?" Poetic and colloquial metaphors of the soul]. Antropologiczno-jęzikove wizerunki duszi w perspektyvie międzykulturowej. Institut slawystiki Polskiej Akademii nauk, Fundacja Slawistyczna; pod redakcja Joanny Jurewicz, Ewy Masłowskiej i Doroty Pazio-Wlazłowskiej. Warszawa, 2018, ss. 693–709.
- Frolova O.E. O narechii dushevno [About the adverb dushevno (mentally)] // YAzyk, soznanie, kommunikaciya. Tom 53 [Language, consciousness, communication. Volume 53]. Moskva: MAKS Press, 2016a, ss. 337–345.
- 17. Frolova O.E. O russkoj dushevnosti [On Russian spirituality]. Dusha w oczach swiata, *Instytut Slawistyki Polskiej Akademii Nauk*, Warszawa. 2016b, ss. 305–317.
- 18. Shmelev A.D. Shirota russkoj dushi [The breadth of the Russian soul]. Logicheskij analiz yazyka. Yazyki prostranstv. Sb. Statej. Otv. red. N.D. Arutyunova, I.B. Levontina [Logical analysis of the language. Languages of spaces. Collection of articles /

- Ed. by N.D. Arutyunova, I.B. Levontina]. Moskva: Yazyki russkoj kul'tury, 2000, ss. 357–367.
- Bartmiński Jerzy. Leksykon aksjoligiczny Słowian i ich sąsiadów co zawiera, na jakich zasadach się opiera, dła kogo jest prezeznaczony? W: Leksykon aksjoligiczny Słowian i ich sąsiadów. Red. Jerzy Bartmiński. Tom 1. DOM. UMCS, Lublin. 2015, ss. 7–13.
- 20. Wierzbicka Anna. Semantics, Culture, and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. NY.: Oxford University Press, 1992.

Поступила в редакцию 27.06.2022 Принята к публикации 30.08.2022 Отредактирована 24.09.2022

> Received 27.06.2022 Accepted 30.08.2022 Revised 24.09.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

 Φ едорова Людмила Львовна — кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой теоретической и прикладной лингвистики РГГУ; lfvoux@yandex.ru Φ ролова Ольга Евгеньевна — доктор филологических наук, до 24 января 2022 г. зав. лабораторией фонетики и речевой коммуникации филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

ABOUT THE AUTHORS

Liudmila Fedorova — PhD, Associate Professor, Head of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Institute of Linguistics, Russian State University for the Humanities; lfvoux@vandex.ru

Olga Frolova — Prof. Dr., until 01/24/2022, head of Laboratory of Phonetics and Speech Communication of the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University.

ЕСТЬ ЛИ СИНТАКСИЧЕСКИЙ ПОДЪЕМ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ? ЧАСТЬ 1. ИНФИНИТИВНЫЕ КЛАУЗЫ

Е.А. Лютикова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; Междисциплинарная научно-образовательная школа Московского университета «Мозг, когнитивные системы, искусственный интеллект», Москва, Россия; lyutikova2008@gmail.com

Аннотация: При изучении актантных инфинитивных конструкций русского языка обнаруживается существенная лакуна в сравнении, например, с английскими инфинитивами: в то время как инфинитивные конструкции контроля широко представлены, инфинитивные конструкции подъема, аналогичные английским, как кажется, в русском языке отсутствуют. Несмотря на то что некоторые инфинитивные конструкции русского языка проявляют отдельные свойства подъема (например, возможность идиоматического прочтения субъектно-предикатных идиом с каузативными глаголами или узкая сфера действия неопределенных местоимений главной клаузы относительно интенсионального оператора инфинитивной клаузы с глаголами речи), прочие диагностики подъема для них принимают отрицательное значение. Возможными структурными аналогами подъемных структур видятся инфинитивные конструкции при модальных и фазовых предикатах. В статье показывается, что русские инфинитивные конструкции с модальными и фазовыми предикатами в тех употреблениях, которые семантически сходны с подъемом, представляют собой примеры функционального реструктурирования и тем самым не являются полипредикативными. В пользу анализа с функциональным реструктурированием говорят следующие свойства инфинитивных конструкций с модальными и фазовыми глаголами: видовые ограничения инфинитива и матричного предиката, ограничения на рекурсию модальных и фазовых предикатов и их взаимное расположение, невозможность пассивизации переходных модальных и фазовых предикатов. В статье предлагается формализация понятия сложного глагольного сказуемого, предполагающая, что модальные и фазовые глаголы встраиваются в стандартную последовательность клаузальных проекций «залог — вид — время» в качестве функциональных вершин. Эта структура не только устанавливает возможные и невозможные комбинации модальных и фазовых предикатов в пределах одного предложения и порядок их вложения, но и позволяет предсказывать возможные и невозможные способы выражения предикативных категорий.

Ключевые слова: подъем; контроль; инфинитив; модальные глаголы; фазовые глаголы; русский язык

 Φ инансирование: Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 22-18-00037 (МГУ имени М.В. Ломоносова).

Для цитирования: Лютикова Е.А. Есть ли синтаксический подъем в русском языке? Часть 1: Инфинитивные клаузы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 5. С. 27–45.

DOES RUSSIAN ATTEST SYNTACTIC RAISING? PART 1: INFINITIVAL CLAUSES

Ekaterina Lyutikova

Lomonosov Moscow State University; Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University "Brain, Cognitive Systems, Artificial Intelligence", Moscow, Russia; lyutikova2008@gmail.com

Abstract: Studying Russian infinitival complement clauses reveals a significant gap in their distribution when compared to their English counterparts. Whereas control infinitives are widely represented in both Russian and English, raising infinitives seem to lack in Russian. Despite the fact that some infinitival constructions exhibit certain properties of raising (e.g. idiomatic interpretation of subject-predicate idioms with causative verbs or a narrow scope of main clause indefinites with respect to the intensional operator of the infinitival clause with speech verbs), other diagnostics of raising are negative in these constructions. Russian infinitival constructions with modal and phasal verbs are generally considered as the nearest structural analogue to English raising constructions. In this paper, I show that Russian raising-like infinitival constructions with modal and phasal verbs result from functional restructuring and thereby are monopredicational. The following properties of infinitival constructions with modal and phasal verbs support the functional restructuring analysis: aspectual restrictions in modal and phasal constructions, constraints on recursion of modal and phasal predicates and their relative scope, ban of the passivization of transitive modal and phasal verbs. The paper provides a formalization of the traditional notion of complex verbal predicate assuming that modal and phasal verbs are built into the standard sequence of clausal projections "voice aspect — tense" as heads of functional categories. This representation establishes possible and impossible combinations of modal and phasal predicates within one clause and the order of their embedding, as well as predicts possible and impossible ways of expressing predicative categories in such constructions.

Key words: raising; control; infinitive; modals; phasal verbs; Russian

Funding: This research is supported by the Russian Science Foundation, RSF project # 22-18-00037 (Lomonosov Moscow State University).

For citation: Lyutikova E.A. (2022) Does Russian Attest Syntactic Raising? Part 1: Infinitival Clauses. *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*, no. 5, pp. 27–45.

1. Введение

В данной статье я предполагаю рассмотреть вопрос о существовании в русском языке конструкций с подъемом аргумента. Проб-

лематика подъема (и противопоставление подъема контролю) исследовалась в первую очередь на материале актантных инфинитивных конструкций [Rosenbaum, 1965; Postal, 1974].

(1) John seems to have built a spaceship. 'Кажется, Джон построил космический корабль.'

Характеристика конструкции как основанной на подъеме аргумента предполагает, что подлежащее некоторой клаузы вступает в падежное взаимодействие с функциональной вершиной вне собственной клаузы — например, с вершиной Т главной клаузы в (1). Причиной этому является невозможность для аргументной именной группы получить падеж в пределах собственной клаузы, обычно вследствие того, что нефинитное Т не лицензирует падеж подлежашего.

Еще одно важное свойство конструкций с подъемом — это расположение зависимой клаузы в аргументной позиции в составе объемлющей структуры. Это свойство следует из общего ограничения на передвижение, известного как ограничения области извлечения [Huang, 1982]: никакой материал не может быть извлечен из составляющей, расположенной в позиции адъюнкта, в том числе и подлежащее зависимой клаузы при подъеме.

Для русского языка существование конструкций с подъемом является дискуссионным вопросом. Несмотря на то, что в русских актантных инфинитивных клаузах падеж подлежащего не лицензируется, конструкции, включающие инфинитивные клаузы, имеют много отличий от классических конструкций с подъемом. Далее в этой статье я предполагаю показать, что русские инфинитивные конструкции с модальными и фазовыми предикатами в тех употреблениях, которые семантически сходны с подъемом, представляют собой примеры функционального реструктурирования [Wurmbrand, 2001] и тем самым не являются полипредикативными (ср. традиционное понятие сложного глагольного сказуемого).

Статья имеет следующую структуру. В разделе 2 мы рассмотрим диагностики конструкций с подъемом подлежащего, противопоставляющие их внешне сходным конструкциям с контролируемым нулевым подлежащим. Далее в разделе 3 мы обсудим имеющиеся обобщения относительно актантных инфинитивных конструкций в русском языке и в разделе 4 покажем, что инфинитивные конструкции подъема в русском языке отсутствуют, а претендующие на этот статус инфинитивные конструкции с модальными и фазовыми предикатами являются монопредикативными.

2. Контроль и подъем в инфинитивных конструкциях

Формально-синтаксические исследования 1960-х годов позволили установить фундаментальное различие между внешне сходными конструкциями с актантными инфинитивами — конструкциями с контролем (2a, 3a) и конструкциями с подъемом (2b, 3b). Общее свойство этих конструкций состоит в том, что две клаузы имеют общий аргумент. Так, именная группа John 'Джон' в примерах (2)–(3) образует семантические и синтаксические связи как в главной, так и в зависимой клаузе. В примерах (2a–b) противопоставление контроля и подъема затрагивает общий аргумент со статусом подлежащего, а в (3a–b) — прямого дополнения.

- (2) a. **John** wants to leave. 'Джон хочет уехать.'
  - b. **John** seems to leave. 'Кажется, Джон уезжает.'

субъектный контроль

подъем в позицию подлежащего

- (3) a. Mary persuaded **John** to leave. 'Мэри убедила Джона уехать.'
  - b. Mary believes **John** to leave. 'Мэри полагает, что Джон уезжает.'

объектный контроль

ECM¹-инфинитив / подъем в позицию прямого дополнения

В работах [Rosenbaum, 1965; Bresnan, 1972; Chomsky, 1973; 1981; Postal, 1974; Lasnik, Saito, 1991] был выявлен целый ряд диагностик, противопоставляющих контроль и подъем; эти диагностики по-казали свою эффективность во многих языках среднеевропейского стандарта. Ниже мы перечислим наиболее показательные из них и проиллюстрируем их материалом инфинитивных конструкций английского языка.

Во-первых, конструкции с контролем и конструкции с подъемом отличаются в отношении селективных ограничений на общий аргумент. В конструкциях с контролем их накладывают как предикат главной, так и предикат зависимой клаузы; в конструкциях с подъемом семантическая селекция характерна только для предиката вложенной клаузы. Так, пример (4a) с инфинитивом контроля неграмматичен в силу того, что матричный предикат want 'хотеть' накладывает селективные ограничения на свое подлежащее — оно

¹ Термин ЕСМ (от англ. exceptional case marking — исключительное падежное маркирование) восходит к раннему генеративному анализу подобных конструкций в английском языке. Суть анализа состоит в том, что общий аргумент остается в позиции подлежащего зависимой клаузы, не поднимаясь в главную, однако в порядке исключения из общего правила падежного маркирования получает падеж от переходного глагола главной клаузы.

должно обозначать одушевленную сущность, способную к выражению желания. В примере (4b) с инфинитивом подъема, напротив, матричный предикат совместим с любым подлежащим.

(4) a. *The river **wants** to dry up. контроль букв. 'Река хочет пересохнуть.'
b. The river **seems** to dry up. подъем 'Кажется, река пересыхает.'

Отметим, что и предикат зависимой клаузы также накладывает свои ограничения на соответствующий аргумент. Например, если в качестве подлежащего конструкций в (4) выбрать одушевленную именную группу, то неприемлемыми окажутся оба примера, поскольку предикат *dry up* 'пересохнуть' не принимает (по меньшей мере в своем буквальном значении) одушевленный аргумент.

Вторая группа диагностик основывается на подлежащно-сказуемостных идиомах типа the cat is out of the bag 'секрет раскрылся', букв. 'кошка выбралась из мешка'. В конфигурациях с контролем (5а) идиома получает только композициональное значение, в то время как при подъеме (5b) идиоматическое значение сохраняется наряду с композициональным.

(5) а. *Mary **persuaded** the cat to be out of the bag. контроль композициональное: 'Мэри убедила кошку выбраться из мешка.' b. Mary **expected** the cat to be out of the bag. подъем композициональное: 'Мэри ожидала, что кошка выбралась из мешка.' идиоматическое: 'Мэри ожидала, что секрет раскрылся.'

Далее, для подъема, но не для контроля характерно сохранение истинностного значения при пассивизации зависимой клаузы. В то время как примеры (7a-b), иллюстрирующие подъем, содержательно эквивалентны, примеры (6a-b) с контролем обладают разными условиями истинности.

- (6) a. The doctor **wants** to examine Bill. контроль 'Врач хочет осмотреть Билла.'
  - b. Bill wants to be examined by the doctor. 'Билл хочет быть осмотрен врачом.'
- (7) a. The doctor **seems** to examine Bill. подъем 'Кажется, врач осматривает Билла.'
  - b. Bill **seems** to be examined by the doctor. 'Кажется, Билл осматривается врачом.'

Наконец, последняя группа диагностик, которые мы рассмотрим, связана со сферой действия общего аргумента. В примере (8) с предикатом контроля persuade 'убеждать' кванторный аргумент all of them 'все из них' не может иметь более узкую сферу действия, чем отрицание в зависимой клаузе. Пример (9) с предикатом подъема, напротив, демонстрирует возможность такой интерпретации общего аргумента, при которой он находится в сфере действия отрицания в инфинитивной клаузе.

(8) контроль

Two Indian principales intervened at this point, and through sound arguments they **persuaded** *all of them not* to act without thinking. [Google hit]

'В этот момент вмешались двое индейских старейшин и благодаря разумным аргументам убедили всех из их не действовать, не подумав.'

все>NEG: убедил всех не действовать, не подумав

*NEG>все: убедил избежать ситуации, в которой все действуют, не подумав

(9) подъем

You can't walk around provoking grown people and **expect** *all of them not* to react. [Google hit]

'Ты не можешь провоцировать взрослых людей и ожидать, что все они не будут реагировать.'

все>NEG: все люди не отреагируют (=ни один человек не отреагирует)

NEG>все: неверно, что все отреагируют (=некоторые люди не отреагируют)

Эти и другие диагностики вскрывают фундаментальное различие между инфинитивами контроля и подъема: в то время как в конструкциях с контролем общий аргумент имеет тематические связи в обеих клаузах, в конструкциях с подъемом тематические зависимости общего аргумента ограничиваются зависимой клаузой. Общим свойством конструкций контроля и подъема являются синтаксические (падежные и согласовательные) связи общего аргумента с функциональной структурой главной клаузы.

Указанные свойства конструкций контроля и подъема стали основой стандартного генеративного анализа этих структур [Chomsky, 1981]. При контроле (10а), (11а) «общий» аргумент является аргументом главной клаузы и лицензируется в ней как синтаксически (падеж и согласование), так и тематически (тета-роль). Связь общего аргумента с зависимой клаузой реализуется в виде особого семантико-синтаксического отношения — контроля — между ним

и нулевым подлежащим зависимой клаузы (контролируемым PRO). В тематические и синтаксические отношения с предикатом зависимой клаузы вступает PRO, и этим объясняются как селективные ограничения на общий аргумент со стороны предиката зависимой клаузы (референция PRO контролируется аргументом главной клаузы), так и возможные отступления от строгого совпадения аргументов в случаях частичного и разделенного контроля (контроль в общем случае не сводим к связыванию). При подъеме (10b), (11b-b') тематические и синтаксические связи «общего» аргумента распределены между главной и зависимой клаузой иначе: он тематически лицензируется только в зависимой клаузе, но вступает в синтаксические отношения как в зависимой, так и в главной клаузе. В частности, составляющие зависимой клаузы (именные сказуемые, плавающие квантификаторы, рефлексивы) могут демонстрировать согласование с общим аргументом. Главная клауза является исключительно источником его падежного лицензирования (и демонстрирует согласование, связанное с лицензированием определенного структурного падежа). Различие между анализами с ЕСМ и собственно подъемом в позицию прямого дополнения (11b-b') связано с тем, сопровождается ли аккузативное маркирование подлежащего зависимой клаузы его передвижением в главную клаузу.

- (10) а. John $_{\rm i}$ wants [$_{\rm CP}$ PRO $_{\rm i}$ to leave]. субъектный контроль 'Джон хочет уехать.'
  - b. $John_i$ seems [TP] t_i to leave]. подъем в позицию "Кажется, Джон уезжает." подлежащего
- (11) a. Mary persuaded John [_{CP} PRO_i to leave]. объектный контроль 'Мэри убедила Джона уехать.'
  - b. Mary believes [_{ТР} John to leave]. ECM / подъем в позицию b'. Mary believes John; [_{ТР} t; to leave]. прямого дополнения
  - b.=b'. 'Мэри полагает, что Джон уезжает.'

Итак, мы видим, что для подъема характерно отсутствие тематических связей общего аргумента с предикатом главной клаузы, а его передвижение обусловлено установлением синтаксических отношений с функциональной структурой главной клаузы, необходимых для падежного лицензирования аргумента. В следующем разделе мы обсудим актантные инфинитивные конструкции русского языка и их характеристики в терминах контроля vs. подъема, обсуждавшиеся в предшествующей литературе.

3. Контроль и подъем в русском языке

В русском языке широко представлены актантные инфинитивные конструкции с предикатами субъектного и объектного контроля; исследования инфинитивных конструкций с контролем последовательно велись как в традиционной, так и в генеративной парадигме [Comrie, 1974; Козинский, 1983; 1985; Babby, 1998; Тестелец, 2001; Landau, 2008; Lasnik, 1998; Stepanov, 2007; Летучий, 2018; Burukina, 2019; 2020; Baykov, Rudnev, 2020]. Характеристика русских инфинитивных конструкций как конструкций с контролем поддерживается базовыми свойствами контроля — наличием селективных ограничений со стороны предиката главной клаузы (12а), невозможностью идиоматического прочтения субъектно-предикатных идиом (12b), изменением истинностного значения при пассивизации (13а–b) и т.п.

- (12) а. Он вынудил друга / *письмо прийти вовремя.
  - b. [#]Я запрещаю жабе тебя душить.
- (13) а. Врач хотел осмотреть пациента.
  - b. Пациент хотел быть осмотренным врачом.

Отклонения от поведения стандартных предикатов контроля отмечались для каузативных предикатов *помогать* и *мешать*, а также для предикатов речи в значении каузативных. Так, И. Бурукина [Бурукина, 2017; Burukina, 2019] отмечает, что предикаты *помогать* и *мешать* допускают идиоматическое прочтение субъектных идиом (14а) и проявляют некоторые другие признаки подъема, например сохранение истинностного значения при пассивизации в зависимой клаузе (14b).

- (14) а. ЗЯ помешал черной кошке пробежать между нами.
  - b. ³Директор помешал Гарри быть убитым Волдемортом.

Хотя по меньшей мере часть носителей русского языка (включая автора) оценивает примеры в (14) и их релевантные интерпретации как сомнительные, возможно, что такие конструкции действительно дрейфуют в направлении подъема.

Более надежными кажутся данные о возможности узкой сферы действия общего аргумента в примерах типа (15) [Minor, 2011; 2013; Lyutikova, Tatevosov, 2020; Летучий, Виклова, 2020]. В предложении (15) именная группа два мальчика может иметь как широкую, так и узкую сферу действия относительно интенсионального оператора инфинитивной конструкции.

(15) Учитель велел двум мальчикам сбегать за помощью.

В [Lyutikova, Tatevosov, 2020] указывается, что подобное поведение характерно для присоединяющих инфинитив предикатов речи (*no*-

просить, предложить, велеть...); отмечается также чувствительность сферы действия аргумента к виду у конативных предикатов речи (уговаривать, упрашивать, умолять...): узкая сфера действия общего аргумента в совершенном виде недоступна, поскольку глагол в этом случае интерпретируется как импликативный каузативный предикат:

(16) а. Он упрашивал кого-нибудь из друзей остаться у него ночевать. b. *Он упросил кого-нибудь из друзей остаться у него ночевать.

Конструкции в (15) и (16а) обладают наряду с возможностью особой сферы действия общего аргумента явными характеристиками конструкций контроля — семантической селекцией, исключительно композициональным прочтением идиом, различной интерпретацией активной и пассивной инфинитивной клаузы. На основании этих свойств для подобных конструкций в [Lyutikova, Tatevosov, 2020] предлагается модифицированный анализ, подразумевающий селекцию матричным предикатом директивной конструкции, содержащей синтаксически реализуемые проекции координат речевого акта [Hill, Tenny, 2003]. Общий аргумент при этом тематически лицензируется как аргумент юссивного предиката, обладающего селективными ограничениями на Исполнителя (Performer). Таким образом, возникает промежуточная между контролем и подъемом структура: общий аргумент падежно зависим от функциональной структуры главной клаузы и при этом должен удовлетворять селективным ограничениям юссивного предиката и предиката зависимой клаузы. Юссивный предикат, в свою очередь, лицензируется только определенными матричными предикатами, так что возникает опосредованная селекция между предикатом главной клаузы и общим аргументом.

Итак, несмотря на имеющиеся отклонения от поведения стандартных предикатов контроля, ни каузативные предикаты, ни предикаты речи не могут рассматриваться как образующие прототипические конструкции с подъемом. В связи с этим в поисках надежных примеров подъема исследователи обращаются к инфинитивным конструкциям с модальными и фазовыми предикатами. Действительно, конструкции с модальными² и фазовыми предика-

² Грамматические свойства модальных предикатов внешней и внутренней модальности различаются. Предикаты внешней модальности (как эпистемической, так и деонтической) далее рассматриваются в статье как наиболее близкие к предикатам подъема и, действительно, проходят все диагностики подъема. Предикаты ориентированной на аргумент внутренней модальности (абилитива, облигатива, пермиссива) накладывают селективные ограничения на аргумент и могут рассматриваться как образующие конструкции, близкие к контролю.

тами полностью проходят диагностики подъема. Во-первых, селективные ограничения на аргумент, по-видимому, отсутствуют как у предикатов внешней модальности, так и у всех фазовых предикатов. Например, в (17а) аргумент пациентивный, а в (17b) — нулевой³.

- (17) а. Для сего **должна** быть выдумана новая машина, sine qua non. [НКРЯ]
  - b. Между тем **начало** смеркаться. [НКРЯ]

Во-вторых, именно с модальными и фазовыми предикатами мы обнаруживаем надежные примеры идиоматического прочтения подлежащно-сказуемостных идиом, ср. (18).

- (18) а. Его может / должна жаба душить.
  - b. У него **начала** / **перестала** / **продолжает** крыша ехать.

В-третьих, конструкции с модальными и фазовыми предикатами демонстрируют сохранение истинностного значения при пассивизации инфинитивного оборота, ср. (19).

- (19) а. Врач может / должен осмотреть больного.
  - b. Больной **может** / **должен** быть осмотрен врачом.

Наконец, диагностика, связанная со сферой действия, также показывает исходную позицию подлежащего ниже матричного (в примере (20) — модального) предиката.

(20) Многие **могут** погибнуть. многие > мочь: Для многих х верно, что х может погибнуть мочь > многие: Возможно, что многие х погибнут

Все вышесказанное, казалось бы, поддерживает анализ инфинитивных конструкций с модальными и фазовыми глаголами, аналогичный анализу английских конструкций подъема в позицию подлежащего (10b). Однако в следующем разделе будет показано, что русские конструкции с модальными и фазовыми глаголами обладают свойствами монопредикативных, а не полипредикативных конструкций и поэтому не могут считаться аналогами английских полипредикативных конструкций с подъемом.

³ Характеристика (17b) зависит от анализа безличных конструкций. Если усматривать в предложении *Смеркается* нулевое подлежащее со значением 'стихия' [Мельчук, 1974], то такой же нулевой аргумент обнаруживается и в (17b), причем лицензируется он именно зависимым предикатом. Если же считать, что подлежащее отсутствует, то возможность безличной конструкции в (17b) также наследуется от зависимого предиката.

4. Инфинитивные конструкции с модальными и фазовыми глаголами

Инфинитивные конструкции с модальными и фазовыми глаголами традиционно рассматриваются в русистике как монопредикативные, а комплекс, состоящий из модального или фазового предиката и инфинитива, — как сложное глагольное сказуемое, аналог аналитической формы спрягаемого глагола [Грамматика, 1960: § 503-511; Русская грамматика, 1980: § 1958-1959]. Эта трактовка основывается, с одной стороны, на противопоставлении финитных и нефинитных форм глагола (считается, что только финитные сказуемые образуют предложение, в то время как нефинитные — только обороты) и, с другой стороны, на единстве структуры предложений, включающих и не включающих модальные и фазовые глаголы. Действительно, как отмечается в грамматиках, введение модального или фазового предиката в конструкцию предложения не меняет его подлежащно-сказуемостных связей, поскольку подлежащее определенного типа лицензируется вложенным лексическим глаголом и наследуется сложным сказуемым, ср. (21).

(21) а. Он читает.	Он может читать.	Он начал читать.
b. Стучали.	Могли стучать.	Начали стучать.
с. Похолодало.	Могло похолодать.	Начало холодать.
d. Её тошнит.	Её может тошнить.	Её начало тошнить.
е. Ей грустно.	Ей может быть грустно.	Ей начало быть грустно.

При этом, однако, объем понятия сложного глагольного сказуемого оказывается слишком большим и включает также все конфигурации с предикатами субъектного контроля (хотеть, намереваться, готовиться и т.п.), отличные по своим свойствам от конструкций с модальными и фазовыми предикатами и характеризуемые как полипредикативные в формальной русистике [Landau, 2008]. В этой связи возникает вопрос, сводится ли различие между двумя типами предикатов, образующими сложное глагольное сказуемое, к противопоставлению контроля и подъема, или же конструкции с модальными и фазовыми глаголами проявляют признаки подъема, поскольку являются монопредикативными, т.е. содержащими только один лексический предикат.

Я полагаю, что правильной является монопредикативная трактовка конструкций с модальными и фазовыми глаголами. В пользу этой точки зрения говорят следующие данные.

Во-первых, для исследуемых конструкций характерны видовые ограничения. Известно, что фазовые глаголы сочетаются только с инфинитивами несовершенного вида [Грамматика, 1960: § 505; Рус-

ская грамматика, 1980: § 1958]. Модальные предикаты способны сочетаться с инфинитивами как совершенного, так и несовершенного вида, но видовые ограничения затрагивают сам модальный глагол: видовую пару образует только ориентированный на аргумент абилитивный мочь, ср. (22), а прочие употребления модального мочь ограничены несовершенным видом.

(22) а. Иван может/смог убить медведя. абилитив b. Может /*Смогло похолодать. эпистемическая модальность

Следует отметить, что видовые ограничения для определенных значений модальных глаголов отмечаются и в других языках. Так, например, в немецком языке модальный глагол *müssen* 'быть должным' не может выражать внешнюю (эпистемическую) модальность в перфектных формах [Wurmbrand, 2001: 184].

(23) a. Sue muss gerade zu Hause arbeiten. внешняя / внутренняя модальность

'Сью, должно быть, работает дома.'

'Сью должна работать дома.'

b. Sue hat zu Hause arbeiten müssen. *внешняя / внутренняя модальность

*'Сью, должно быть, работала дома.'

'Сью должна была работать дома.'

Во-вторых, в русском языке наблюдаются ограничения на рекурсию модальных и фазовых предикатов, а также на взаимное расположение модального и фазового предиката. В примерах из НКРЯ (24) встречается исключительно такой порядок вложения, при котором фазовый предикат вложен под модальный, но не наоборот. Это верно, как для внешней, так и для внутренней модальности, ср. (24e). Два модальных предиката в одной конструкции возможны, если относятся к разным типам, при этом предикат внешней модальности подчиняет предикат внутренней модальности, ср. (24f).

(24) а. Это значит, что муж может начинать делать чай... [НКРЯ] b. ...инфляция может начать быстро затухать, как это было после кризисов 1998 и 2008 годов. [НКРЯ] с. Он мог начать держать ложку после реабилитации. [НКРЯ] d. Убежденная твердо в том, что такой человек, как Гончий, должен непременно продолжать ее любить, она всегда опасалась, что он явится в Высоксу снова. [НКРЯ] е. Как только эти бумаги появятся у Артура, он сможет начать шантажировать тех, чьи счета там указаны. [НКРЯ]

f. Сейчас мы должны смочь сделать это и в применении к состояниям души ... [НКРЯ]

Подчеркнем, что указанные ограничения отсутствуют в том случае, когда комбинируются предикаты подъема различных классов. В (25) показаны примеры различных комбинаций фазовых и эвиденциальных глаголов, образующих полипредикативные конструкции с подъемом в английском языке. Мы видим, что возможна как рекурсия глаголов одного семантического класса, так и различные порядки вложения глаголов разных классов.

- a. Because of the adrenaline, your senses are heightened and time **starts to seem to move** a little slower. [Google hit] 'Благодаря адреналину чувства обостряются и начинает казаться, что время течет немного медленнее.' b. And the work done by Pirelli last year and the development
  - b. And the work done by Pirelli last year and the development seems to start to pay off a bit. [Google hit]
  - 'Прошлогодняя работа Пирелли и вложения в развитие компании, кажется, начинают понемногу окупаться.'
  - c. Harrold, who has been exhibiting great stoicism since his capture, now **appears to seem to realize** the awful position in which he is placed... [Google hit]
  - Тарольд, проявлявший необыкновенный стоицизм с момента пленения, теперь, кажется, осознает ужасное положение, в котором он оказался.
  - d. Red squirrel eating seeds **seems to appear to want** to chat. [Google hit]
  - 'Рыжая белка, поедающая семечки, кажется, хочет поболтать.'

Следует подчеркнуть, что монопредикативность не исключает присоединения обстоятельств определенного класса на разных уровнях синтаксической структуры, в том числе выше или ниже функционального глагола. Так, отмечаемая рецензентом неоднозначность обстоятельств времени (Больные начали выздоравливать вчера), имеющих в сфере действия только группу инфинитива либо всю группу фазового глагола, вполне объяснима, если допустить разные структурные позиции наречия вчера. Известно, что адвербиалы часто обладают вариативной сферой действия, причем такое варьирование может затрагивать даже составляющие меньшего размера, чем группа лексического глагола (ср. реститутивное и репетитивное значения наречия опять).

В отличие от вида, предикативные категории времени и модальности не фиксированы в конструкциях с модальными и фазовыми

глаголами и выражаются единожды — на спрягаемом глаголе ^{4} . Ограничения на образование императивов в конструкциях с модальными глаголами (*Будь должен работать!), на наш взгляд, являются следствием семантической неконтролируемости модальных предикатов и могут объясняться так же, как и для лексических глаголов (*Видь!). В свою очередь, выражаемые вложенным инфинитивом актантно-значимые преобразования также не ограничены: в частности, допустим как аналитический, так и синтетический пассив.

- (26) а. Не могла быть убита Чарнецкая через полчаса или через час после завтрака: доктор находит, по остаткам пищи во рту, что убийство последовало чуть ли не сейчас после еды. [НКРЯ]
  - b. Послы иностранные и резиденты всех великих держав **перестали быть принимаемы** государем. [HKPЯ]
  - с. Ему не было никакого дела до религии и до церкви, но алтарь и трон, говорил он, **должны защищаться** аристократами. [НКРЯ]
  - d. Дополнительное естественнонаучное образование детей становится одним из механизмов обеспечения экологической и продовольственной безопасности страны, это начало осознаваться руководством страны. [HKPЯ]

При этом важно отметить, что сами модальные и фазовые глаголы в инфинитивных конструкциях не пассивизируются, несмотря на то, что в комбинации с именным внутренним аргументом ведут себя как переходные (Он может / начал это); фазовые глаголы имеют и формы пассивного залога (Урок был продолжен).

Перечисленные свойства русских модальных и фазовых предикатов свидетельствуют о том, что они не проецируют собственной клаузы, а занимают определенные позиции в системе клаузальных проекций монопредикативной структуры с лексическим глаголом в форме инфинитива. Формальная имплементация этой идеи — функциональное реструктурирование, предложенное в работах

⁴ Рецензент отмечает, что с модальным мочь невозможно аналитическое будущее время (буду мочь). Такие примеры, действительно, крайне редки, хоть и встречаются в НКРЯ (ср.: ...человек ... нигде не найдет себе места, нигде не будет мочь главу свою преклонить. [НКРЯ]). Возможно, что это ограничение связано с отмечаемым Е.В. Падучевой [Падучева, 2001] двувидовым характером глагола мочь в истории русского литературного языка: еще во времена Пушкина мочь употреблялся в значении реализованной возможности, выражаемой в современном языке глаголом сов. вида смочь (ср.: ... глаза его потемнели, голова закружилась, он едва мог выйти из комнаты. [А.С. Пушкин. Арап Петра Великого (1828)]).

С. Вурмбранд [Wurmbrand, 2001]. Функциональное реструктурирование — это такая структурная реорганизация полипредикативной конструкции, при которой матричный предикат теряет свой статус лексического и превращается в функциональный элемент в составе единой монопредикативной конструкции.

Для исследуемых нами русских конструкций такой анализ кажется удачным по целому ряду причин. Во-первых, он хорошо совместим с семантической спецификой модальных и фазовых глаголов — и те и другие обладают значением, которое легко сдвигается в область грамматического и может выражаться граммемами морфологических категорий. Во-вторых, анализ предсказывает невозможность рекурсии однотипных модальных предикатов и фазовых предикатов: ограничения на функциональную структуру клаузы гарантируют единственность значения определенной категории в ее пределах. В-третьих, объясняются ограничения на сочетаемость исследуемых конструкций с различными значениями других предикативных категорий и локус их выражения (инфинитив vs. модальный или фазовый глагол): располагаясь в ряду предкативных вершин клаузы — носителей соответствующих грамматических значений вида, времени, залога и т.п., модальные и фазовые предикаты способны выражать значения, кодируемые вышестоящими вершинами, и сочетаться с инфинитивами, выражающими значения, кодируемые нижестоящими вершинами.

На рисунке представлена синтаксическая структура инфинитивной конструкции с модальными и фазовыми предикатами, встроенными в стандартную последовательность клаузальных проекций залог — вид — время. Эта структура не только устанавливает возможные и невозможные комбинации модальных и фазовых предикатов в пределах одного предложения и порядок их вложения, но и позволяет предсказывать возможные и невозможные способы выражения предикативных категорий. Мы видим, что и модальные, и фазовые предикаты расположены выше залоговой вершины Voice; такое расположение означает, во-первых, возможность варьирования залога инфинитива и, во-вторых, неспособность модальных и фазовых глаголов к варьированию залога в пределах данной конструкции. Расположение фазовой вершины ниже аспектуальной обеспечивает отсутствие варьирования вида инфинитива при фазовых глаголах и его свободное выражение на фазовом глаголе. Аналогичным образом ведут себя и модальные глаголы, выражающие внутреннюю модальность: только они способны к выражению не только несовершенного, но и совершенного вида. Наконец, предикаты внешней модальности принимают инфинитив, способный к выражению залога и вида, а сами выражают только время / наклонение.

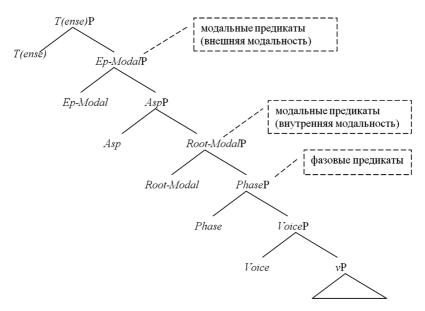

Рисунок. Структура монопредикативной инфинитивной конструкции с модальными и фазовыми предикатами

Вернемся теперь к диагностикам подъема и обсудим вопрос, почему инфинитивные конструкции с модальными и фазовыми глаголами им удовлетворяют. Будучи функциональными элементами, модальные и фазовые глаголы не способны к проецированию собственных аргументов и приписыванию тета-ролей. Это значит, что подлежащее инфинитивных конструкций с модальными и фазовыми глаголами может тематически быть связано только с лексическим глаголом в форме инфинитива. Поскольку подлежащее синтаксически связано с финитной вершиной T(ense) (что выражается в падежном лицензировании подлежащего и предикативном согласовании), а модальные и фазовые глаголы находятся ниже Т, возникает корреляция между финитностью модального или фазового предиката и лицензированием подлежащего. Диагностики подъема выполняются в исследуемых конструкциях так же тривиально, как при лицензировании подлежащего в простой клаузе, не осложненной модальными и фазовыми предикатами. Подлежащее тематически лицензируется внутри νP , а синтаксически лицензируется при взаимодействии с финитной вершиной Т. Ни в простой клаузе, ни в инфинитивных конструкциях с модальными и фазовыми глаголами между этими доменами не проходит клаузальной границы, что и отличает данные конструкции от прототипического подъема.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. *Бурукина И.С.* О возможности подъема подлежащего в русском языке // Типология морфосинтаксических параметров: Материалы международной конференции. Москва, 25–27 октября 2017 года. М., 2017. С. 34–44.
- 2. Грамматика русского языка: В 2 т. / Под ред. В.В. Виноградова. М., 1960.
- 3. *Козинский И.Ш.* О категории «подлежащее» в русском языке // Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Предварительные публикации. Вып. 156. М., 1983.
- 4. *Козинский И.Ш.* Кореферентные связи инфинитивных оборотов в русском языке // Типология конструкций с предикатными актантами / Под ред. В.С. Храковского. Л., 1985. С. 112–116.
- Летучий А.Б., Виклова А.В. Подъем и смежные явления в русском языке (преимущественно на материале поведения местоимений) // Вопросы языкознания. 2020. № 2. С. 31–60.
- 6. *Мельчук И.А.* О синтаксическом нуле // Типология пассивных конструкций. Диатезы и залоги / Под ред. А.А. Холодовича. Л., 1974. С. 343–360.
- 7. Падучева Е.В. Русский литературный язык до и после Пушкина // A.S. Puschkin und die kulturelle Identität Russlands / Ed. by Gerhard Ressel. Frankfurt/Main, Peter Lang, 2001. P. 97–108.
- 8. Русская грамматика: в 2 т. / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1980.
- 9. Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис. М., 2001.
- 10. *Babby L*. Subject control as direct predication: Evidence from Russian // Annual workshop on Formal Approaches to Slavic Linguistics. The Connecticut Meeting 1997. Ann Arbor, 1998. P. 17–37.
- 11. *Baykov F., Rudnev P.* Not all obligatory control is movement // Journal of Linguistics. Vol. 56. 2020. P. 893–906.
- 12. Bowers J. The syntax of predication // Linguistic Inquiry. Vol. 24. 1993. P. 591-656.
- 13. *Bresnan J.* Theory of complementation in English syntax. Doctoral dissertation, MIT, 1972.
- 14. *Burukina I*. Raising and control in non-finite clausal complementation. Doctoral dissertation, University of Budapest, 2019.
- 15. Burukina I. Mandative verbs and deontic modals in Russian: Between obligatory control and overt embedded subjects // Glossa: a journal of general linguistics. Vol. 5. 2020.
- Chomsky N. Conditions on transformations // A Festschrift for Morris Halle. New York, 1973. P. 232–286.
- 17. Chomsky N. Lectures on government and binding. Dordrecht, 1981.
- 18. *Huang J.* Move *wh* in a language without *wh*-movement // Linguistic review. Vol. 1. 1982. P. 369–416.
- 19. *Landau I*. Two routes of control: Evidence from case transmission in Russian // Natural Language and Linguistic Theory. Vol. 26. 2008. P. 877–924.
- Lasnik H. Exceptional case marking: Perspectives old and new // Formal Approaches
  to Slavic Linguistics: The Connecticut Meeting 1997. Ann Arbor, 1998. P. 187–211.
- 21. *Lasnik H.*, *Saito M.* On the subject of infinitives // Papers from the 27th Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society. Chicago, 1991. P. 324–343.
- 22. Lyutikova E., Tatevosov S. Two facets of causality: On the syntax of causation verbs in Russian // La grammaire de la cause II. Actes du colloque international. Paris, 2020. P. 93–116.
- 23. *Minor S*. Control and ECM combined: An unusual control pattern in Russian. Paper presented at CASTL Colloquium. 2011.

- 24. *Minor S*. Controlling the hidden restrictor: A puzzle with control in Russian // Proceedings of the 42nd Meeting of the North East Linguistic Society (NELS 42). Toronto, 2013. P. 29–40.
- 25. Postal P. On raising. Cambridge, 1974.
- 26. Rosenbaum P. The grammar of English predicate complement constructions. Doctoral dissertation, MIT, 1965.
- 27. Speas P., Tenny C. Configurational properties of point of view roles // Asymmetry in grammar, vol. I: Syntax and semantics. Amsterdam, 2003. P. 315–345.
- 28. *Stepanov A*. On the absence of long-distance A-movement in Russian // Journal of Slavic Linguistics. 2007. Vol. 15. P. 81–108.
- 29. Wurmbrand S. Infinitives: Restructuring and clause structure. Berlin; N.Y., 2001.

REFERENCES

- 1. Burukina I.S. O vozmozhnosti pod "ema podlezhashchego v russkom yazyke [On the possibility of subject Raising in Russian]. *Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov: materialy mezhdunarodnoi konferentsii, Moskva, 25–27 oktyabrya 2017 goda.* Moscow, 2017, pp. 34–44. (In Russ.)
- Grammatika russkogo yazyka [Grammar of Russian]. 2 vol. Ed. by V.V.Vinogradov. Moscow, 1960. (In Russ.)
- 3. Kozinskii I.Sh. O kategorii "podlezhashchee" v russkom yazyke [On the notion "subject" in Russian]. *Problemnaya gruppa po ehksperimental'noi i prikladnoi lingvistike. Predvaritel'nye publikatsii.* Vol. 156. Moscow, 1983. (In Russ.)
- 4. Kozinskii I.Sh. Koreferentnye svyazi infinitivnykh oborotov v russkom yazyke [Coreference in Russian infinitives]. *Tipologiya konstruktsii s predikatnymi aktantami*. Ed. by V.S. Khrakovskii. Leningrad, 1985, pp. 112–116. (In Russ.)
- Letuchii A.B., Viklova A.V. Pod"em i smezhnye yavleniya v russkom yazyke (preimushchestvenno na materiale povedeniya mestoimenii) [Raising and similar phenomena in Russian (mainly based on the behaviour of pronouns)]. *Voprosy yazykoznaniya*, Vol. 2, 2020, pp. 31–60. (In Russ.)
- 6. Mel'chuk I.A. O sintaksicheskom nule [On the syntactic null]. *Tipologiya passivnykh konstruktsii. Diatezy i zalogi*. Ed. by A.A. Kholodovich. Leningrad, 1974, pp. 343–360. (In Russ.)
- 7. Paducheva E.V. Russkii literaturnyi yazyk do i posle Pushkina [Russian literary language before and after Pushkin]. *A.S. Pushkin und die kulturelle Identität Russlands*. Ed. by Gerhard Ressel. Frankfurt/Main, Peter Lang, 2001, pp. 97–108. (In Russ.)
- 8. Russkaya grammatika [Russian grammar]. 2 vol. Ed. by N.Yu. Shvedova. Moscow, 1980. (In Russ.)
- 9. Testelets Ya.G. *Vvedenie v obshchii sintaksis* [Introduction to general syntax]. Moscow, 2001. (In Russ.)
- 10. Babby L. Subject control as direct predication: Evidence from Russian. *Annual workshop on Formal Approaches to Slavic Linguistics. The Connecticut Meeting 1997.* Ann Arbor, 1998, pp. 17–37.
- 11. Baykov F., Rudnev P. Not all obligatory control is movement. *Journal of Linguistics*. Vol. 56. 2020, pp. 893–906.
- 12. Bowers J. The syntax of predication. *Linguistic Inquiry*. Vol. 24. 1993, pp. 591–656.
- 13. Bresnan J. *Theory of complementation in English syntax*. Doctoral dissertation, MIT, 1972
- 14. Burukina I. *Raising and control in non-finite clausal complementation*. Doctoral dissertation, University of Budapest, 2019.

- 15. Burukina I. Mandative verbs and deontic modals in Russian: Between obligatory control and overt embedded subjects. *Glossa: a journal of general linguistics*. Vol. 5. 2020.
- 16. Chomsky N. Conditions on transformations. *A Festschrift for Morris Halle*. New York, 1973, pp. 232–286.
- 17. Chomsky N. Lectures on government and binding. Dordrecht, 1981.
- 18. Huang J. Move whin a language without wh-movement. *Linguistic review*. Vol. 1. 1982, pp. 369–416.
- 19. Landau I. Two routes of control: Evidence from case transmission in Russian. *Natural Language and Linguistic Theory*. Vol. 26. 2008, pp. 877–924.
- 20. Lasnik H. Exceptional case marking: Perspectives old and new. *Formal Approaches to Slavic Linguistics: The Connecticut Meeting 1997.* Ann Arbor, 1998, pp. 187–211.
- 21. Lasnik H., Saito M. On the subject of infinitives. *Papers from the 27th Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society*. Chicago, 1991, pp. 324–343.
- 22. Lyutikova E., Tatevosov S. Two facets of causality: On the syntax of causation verbs in Russian. *La grammaire de la cause II. Actes du colloque international*. Paris, 2020, pp. 93–116.
- 23. Minor S. Control and ECM combined: An unusual control pattern in Russian. Paper presented at CASTL Colloquium. 2011.
- 24. Minor S. Controlling the hidden restrictor: A puzzle with control in Russian. *Proceedings of the 42nd Meeting of the North East Linguistic Society (NELS 42)*. Toronto, 2013, pp. 29–40.
- 25. Postal P. On raising. Cambridge, 1974.
- 26. Rosenbaum P. *The grammar of English predicate complement constructions*. Doctoral dissertation, MIT, 1965.
- 27. Speas P., Tenny C. Configurational properties of point of view roles. *Asymmetry in grammar*, vol. I: Syntax and semantics. Amsterdam, 2003, pp. 315–345.
- 28. Stepanov A. On the absence of long-distance A-movement in Russian. *Journal of Slavic Linguistics*. 2007. Vol. 15, pp. 81–108.
- 29. Wurmbrand S. *Infinitives: Restructuring and clause structure*. Berlin; New York, 2001.

Поступила в редакцию 21.07.2022 Принята к публикации 30.08.2022 Отредактирована 24.09.2022

> Received 21.07.2022 Accepted 30.08.2022 Revised 24.09.2022

ОБ АВТОРЕ

ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina Lyutikova — Prof. Dr., Associate Professor, Professors of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; lyutikova2008@gmail.com

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА В КАЗАХСТАНЕ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЯЗЫКОВОГО ЛАНДШАФТА (НА ПРИМЕРЕ НУР-СУЛТАНА)

У Цзюань, Ш.Т. Мухамеджанова

Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли, Ганьчжоу, Китай; 13579752479@163.com, https://orcid.org/0000-0002-9931-3028

Карагандинский государственный университет им. академика Е.А. Букетова, Каранганда, Казахстан; charbatprof@gmail.com

Аннотация: Данная статья посвящена выявлению функции русского языка в Казахстане через призму языкового ландшафта. Результаты исследования достигнуты путем сопоставления видимости и заметности русского языка на официальных и неофициальных общественных знаках в рамках многоязычной исследовательской парадигмы языкового ландшафта; было проанализировано более 500 фотографий общественных знаков в Нур-Султане, использовались количественные и качественные методы. Данные показали, что 1) использование русского языка в общественном пространстве данного города не в полной мере соответствует языковой политике, что проявляется в том, что около 30% официальных знаков пишется только на казахском языке, а на неофициальных знаках русский язык виден чаще, чем казахский; 2) заметность русского языка на обоих типах знаков всегда ниже, чем казахского, что соответствует действующей языковой политике. Таким образом, сделан вывод, что русский язык в Казахстане имеет сильную жизнеспособность и выполняет как коммуникативную, так и социальную функции, однако по сравнению с государственным языком коммуникативная функция занимает более сильную позицию, а социальная функция явно слабее, что является одним из важных свидетельств дерусификации в данной стране. Видно, что под влиянием различных экстралингвистических факторов русский язык в основном играет и будет играть роль главного коммуникативного средства в межэтническом, межрегиональном и межнациональном общении. Представляя коммуникативные, экономические и культурные ценности, он в то же время выполняет символическую функцию — сохранение политической стабильности и национального единства. Данные результаты могут показать новые перспективы исследования статуса и ценности русского языка на постсоветском пространстве и других актуальных вопросов, имеющих связь с этой темой.

Ключевые слова: функционирование русского языка; Казахстан; языковой ландшафт; видимость языков; заметность языков; языковая политика

Для цитирования: У Цзюань, Ш.Т. Мухамеджанова. Функционирование русского языка в Казахстане через призму языкового ландшафта (на примере Нур-Султана) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 5. С. 46–58.

THE RUSSIAN LANGUAGE IN KAZAKHSTAN FROM THE PERSPECTIVE OF THE LINGUISTIC LANDSCAPE (A CASE STUDY OF THE CITY OF NUR-SULTAN)

Wu Juan, Sharbat Mukhamedzhanova

Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou, China; 13579752479@163.com; https://orcid.org/0000-0002-9931-3028 Buketov Karagandy State University, Karaganda, Kazakhstan; charbatprof@gmail.com

Abstract: The essay is devoted to identifying the function of the Russian language in Kazakhstan from the perspective of the linguistic landscape. The results of the study were achieved by comparing the visibility and salience of the Russian language on official and unofficial public signs within the multilingual research paradigm of the language landscape. Over 500 photographs of public signs in Nur-Sultan were analyzed using quantitative and qualitative methods. The data shows that 1) the use of the Russian language in the public space of this city does not fully comply with the language policy: about 30% of official signs are written only in Kazakh; and for unofficial signs, Russian is seen more often than Kazakh; 2) the salience of the Russian language on both types of signs is always lower than that of Kazakh, which is in line with the current language policy. Thus, it is concluded that the Russian language in Kazakhstan has a strong vitality and performs both the communicative and the social functions. However, compared to the state language, the communicative function takes a stronger position, and the social function is clearly weaker, which is important evidence of "derussification" in this country. It can be seen that under the influence of various extralinguistic factors, the Russian language is mainly playing and will continue to play the role of the main communicative means in interethnic, interregional and international communication. Representing communicative, economic and cultural values, at the same time, it performs a symbolic function — the preservation of political stability and national unity.

Key words: functions of the Russian language; Kazakhstan; language landscape; visibility of languages; salience of languages; language policy

For citation: Wu Juan, Mukhamedzhanova Sh.T. (2022) Functions of Russian in Kazakhstan: Perspective of Language Landscape (Taking Nur-Sultan as an Example). *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*, no. 5, pp. 46–58.

1. Введение

Функция русского языка в новых независимых странах Центральной Азии всегда находится в центре внимания академических кру-

гов всего мира. Поскольку язык и общество взаимодействуют, язык выполняет множество функций, в том числе социальную. Изменение статуса и роли языка обусловлено современными социально-политическими и культурными тенденциями. В Казахстане, крупнейшей стране Центральной Азии по территории, использованию русского языка уделяется большое внимание. Ученые отмечают, что диахронические изменения статуса русского языка в образовании, СМИ, науке и технологиях и других сферах изучают, в основном используя официальные документы и официальную статистику. Использованию же русского языка в визуальных источниках информации в публичных пространствах (т.е. в языковом ландшафте, по определению Павленко) уделяется недостаточно внимания, оно упоминается в литературе по изучению языкового ландшафта в постсоветском пространстве [Pavlenko, 2009; Мур, 2015; Чжан, 2016; Опарина, 2018; Mambetaliev, 2018], и в Казахстане в отдельности [Akzhigitova, Zharkynbekova, 2014; Kulbayeva, 2017]. К тому же эти исследования довольно фрагментарны, лишь в некоторых из них языковой ландшафт анализируется системно и глубоко. Как наглядный результат действия языковой политики [Баранова, Федорова, 2020: 627], языковой ландшафт более точно описывает языковую реальность конкретного сообщества, чем официальные документы и данные. Он может «предоставлять физические доказательства подъема и падения статуса языков и их носителей посредством взаимодействия знакового дискурса и социального пространства» [Шан, Чжао, 2014: 84]. В связи с этим в данном исследовании предпринимается попытка выявить функцию и роль русского языка в нынешней общественной жизни Казахстана через сопоставление его видимости и заметности на разных типах знаков.

2. Языковая ситуация в Казахстане

Языковая ситуация в Казахстане характеризуется как демографически неравновесная, экзоглоссная и функционально несбалансированная [Сулейменова, 2005: 133]. В Казахстане проживает более 130 разноязычных этносов, на начало 2022 г. более многонаселенными этническими группами являются казахи (69,5%), русские (17,9%), узбеки (3,3%), украинцы (1,3%), уйгуры (1,3%), немцы (0,9%), татары (0,6%), турки (0,6%), корейцы (0,6%). Казахскому языку был присвоен статус государственного языка. Но в связи с историкокультурной традицией представителями всех этносов присуща более высокая русская языковая компетенция [Сулейменов, 2007: 23]. Об этом свидетельствуют официальные данные: по итогам переписи населения 2009 г. доля владеющих казахским языком состави-

ло 74%, а русским — 94.4%. Эти цифры не сильно колебались за последнее десятилетие, за исключением увеличения числа носителей казахского языка (85,9% в 2019 г.), а русский язык остался неизменным (92,3%)¹. Языковая реальность стимулируют разработку языковой политики и языкового планирования. Статус русского языка был повышен с языка межнационального общения (Закон Казахской ССР «О языках» (1989), Конституция РК 1993 г.) до официального языка (Конституция РК 1995 г., Закон о языках 1997 г.). В XXI в. Казахстан стремится к трехъязычию (казахский, русский и английский), в ряде законодательных документов обозначены функционирование и роль этих языков, как культурная программа «Триединство языков», Государственные программы функционирования и развития языков на 2001-2011/2011-2020 годы, Об утверждении Государственной программы по реализации языковой политики в Республике Казахстан на 2020–2025 годы и т.д. Наблюдается тенденция расширения функций и сферы использования государственного языка. В связи с тем, что языковой ландшафт может отражать de facto языковую политику [Shohamy, 2006], нами использована многоязычная исследовательская парадигма языкового ландшафта для выявления реальной функции русского языка в РК.

3. Теоретические и эмпирические основы исследования

Языковой ландшафт — это «язык придорожных плакатов, рекламных щитов, табличек-названий улиц и площадей, вывесок на магазинах и общественных учреждениях», который предназначен на исследование «видимости и заметности языков на общественных и коммерческих знаках на какой-либо территории» [Landry, Bourhis, 1997: 25], т.е. количества языков и доминирующего кода на общественных знаках. Через призму этих показателей отражается реальная языковая ситуация, языковое сознание, этнические отношения, социальная и культурная ситуация в рассматриваемом районе, поэтому языковой ландшафт и стал новым объектом исследования функционирования языка. Видимость языка на знаках — результат языкового выбора, который характеризует права и национальную идеологию языка и этноса и определяется путем подсчета количества типов комбинации кодов; заметность, в свою очередь, отражает невербальное доминирование какого-либо языка. Итак, языковой

¹ Поскольку результаты переписи населения Казахстана 2019 г. еще не опубликованы, мы привели данные исследовательского института «Общественное мнение». URL: https://opinions.kz/ru/ob-institute/informatsiya-ob-institute (дата обращения: 11.06.2022).

ландшафт выполняет две основные функции: информационную и символическую. Информационная функция знака — это основное сообщение, которое он передает, и таким образом язык используется как средство коммуникации. А символическая функция апеллирует к символической значимости какого-то языка (языков) и/или его разновидностей. Это относится к ценности и статусу языков по сравнению с другими языками, которые используются в данном обществе.

Все общественные знаки, представляющие языковой ландшафт, можно разделить на официальные и неофициальные. «Обычно существуют большие различия в использовании языков в этих двух типах знаков, что представляет собой взаимодействие государственной языковой политики и воли народа» [Шан, 2014: 82]. Шан Говен считает, что «изучение сходств и различий между официальными и неофициальными знаками может помочь нам понять, в какой степени и почему существует разрыв между языковой практикой и языковой политикой в обществе или языковом сообществе» [там же]. Это также может стать новой отправной точкой для изучения функций русского языка в странах Центральной Азии. Исходя из этого, мы проанализируем фактическую функцию русского языка в Казахстане, учитывая его использование на официальных и неофициальных знаках на современном этапе.

Материал был собран в результате полевых съемок и поиска в Интернете. Единица измерения для статистического анализа определяется по методу, предложенному П. Бакхаусом, т.е. на основе его фрейма [Backhaus, 2007: 66]. В итоге мы выделили 302 неофициальных знака (в основном вывески магазинов и рекламные щиты), которые были сфотографированы соавтором в мае 2021 г. на торговом проспекте Женисе в Нур-Султане. Количество официальных знаков в данном районе значительно меньше чем неофициальных. Дополнительно мы собрали 200 официальных знаков города в Интернете (astana-online.kz, Zoon.kz). Таким образом, в наш корпус входит 253 официальных знака, включая вывески на муниципальных, медицинских, культурных, спортивных учреждениях, дорожные знаки, таблички с названием улиц, этикетные таблички, плакаты и т.д. Ниже мы проанализируем характеристики видимости и заметности русского языка на официальных и неофициальных знаках с целью выявления его функций.

4. Видимость русского языка в языковом ландшафте

Видимость того или иного языка на общественных знаках — результат выбора языков, который, в свою очередь, «является фундаментальным ядром языковой политики» [Fishman, Cooper, 1971]. Как

Чжан Чжиго справедливо отметил, «главная проблема языковой политики в Казахстане состоит в том, чтобы правильно урегулировать отношения между русским и казахским языками» [Чжан, Чен, 2016: 51]. Статистика показала, что в Нур-Султане существуют монолингвальные (казахские, русские и английские) знаки, двуязычные знаки и трехъязычные. В табл. 1 показана частота появления (видимость) и типы комбинаций языков на официальных и неофициальных знаках города Нур-Султана.

Таблица 1 Сопоставление количества и комбинаций языков на официальных и неофициальных знаках г. Нур-Султана

T.		Офици	альные	Неофиц	иальные
Типы знав	ЮВ	Кол.	Доля	Кол.	Доля
	КЯ	78	30,8%	8	2,6%
монолингвальные	RA	3	1,2%	74	24,5%
	АЯ	1	0,3%	58	19,2%
	КЯ+РЯ	116	45,8%	74	24,5%
	КЯ+АЯ	30	11,9%	6	2,2%
двуязычные	РЯ+АЯ	4	1,6%	32	10,5%
	РЯ+др.	0	0	5	3,3%
трехъязычные	КЯ+РЯ+АЯ	21	8,3%	40	13,2%

Видно, что русский язык появляется на большинстве знаков, что доказывает, что он обладает значительной жизнеспособностью и превосходством по сравнению с другими языками. Однако частота появления русского языка и его способность к комбинации на официальных и неофициальных знаках не совпадают с казахским, что предполагает их разные функции. Например, около трети официальных знаков используют только государственный язык, а слова на русском языке на них отсутствуют; в то же время на неофициальных знаках доминирует русский язык (76%), его видимость и комбинационная способность намного выше, чем у казахского. Это не в полной мере соответствует положениям ст. 21 закона «О языках в Республике Казахстан» от 11 июля 1997 г. № 151-I: «Бланки, вывески, объявления, реклама, прейскуранты, ценники, другая визуальная информация излагаются на государственном и русском языках, а при необходимости и на других». Таким образом, можно сделать вывод,

что частичное отсутствие русского языка на официальных знаках и сильные позиции на неофициальных отражают его «антиномичность» в разных сферах, что является неизбежным результатом конкуренции с казахским языком за право выступать в публичном пространстве. Это также «часть политического, исторического и идеологического дискурса» [Опарина, 2018: 51].

Невысокая видимость русского языка и его низкая комбинационная способность на официальных знаках — одно из проявлений дерусификации в идеологии Казахстана. Здесь речь идет о символической функции языкового ландшафта, который служит важным инструментом и основным пространством для правительства для продвижения определенной групповой / национальной идентичности посредством продвижения определенных языков [Laundry, Bourhis, 1997; Pavlenko, 2009]. В данном случае правительство Казахстана, в нарушение некоторых существующих правовых положений, пытается продвигать казахский язык как объединяющий элемент нового казахстанского государственного строительства через его вездесущую видимость путем снижения видимости русского языка [Akzhigitova, Zharkynbekova, 2014]. В то же время русский язык маргинализирован в своей политической функции и уступает место казахскому, то есть его языковая сила ниже, чем у казахского, хотя его используют и для поддерживания политической стабильности, общественного согласия и национального единства [Сулейменова, 2009: 21; Жикеева, 2017]. Такая языковая ситуация сложилась под влиянием государственной воли, что поэтапно реализуется путем «расширения сферы использования казахского языка», отраженном в языковом планировании, и путем «устранения двуязычия из официальной сферы» согласно концепции главы государства. А высокая видимость русского языка на неофициальных знаках означает, что русский язык доминирует в сфере общественного обслуживания, выполняя коммуникативную функцию в межэтническом, межрегиональном и межнациональном общении, что обусловлено численностью жителей Казахстана, владеющих русским языком, и его ценностью. По словам Б. Спольски, «общественные знаки должны писаться на языке, понятном аудитории» [Spolsky, 2009], это совпадает с официальными данными (как выше показано), что численность владеющих русским языком в Казахстане выше, чем владеющих казахским. К тому же, экономическая ценность языка является одним из важных факторов при построении языкового ландшафта, а данная характеристика русского языка выше, чем у казахского, поскольку «экономическая ценность языка с широкой областью применения выше, чем у языка с узкой областью применения» [Чен, 2015: 117], то он

необходим как мягкая сила для реализации социального развития Казахстана. Но сильной позиции русского языка на неофициальных знаках угрожает английский язык, частота появления которого составляет около 40%, что является результатом трехъязычной политики Казахстана в общественных местах. Данная политика иллюстрирует попытку государства ослабить и децентрализовать русский язык посредством использования третьего языка. Как отмечает А. Мамбеталиев, «практика Казахстана доказала, что английский язык в трехъязычной системе сыграл положительную роль в развитии казахского языка» [Маmbetaliev, 2019: 59]. Далее мы рассмотрим данный вопрос с точки зрения приоритетности русского языка на официальных и неофициальных знаках.

5. Заметность русского языка в языковом ландшафте Казахстана

Заметность какого-то языка в языковом ландшафте подчеркивает приоритетный статус данного языка. Приоритетный язык часто занимает наиболее видное место на знаках и определяется в том числе невербальными средствами, такими как типографика, размер шрифта, цвет [Scollon, 2009]. Если языки на двуязычных и многоязычных знаках расположены вертикально, то доминирующий язык — верхний; если текст расположен горизонтально, то доминирующим является левый. Что касается размера шрифта, то слова с крупным размером шрифта занимают более заметное место. Мы рассматриваем заметность русского языка на официальных и неофициальных знаках данного района, исходя именно из этих двух критериев оценки приоритетности языка на двуязычных и трехъязычных знаков.

Результаты приведены в табл. 2.

 Таблица 2

 Сопоставление приоритетных языков в официальных

п		Типы	знаков	
Приоритетные языки	Офи	циальные	Неофі	ициальные
КЯ	153	89,5%	120	76,4%
Rq	18	10,5%	37	23,6%
АЯ	0	0	0	0

и неофициальных знаках г. Нур-султана

Как показано выше, русский язык ни на официальных знаках (10,5%), ни на неофициальных (23,6%) не занимает доминирующее место, в отличие от казахского, что почти соответствует положению «Закона о языках в Казахстане»: «все тексты визуальной информации располагаются в следующем порядке: слева или сверху — на государственном языке, справа или снизу — на русском языке, и пишутся одинаковыми по размеру буквами». Это свидетельствует о «динамичном росте национального самосознания титульной нации» [Джуманова, Заурбекова, 2020], которое непрерывно укрепляется за счет визуального доминирующего кода — казахского языка — в публичном пространстве как на официальных, так и на неофициальных знаках. Русский же язык утратил свое политическое господство в общественном пространстве, которое у него было в советский период. Проанализировав результаты в табл. 1, мы обнаружили, что русский язык доминирует только в сочетании с неказахскими языками. Например, большинство указателей туристических достопримечательностей и исторических объектов пишется только на русском и английском языках, причем русский язык расположен выше или левее английского. В данном случае русский и английский языки совместно выполняют функцию передачи информации и имеют большое коммуникативное и экономическое значение, но русский язык имеет более высокий статус, так как является одним из официальных языков Казахстана. Что касается неофициальных знаков, мы заметили, что, хотя только 37,7% таких знаков содержат тексты на двух (казахском и русском) или трех языках (казахском, русском и английском), порядок этих языков на знаках полностью соответствует закону. Так, казахский язык занимает абсолютно доминирующее место, это результат языкового менеджмента государства в неофициальном общественном визуальном дискурсе.

6. Заключение

Наши наблюдения над видимостью и заметностью русского языка на официальных и неофициальных знаках г. Нур-Султана позволили сделать вывод, что русский язык имеет сильную жизнеспособность в публичном пространстве Казахстана, но по сравнению с казахским языком его статус и роль в официальном и неофициальном дискурсах различны, а его использование не в полной мере соответствует языковой политике. Так, во-первых, невысокая видимость русского языка на официальных знаках и абсолютное приоритетное место казахского языка на обоих типах знаков являются следствием мер, предпринимаемых Казахстаном для обеспечения безопасности статуса государственного языка и национальной без-

опасности, а также признаком дерусификации данной страны. Однако благодаря комплексное влияние различных факторов, таких как исторические реалии, межэтнические отношения, экономическое развитие, социально-культурный уровень, русский язык сохраняет статус официального языка страны и «существенную общественную значимость» [Боришполец, 2014: 63]. Во-вторых, коммуникативная функция и область использования русского языка значительно шире, чем у казахского языка, что подтверждается высокой видимостью и комбинационной способностью первого на неофициальных знаках. Это доказывает, что коммуникативная, экономическая и культурная ценность русского языка выше, чем у казахского. Русский язык — незаменимая мягкая сила, помогающая социальному развитию Казахстана. Хотя в рамках трехъязычной политики русскому языку и будет угрожать английский язык, его сильная коммуникативная позиция не будет утрачена еще долгое время. Наш вывод согласуется с исследованиями других ученых: «русский язык значительно превосходит государственный язык по частоте употребления, коммуникативной функции, репутационному влиянию и т.д., а статус последнего не соответствует его функциональной роли» [Ян, 2021: 130]. Перспективы данного исследования видятся в том, что в будущем для дальнейшего выяснения предпочтений жителей страны и их отношения к выбору и приоритету кодов в языковом ландшафте, а также для определения языковой идеологии с целью дополнения и проверки результатов данного исследования могут быть использованы опросы и интервью. В то же время можно будет выявить причины конкуренции между русским и титульным языками в городской публичной сфере с позиций социологической теории и прогнозировать тенденции развития и распространения русского языка в странах Центральной Азии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. *Баранова В.*, *Федорова К*. Регулирования языкового ландшафта в российских городах: многоязычие и неравенство // Журнал исследований социальной политики. 2020. № 4. С. 625–640.
- 2. *Боришполец К.П.* Русский язык в Центрально-Азиатском регионе // Вестник МГИМО Университета. 2014. № 2. С. 63–70.
- 3. Государственные программы функционирования и развития языков на 2001–2011 / 2011–2020. URL: https://smekni.com/a/258362/gosudarstvennaya-programma-funktsionirovaniya-i-razvitiya-yazykov-na-2001-2010-gody/, https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30816308 (дата обращения: 13.06.2022).
- 4. Джуманова Г.Ж., Заурбекова Л.Р. Языковой капитал ресурс модернизации нации // The Newman In Foreign Policy. 2020. № 57 (101). С. 17–21.

- 5. *Жикеева А.Р.* Особенности формирования и развития трехъязычия в Республике Казахстан на примере Костанайской области // Педагогическое образование в России. 2017. № 11. С. 37–41.
- 6. Конституция PK. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000 (дата обращения: 13.06.2022)
- 7. *Мур И.Ю.* Лингвистический ландшафт как средство анализа языковой ситуации и языковой политики в постсоветском пространстве // Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ. 2015. С. 109–115.
- 8. Население по национальности и степени владения языками. Перепись населения 2009 г. URL: http://stat.gov.kz/faces/wcnav_externalld/p_perepis?_adf.ctrl-state-9gybpds2j_52&_afrLoop (дата обращения: 12.06.2022).
- 9. Об утверждении Государственной программы по реализации языковой политики в Республике Казахстан на 2020–2025 годы. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1900001045 (дата обращения: 20.01.2022).
- 10. Опарина Е.О. Взаимодействие языков в современном мире: Политические и культурные особенности билингвизма на постсоветском пространстве // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2018. № 3. С. 48–60.
- 11. «О языках в Республике Казахстан» (от 15 июля 1997 г.). URL: kodeksy-kz.com (дата обращения: 11.02.2022).
- 12. Сулейменова Э.Д. Русский язык в образовательном пространстве Казахстана // Вопросы преподавания и статуса русского языка в государствах членах ЕврАзЭс. 2005. С. 93–103.
- 13. Сулейменова Э.Д., Шаймерденова Н.Ж., Аканова Д.Х. Языки народов Казахстана. Алматы, 2007.
- 14. Сулейменова Э.Д. Очерк языковой политики и языковой ситуации в Казахстане // Russian Language Journal. 2009. Vol. 59. C. 21–36.
- 15. Численность населения Республики Казахстан по отдельным этносам на начало 2022 года. URL: https://www.stat.gov.kz/official/industry/61/statistic/7 (дата обращения: 11.06.2022).
- 16. Чен Чжантай. 陈章太.语言规划概论 [Введение в языковое планирование]. 北京[Пекин], 2015.
- 17. Чжан Чжиго, Чен Лэ. 张治国,陈乐.中亚邻国哈萨克斯坦的语言生态及语言政策 [Языковая экология и языковая политика Казахстана] // 语言政策与规划研究 [Журнал исследований языковой политики и языкового планирования]. 2016. № 2. С. 51–62+97–98.
- 18. Шан Говэнь, Чжао Шоухуэй.尚国文, 赵守辉.语言景观的分析维度与理论构建[Лингвистические ландшафты: аналитические методы и теоретическая конструкция] // 外国语 [Иностранные языки]. 2014. № 6. С. 81–89.
- 19. Ян Бо, Ван Тяньцзюй. 杨波, 王天驹. 中亚国家语言安全问题探析 [Анализ проблем языковой безопасности в странах Центральной Азии] // 俄罗斯东欧中亚研究 [Журнал исследований России, Восточной Европы и Центральной Азии]. 2021. № 6. С. 130–155.
- 20. Akzhigitova A., Zharkynbekova S. Language planning in Kazakhstan: The case of ergonyms as another scene of linguistic landscape of Astana // Language Problems and Language Planning. 2014. No. C. 42–57.
- 21. *Backhaus P.* Linguistic Landscapes: A Comparative Study of Urban Multilingualism in Tokyo. Clevedon, 2007.
- 22. Fishman J.A., Cooper R.L. Bilingualism in th barrio. Bloomington, 1971.

- Kulbayeva A. Polycentricity of Linguistic Landscape: The Case Study of a Northern Town in Kazakhstan. Texas Linguistics Forum SALSA XXV Proceedings Vol. 60. 2017.
- 24. *Landry R.*, *Bourhis R.Y.* Linguistic landscape and ethnolinguistic vitality: An empirical study // Journal of Language and Social Psychology. 1997. № 1. P. 23–49.
- 25. *Mambetaliev A*. A comparative study of the gap between de-jure and de-facto language policies: the case of Kyrgyzstan and Hungary // Sustainable Multilingualism. 2019. N 1. P. 48–69.
- 26. Pavlenko A. Language Conflict in Post-Soviet Linguistic Landscapes // Journal of Slavic Linguistics. 2009. № 1-2. C. 247–274.
- 27. Scollon R., Scollon S. Discourses in Place: Language in the Material World. L., 2003.
- 28. Shohamy E. language Policy: Hidden Agendas and New Approaches. L., 2006.
- 29. *Spolsky B.* Prolegomena to a sociolinguistic theory of public signage // Linguistic Landscape: Expanding the Scenery. L., 2009. P. 25–39.

REFERENCES

- 1. Baranova V., Fedorova K. Regulirovaniya yazykovogo landshafta v rossijskih gorodah: mnogoyazychie i neravenstvo [The Linguistic Landscape of Regulation in Russian Cities: Multilingualism and Inequality]. *Acta Societatis Socialis inquisitionis* [The Journal of Social Policy Studies], 2020, № 4, pp. 625–640. (In Russ.)
- 2. Borishpoletes K.P. Lingua Russica in Central Asia regione [Russian Language In The Central Asia Region]. *Bulletin of MGIMO University* [MGIMO Review of International Relations]. 2014, № 2, pp. 63–70. (In Russ.)
- Programmata publica ad operandum et progressionem linguarum 2001–2011/2011– 2020 [State program of development and functioning of languages in the Republic of Kazakhstan for 2001–2011/2011–2020]. URL:https://online.zakon.kz/ Document/?doc_id=30816308 (accessed: 13.06.2022).
- 4. Dzhumanova G.Zh., Zaurbekova L.R. Lingua capitis subsidium est modernizationis nationis [Language Capital Resource of National Modernization]. *The Newman In Foreign Policy*. 2020, № 57 (101), pp. 17–21. (In Russ.)
- 5. Zhikeeva A.R. Lineamenta formationis et progressionis trilingualismi in Republica Kazakhstan ad exemplum regionis Kostanay [Formation And Development of Trilingualism in Kazakhstan Exemplified by Kostanay Region]. *Pedagogicam educationem in Russia* [Pedagogical Education in Russia], 2017, № 11, pp. 37–41. (In Russ.)
- 6. Constitutio Reipublicae Kazakhstanae [Constitution of the Republic of Kazakhstan]. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000 (accessed: 13.06.2022).
- Mur I.Yu. Lingvisticheskij landshaft kak sredstvo analiza yazykovoj situacii i yazykovoj politiki v post-sovetskom prostranstve [Linguistic Landscape as a Means of Analyzing the Language Situation and Language Policy in the Post-Soviet Space].
   Materia Congressus XIII MAPRYAL [Materials of the XIII Congress MAPRYAL], 2015, pp. 109–115. (In Russ.)
- 8. Multitudo per natione et gradu linguae progressus est. 2009 population census [Population by Nationality and Degree of Language Proficiency. 2009 Population Census]. URL:http://stat.gov.kz/faces/wcnav_externalld/p_perepis?_adf.ctrl-state-9gybpds2j_52&_afrLoop (accessed: 12.06.2022).
- 9. Ob utverzhdenii Gosudarstvennoj programmy po realizacii yazykovoj politiki v Respublike Kazahstan na 2020–2025 gody [On approval of the State Program for the

- implementation of the language policy in the Republic of Kazakhstan for 2020–2025]. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1900001045 (accessed: 20.01.2022).
- 10. Oparina E.O. Vzaimodejstvie yazykov v sovremennom mire: Politicheskie i kul'turnye osobennosti bilingvizma na postsovetskom prostranstve [Interaction of Languages in Contemporary World: Political and Cultural Characteristics of Bilingualism on The «Post-Soviet» Space]. Homo: Imago et essentia. Humanitatis aspectus. [Human Being: Image and Essence. Humanitarian Aspects]. 2018. № 3, pp. 48–60. (In Russ.)
- 11. O yazykah v Respublike Kazahstan [On languages in the Republic of Kazakhstan(15 July 1997)]. URL: kodeksy-kz.com (accessed: 11.02.2022).
- 12. Suleimenova E.D. Lingua Russica in spatio scholastico de Kazakhstan[Russian Language in The Educational Space of Kazakhstan]. *Quaest. docens et status linguae Russicae in sodalibus civitatibus EurAsEC* [On question of teaching and status of the Russian language in the member states of the EurAsEC], 2005, pp. 93–103. (In Russ.)
- 13. Suleimenova E.D. Shaimerdenova N.Zh., Akanova D.Kh. Linguae populorum Kazakhstan [Languages of the Peoples of Kazakhstan]. Almaty, 2007. (In Russ.)
- Suleimenova E.D. Opusculum de linguarum et linguarum situ in Kazakhstan [Essay on Language Policy and Language Situation in Kazakhstan]. Russian Language Journal. 2009. Vol. 59, pp. 21–36. (In Russ.)
- 15. Multitudo Reipublicae Kazakhstanae per singulos coetus ethnicos ineunte 2022 [Population of the Republic of Kazakhstan by ethnic groups at the beginning of 2022]. URL: https://www.stat.gov.kz/official/industry/61/statistic/7 (accessed: 11.06.2022).
- 16. Chen Zhangtai. 语言规划概论 [Introduction to Language Planning]. 北京[Пекин], 2015. (In Chinese)
- 17. Zhang Zhiguo, Chen Le. 中亚邻国哈萨克斯坦的语言生态及语言政策 [A study of language ecology and language policy in Kazakhstan] In: 语言政策与规划研究 [Journal of Language Policy and Language Planning]. 2016. № 2. C. 51–62+97–98. (In Chinese)
- 18. Shang Guowen, Zhao Shouhui. 尚国文,赵守辉.语言景观的分析维度与理论构建 [Linguistic Landscape Studies: Analytical Dimensions and Theoretical Construction] In: 外国语 [Journal of Foreign Languages]. 2014. № 6, pp. 81–89. (In Chinese)
- 19. Yang Bo, Wang Tianju. 杨波,王天驹.中亚国家语言安全问题探析 [An Analysis of Language Security in Central Asian Countries] In: 俄罗斯东欧中亚研究 [Russian, East European & Central Asian Studies]. 2021. № 6. C. 130–155. (In Chinese)
- 20. Akzhigitova A., Zharkynbekova S. Language planning in Kazakhstan: The case of ergonyms as another scene of linguistic landscape of Astana. *Language Problems and Language Planning*. 2014. № 1, pp. 42–57.
- 21. Backhaus P. Linguistic Landscapes: A Comparative Study of Urban Multilingualism in Tokyo. Clevedon, 2007.
- 22. Fishman J.A., Cooper R.L. Bilingualism in th barrio. Bloomington, 1971.
- Kulbayeva A. Polycentricity of Linguistic Landscape: The Case Study of a Northern Town in Kazakhstan. Texas Linguistics Forum SALSA XXV Proceedings. Vol. 60. 2017.
- 24. Landry R., Bourhis R.Y. Linguistic landscape and ethnolinguistic vitality: An empirical study. Journal of Language and Social Psychology. 1997. № 1, pp. 23–49.
- 25. Mambetaliev A. A comparative study of the gap between de-jure and de-facto language policies: the case of kyrgyzstan and hungary // Sustainable Multilingualism. 2019. № 1, pp. 48–69.
- 26. Pavlenko A. Language Conflict in Post-Soviet Linguistic Landscapes // Journal of Slavic Linguistics. 2009. № 1-2, pp. 247–274.

- Scollon R., Scollon S. Discourses in Place: Language in the Material World. London, 2003.
- 28. Shohamy E. language Policy: Hidden Agendas and New Approaches. London, 2006.
- 29. Spolsky B. Prolegomena to a sociolinguistic theory of public signage // Linguistic Landscape: Expanding the Scenery. London, 2009. pp. 25–39.

Поступила в редакцию 25.04.2022 Принята к публикации 12.07.2022 Отредактирована 15.07.2022

> Received 25.04.2022 Accepted 12.07.2022 Revised 15. 07.2022

ОБ АВТОРАХ

У Цзюань — аспирант Института европейских языков и культур Гуандунского университета иностранных языков и международной торговли; 13579752479@163.com

Мухамеджанова Шарбат Талгатбековна — старший преподаватель кафедры европейских и восточных языков КарГУ им. академика Е.А. Букетова; charbatprof@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS

Wu Juan — PhD Student, Faculty of European Languages & Cultures, Guangdong University of Foreign Studies; 13579752479@163.com
Sharbat Mukhamedzhanova — Senior Lecturer, Department of Foreign Languages,

Buketov Karagandy State University; charbatprof@gmail.com

РЕАЛИЗАЦИЯ ГЛАСНОГО [A] В СОЧЕТАНИИ С ГЛАСНЫМ И В ПОЗИЦИИ ПОСЛЕ МЯГКИХ СОГЛАСНЫХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Цзян Ино

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; quanguidaren1995@yandex.ru

Аннотация: В настоящей статье описан акустический эксперимент по сравнению русских гласных [а] в сочетании после гласных [ь], [и] и после мягких согласных для верификации гипотезы о сходстве русских ['a] (тяга), [ьа] (диагност, диахрония) и [иа] (диагноз), сформированной на основании реализации гласных русского языка. В эксперименте приняли участие 40 дикторов-носителей русского литературного языка (20 мужчин и 20 женщин) от 18 до 58 лет. 1878 полученных примеров были проанализированы при помощи Praat, измерены значения длительности, первых двух формант в начале, в середине, в конце и средние значения F_1 и F_2 переходного и стационарного участков [ьа], [иа] и [иа] в изолированной, сильной и слабой фразовых позициях. Полученные результаты свидетельствуют о том, что по длительности в изолированной и сильной фразовой позициях сочетание [ьа] и дифтонгоид ["а] можно считать практически идентичными, а сочетание [иа] существенно превосходит их, в слабой фразовой позиции сочетания [ьа], [иа] и гласный [ча] отличаются друг от друга; по тембру в изолированной, сильной и слабой фразовой позициях у сочетаний [ьа], [иа] и дифтонгоида [^{u} а] существует сходство, причем в изолированной и сильной фразовой позициях сочетание [иа] имеет большее сходство с ["a], в слабой фразовой позиции по значению первой форманты сочетание [ьа], в котором звук [а] является первым предударном гласным, более подобно [^иа], а по значению второй форманты [иа] демонстрирует большее сходство с дифтонгоидом ["а].

Ключевые слова: русский язык; фонетика; зияние; дифтонгоид; акустический эксперимент

Для цитирования: Цзян И. Реализация гласного [а] в сочетании с гласным и в позиции после мягких согласных в русском языке // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 5. С. 60–74.

THE REALIZATION OF THE VOWEL [A] IN COMBINATION WITH A VOWEL AND IN THE POSITION AFTER PALATALIZED CONSONANTS IN RUSSIAN

Jiang Yinuo

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; quanguidaren1995@yandex.ru

Abstract: The article reports some results of an acoustic experiment comparing the Russian vowel [a] in combination after the vowels [b], [u] and in the position after soft (palatalized) consonants. Forty native Russian speakers (20 men and 20 women) between the ages of 18 and 58 took part in the experiment. 1878 collected examples were analyzed using Praat software, measuring the duration values, the values of the first two formants and the average values of F_1 and F_2 at the beginning, middle and end of the transitional and stationary sections [ьа], [иа] and [^иа] in isolated, strong and weak phrase positions. The results show that in terms of duration in isolated and strong phrasal positions, the combination [ьа] and the diphthongoid ["a] can be considered almost identical, while the combination [µa] significantly exceeds them; in a weak phrasal position, the combination [ьа], [иа] and the vowel [^иа] differ from each other. In terms of timbre in isolated, strong and weak phrasal positions, the combinations [ba], [ua] and the diphthongoid ["a] are similar, with [ua] being more similar to ["a] in isolated and strong phrasal positions; in a weak phrasal position, according to the value of the first formant, the combination [ba], in which the [a] is the first pre-stressed vowel, is more similar to ["a], and according to the value of the second formant, [иа] shows more similarity with the diphthongoid [^иа].

 $\textbf{\textit{Key words}}: Standard\ Modern\ Russian; phonetics; hiatus; diphthongoid; acoustic\ experiment$

For citation: Jiang Y. (2022) The realization of the vowel [a] in combination with a vowel and in the position after palatalized consonants in Russian. *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*, no. 5, pp. 60–74.

Гласные выполняют слогообразующую функцию, количество слогов в слове в большинстве случаев определяется количеством гласных. Так, в слове *молоко* обычно 3 слога: [мъ-ла-ко], в слове *меня* — 2: [м'и-н'а], а в слове *пять* только 1 слог: [п'ат'].

В литературном русском языке на месте сочетания гласных [иа́] допускается произношение одного гласного: «театр [т'иа́]тр и допуст. разг. [т'я]тр» (sic!) [Каленчук, Касаткина, 1997: 411]; «сеанс [с'иа́] нс и допуст. разг. [с'а́]нс» [Каленчук, Касаткина, 1997: 370]. При этом на месте безударного еа допускается только двусложное произношение: «театральный [т'иа]тральный» [Каленчук, Касаткина, 1997: 411].

Одно из объяснений этого различия заключается в том, что носители русского языка воспринимают сочетание [иа] как ударный [а] после мягких согласных ([^{u} a]); первый звук в сочетании безударного ea находится во втором предударном слоге и он воспринимается как редуцированный гласный, а [а] в литературном языке не может быть в первом предударном слоге после мягкого согласного. Таким образом, носители русского языка считают [иа] одним слогом, а безударный ea — двусложным сочетанием [Князев, 2009].

В [Князев, 2009: 89] еще упоминается, что «физически (артикуляционно и акустически) эти сочетания реализуются вполне одинаково».

Исходя из изложенного выше, можно сформулировать гипотезу, что сочетания [ьа] в слове *театральный*, [иа] в слове *театр* и ударный [а] после мягких согласных (["а]), например, в слове *котят*, могут обладать значительным сходством в акустическом аспекте. Для проверки этой гипотезы был проведено экспериментальное исследование.

Целью эксперимента является выявление акустической схожести / различия сочетаний гласных [ьа], [иа] и ударного [$^{\mu}$ а] после мягких согласных.

Материал эксперимента состоял из слов и словосочетаний, содержащих сочетания [ьа], [иа] и ударный [а] после мягких согласных ($[^{\mu}a]$) в изолированной, сильной и слабой фразовых позициях.

Роль левого контекста в тестовых словах играли шумные и носовые мягкие согласные во избежание помехи четкому определению границы между согласным и гласным.

В качестве последующего контекста были выбраны согласные [к], [г] и [х], так как они оказывают наименьшее коартикуляционное влияние на произношение гласных [Зиновьева, 1989].

Материал эксперимента составляли следующие 16 слов: диагональ, биография, натощак, диагноз, тяга, аммиак, диагностировать, фиакр, в гостях, диахрония, теократия, географический, диаграмма, присяга, диагност, зодиак.

Эти слова распределяются по следующим позициям гласного [а]:

- 1) во втором предударном слоге после [ь] перед [г], [х] (далее с'ьакусу'): диагональ, диагностировать, диахрония, географический;
- 2) в первом предударном слоге после [ь] перед [к], [г] (далее c'ьakv): bиоcрафия, cРафия, cРафи
- 3) под ударением после [и] перед [к], [г] (далее $c'u\acute{a}k$): диагноз, аммиак, фиакр, зодиак;
- 4) под ударением после мягких согласных перед [к], [г], [х] (далее — $c'\acute{a}k$): натощак, тяга, в гостях, присяга.

Эти слова были проанализированы

- 1) в изолированном произнесении (в однословных утвердительных предложениях);
- 2) в сильной фразовой позиции (под фразовым акцентом), например, «Врач осмотрел больного и поставил **диагноз**»;

¹ В русском литературном языке в предударных неприкрытых слогах гласные произносятся так же, как в первом предударном слоге, т.е. на месте *о* и *а* произносится [а] [Князев, Пожарицкая, 2017: 65]. Таким образом, гласный [а] в сочетании [ьа] может находиться как во втором предударном слоге: [д'ьа] гональ, так и в первом: [б'ьа] логия.

3) в слабой фразовой позиции (не под фразовым акцентом и не в конце фразы), например, «Когда **диагноз** подтвердился, врач ничего не сказал больному».

В эксперименте участвовали 40 **информантов** — носителей русского языка разных профессий (20 мужчин и 20 женщин) от 18 до 58 лет, 15 информантов имеют незаконченное высшее образование, 25 — высшее. Все информанты владеют нормами литературного произношения.

Материал эксперимента был отправлен информантам по электронной почте с просьбой максимально естественно прочитать соответствующие тексты 1 раз, делая небольшую паузу после каждого примера, и записать их на диктофон, телефон или непосредственно на компьютер, а затем отправить аудиофайлы экспериментатору.

Чтобы скрыть от информантов цель эксперимента, перед каждым исследованным словом и предложением было поставлено «ложное» слово и предложение, не имеющее отношения к эксперименту.

Если диктор произносил какие-либо отрезки неестественно, его просили прочитать соответствующие фрагменты заново.

Полученные аудиофайлы были конвертированы в формат.wav.

Анализ результатов эксперимента был проведен при помощи программы $Praat^2$.

В ходе эксперимента были измерены следующие значения первого и второго гласного сочетаний [ьа], [иа] и переходного и стационарного участков ударного [а]:

- 1) длительность (в мс);
- 2) значения первых двух формант в начале, в середине и конце (в Гц);
  - 3) средние значения F_1 и F_2 (в Γ ц).

В большинстве случаев значения длительности и формант были автоматически рассчитаны при помощи Praat с применением визуального контроля, в ряде случаев была осуществлена ручная отработка обработка.

В качестве начальной точки гласного была выбрана начальная точка первого периода гласной части на осциллограмме и спектрограмме. Конец переходного участка (начало стационарного) определялся как точка на спектрограмме, где вторая форманта перестает изменяться (в данном случае — понижаться). Конечная точка исследованных частей находится в конце последнего периода гласного [а].

² URL: http://www.fon.hum.uva.nl/praat

Всего в результате было проанализировано 928 примеров дикторов-мужчин и 950 примеров дикторов женского пола из общего числа 1920. В общей сложности было измерено 16 704 релевантных значения информантов-мужчин и 17 100 релевантных значений информантов-женщин. На основании измеренных значений были вычислены средние арифметические значения.

Результаты эксперимента и анализ

1. Длительность.

Решение о схожести / различии сочетаний гласных [ьа], [иа] и ударного [^{u} а] после мягких согласных принималось таким образом, что сравниваемые гласные считались субъективно равными по длительности, если соответствующая им величина контраста была по абсолютной величине $\leq 20\%$ [Кривнова, 2004: 80].

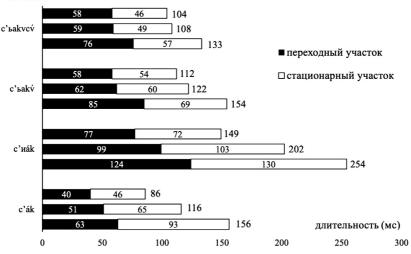
Таким образом, для каждой позиции были получены данные о разнице в процентах между длительностью сочетаний гласных и длительностью гласного [$^{\rm u}$ a] в соответствии со формулой: (длительность сочетаний гласных — длительность [$^{\rm u}$ a]) / длительность [$^{\rm u}$ a] * 100%.

Результаты эксперимента приведены ниже в табл. 1. и на рис. 1. Абсолютные величины процентных разниц между длительностью сочетаний [ьа], [иа] и длительностью гласного [^{и} а] проиллюстрированы на рис. 2.

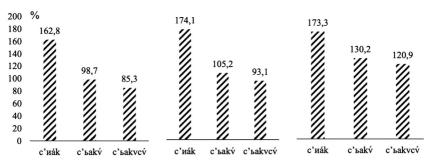
Таблица 1 Средние арифметические значения длительности (в мс) переходного и стационарного участков [ьа], [иа] и [^иа] в изолированной, сильной и слабой фразовых позициях

П	*	ованная иция		**		разовая ция
Длительность (мс) контекст	пере- ходный участок	стацио- нарный участок	пере- ходный участок	стацио- нарный участок	пере- ходный участок	стацио- нарный участок
c'ьakvcv́	76	57	59	49	58	46
c'ьakv́	85	69	62	60	58	54
c'иák	124	130	99	103	77	72
c'ák	63	93	51	65	40	46

Рис. 1. Средние арифметические значения длительности (в мс) переходного и стационарного участков [ьа], [иа] и [^{u} а]. В каждой группе контекстов сверху вниз значения в слабой, сильной и изолированной позициях

Рис. 2. Длительность сочетаний [ьа], [иа] в процентах от длительности [^{н} á]. Слева — в изолированной позиции, в середине – в сильной фразовой позиции, справа — в слабой фразовой позиции

Как видно из табл. 1 и рис. 1, во всех типах примеров в целом наибольшей является длительность в изолированной позиции, затем в сильной фразовой позиции и в слабой фразовой позиции.

- 1) В изолированной позиции:
- в целом от большего к меньшему располагаются значения длительности исследованных сегментов в контекстах *c'uák*, *c'ak*, *c'ak*,
- на переходном участке $c'u\acute{a}k$, $c'bakv\acute{v}$, $c'bakvc\acute{v}$ и $c'\acute{a}k$, т. е. [иа] > [ьа] > [^{и} а];

- на стационарном участке *c'uák*, *c'ák*, *c'ъakv'* и *c'ъakvcv*, т. е. [иа] > [^{u} а] > [ьа];
- для сочетания [ьа] длительность переходного участка больше, чем стационарного участка, а для [иа] и $[^ua]$ наоборот;
- величина контраста по длительности между сочетанием [ьа] в обоих контекстах и [$^{\rm u}$ a] составляет менее 15%, а между [иа] и [$^{\rm u}$ a] 62,8%. Таким образом, можно сделать вывод, что, несмотря на незначительные различия (рис. 1), сочетание гласных [ьа] и гласный [$^{\rm u}$ a] в изолированной позиции можно считать равными по длительности.
  - 2) В сильной фразовой позиции:
- как и в изолированной позиции, на переходном участке по значению длительности от большего к меньшему располагаются [иа], [ьа], [^{u} а], на стационарном участке [иа] > [^{u} а] > [ьа]. Для сочетания [ьа] длительность переходного участка больше, чем стационарного участка, для сочетания [иа] и [^{u} а] меньше;
- в отличие от изолированной позиции, в сильной фразовой позиции в порядке убывания длительности располагаются контексты *c'uák*, *c'bakv'*, *c'ák* и *c'bakvcv'*;
- как и в изолированной позиции, по длительности [ьа] не отличается от $[^{u}a]$. Сочетание [иа] по-прежнему нельзя считать равным сочетанию [ьа] и дифтонгоиду $[^{u}a]$.
  - 3) В слабой фразовой позиции:
- в целом по значению длительности от большего к меньшему располагаются контексты $c'u\acute{a}k$, $c'bakv\acute{v}$, $c'bakvc\acute{v}u$ $c'\acute{a}k$, т.е. [иа] > [ьа]> [ча];
- на переходном участке значения длительности контекстов c'bakv' и c'bakvcv' равны, от большего к меньшему [иа], [ьа] и [^иа];
  - на стационарном участке $c'u\acute{a}k > c'bak\acute{v} > c'bakvc\acute{v} = c'\acute{a}k;$
- для [ьа] и [иа] длительность переходного участка больше, чем стационарного участка, для $[^{u}a]$ наоборот.
- величина контраста по длительности между сочетаниями [ьа], [иа] и [$^{\rm u}$ а] составляет более 20%. Таким образом, сочетания [ьа], [иа] и гласный [$^{\rm u}$ а] в этом отношении являются разными элементами.
  - 2. Тембр.

Анали ^{3} тембра тестовых примеров был проведен отдельно в группах мужчин и женщин ^{3} .

Результаты эксперимента представлены ниже в табл. 2 и на рис. 3 и 4.

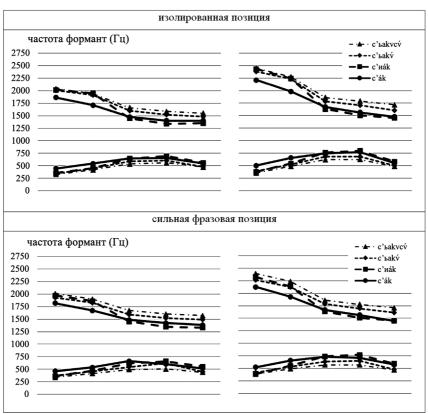
³ Из-за различий в длине речевого тракта «увеличение формантных частот при произнесении одних и тех же гласных составляет для женских голосов около 20% относительно мужского голоса» [Кодзасов, Кривнова, 2001: 128].

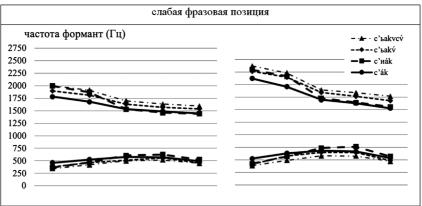
Таблица 2

Средние арифметические значения первых двух формант (в Гц) переходного и стационарного участков [ьа], [иа] и ["а]

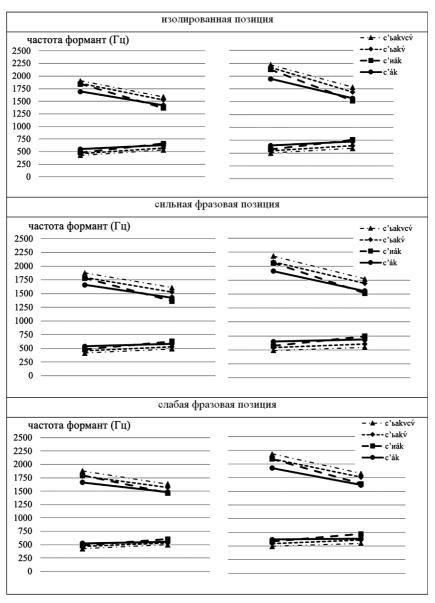
			Средни	Средние арифметические значения частоты формант (Гц) мужчин/женщин	ения частоты ф	ормант (Гц) муж	чин/женщин	
контекст		начало переходного участка	середина переходного участка	конец переходного участка / начало ста- ционарного участка	середина стационар- ного участка	конец стационарного участка	среднее значе- ние переход- ного участка	среднее значе- ние стационар- ного участка
				изолированная позиция	тая позиция			
به میداد ین	$\overline{\mathrm{F}}_{1}$	327/352	418/486	534/620	557/621	472/483	428/497	535/592
C DANNCY	F ₂	2039/2451	1937/2273	1661/1862	1584/1793	1550/1717	1906/2221	1588/1786
ميداد ين	$\overline{\mathrm{F}}_{1}$	345/386	446/523	290/680	601/679	478/496	464/540	571/641
C Daky	F_2	2005/2381	1909/2232	1598/1784	1517/1705	1485/1607	1857/2166	1524/1692
م مرابعه	$\mathbf{F}_1$	355/376	455/541	642/760	962/269	085/855	481/567	661/758
CMark	$\mathbf{F}_2$	2015/2431	1948/2241	1447/1632	1337/1503	1350/1453	1843/2128	1365/1520
27.75	$\overline{F}_1$	445/499	543/653	644/747	655/773	548/550	548/647	630/726
cak	$\mathbf{F}_2$	1864/2212	1712/1985	1474/1672	1403/1562	1400/1477	1692/1945	1417/1569
				сильная фразовая позиция	вая позиция			
بمستماد تن	F ₁	340/384	412/487	491/568	504/569	438/467	415/490	490/546
C DANVCV	$\mathbf{F}_2$	2007/2391	1899/2235	1670/1857	1602/1774	1569/1709	1876/2178	1607/1771
ئىداد ئى	F ₁	368/416	453/534	545/631	617/645	447/476	458/540	531/605
C Dany	F ₂	1931/2264	1827/2123	1595/1783	1520/1695	1488/1609	1797/2077	1525/1692

			Средни	Средние арифметические значения частоты формант (Пц) мужчин/женщин	эния частоты ф	ормант (Гц) муж	чин/женщин	
контекст		начало переходного участка	середина переходного участка	конец переходного участка / начало ста- ционарного участка	середина стационар- ного участка	конец стационарного участка	среднее значе- ние переход- ного участка	среднее значе- ние стационар- ного участка
177.6	F	364/388	464/546	615/737	692/959	552/593	479/570	628/744
с мак	$\mathbf{F}_2$	1968/2326	1858/2137	1453/1634	1347/1507	1331/1448	1781/2055	1363/1516
1,70	$\mathbf{F}_{1}$	462/522	536/655	660/727	602/710	515/570	536/648	583/685
cak	$\mathbf{F}_2$	1815/2126	1671/1927	1485/1664	1422/1564	1380/1445	1660/1909	1425/1553
				слабая фразовая позиция	зая позиция			
,	$\overline{\mathrm{F}}_{1}$	343/381	417/489	497/576	516/574	450/467	424/494	498/548
c bakvev	$\mathbf{F}_2$	2002/2368	1912/2233	1697/1893	1633/1836	1594/1766	1878/2182	1635/1826
, - l	$\mathbf{F}_{1}$	374/413	464/579	551/644	560/648	458/479	466/540	535/610
c bakv	$\mathbf{F}_2$	1896/2265	1811/2145	1633/1845	1571/1763	1538/1677	1786/2098	1572/1757
2) 200/2	$\mathbf{F}_{1}$	367/419	465/564	607/735	627/762	525/568	482/582	601/718
C Mark	$\mathbf{F}_2$	1998/2296	1872/2166	1532/1728	1459/1642	1442/1555	1795/2093	1466/1636
170	$\mathbf{F}_1$	462/522	525/627	573/680	266/663	490/530	526/618	549/637
Cak	$\mathbf{F}_2$	1780/2122	1680/1961	1536/1696	1488/1630	1443/1528	1665/1924	1482/1616

Рис. 3. Средние арифметические значения первых двух формант (в Гц) в начале, середине и конце переходного и стационарного участков [ьа], [иа] и [^иа]. Слева – значения в группе мужчин, справа – значения в группе женщин

Рис. 4. Средние арифметические значения первых двух формант (в Γ ц) переходного и стационарного участков [ьа], [иа] и [$^{\rm u}$ а]. Слева – значения в группе мужчин, справа – значения в группе женщин

1) В изолированной позиции.

На рис. 3 можно заметить, что:

- значения F_1 [ьа], [иа] и [^иа] на переходном участке повышаются, в первой части стационарного участка почти не изменяются, а во второй части понижаются;
- значения F_2 [ьа], [иа], [^иа] на переходном участке понижаются, на стационарном участке незначительно понижаются;
- линии изменения F_1 и F_2 сочетания [ьа] подобны линиям изменения F_1 и F_2 [$^{\rm u}$ a];
- линии изменения [иа] обеих формант в первой половине переходного участка в основном совпадают с линиями изменения [ьа], а с середины переходного участка частоты [иа] сильно изменяются, достигая практически совпадающих значений со значениями F_1 и F_2 [$^{\mu}$ a] на конечной точке переходного участка. Значения частот на стационарном участке [иа] приблизительно такие же, как и у [$^{\mu}$ a].

Соотношения изменения частот первых двух формант гласных [ьа], [иа] и [$^{\rm u}$ а] (см. выше пункты 3 и 4) могут быть подтверждены рис. 4. Таким образом, у сочетаний [ьа], [иа] и [$^{\rm u}$ а] в изолированной позиции существует сходство по тембру. При этом [иа] и [$^{\rm u}$ а] имеют более высокую степень сходства, что отражается в более согласованных тенденциях изменения и значениях первых двух формантных частот на их стационарном участке.

2) В сильной фразовой позиции.

На рис. 3 можно увидеть, что:

- значения F_1 [ьа] и [иа] повышаются с начала переходного участка до середины стационарного участка, во второй половине стационарного участка понижаются. По сравнению с [ьа] и [иа], возрастающий промежуток значения F_1 [$^{\rm u}$ а] является переходным участком, а убывающий промежуток стационарным участком;
- значения F_2 [ьа], [иа], [иа] на переходном участке понижаются, на стационарном участке значения понижаются на 100–120 Γ ц у мужчин, на 150–220 Γ ц у женщин;
- как и в изолированной позиции, линии изменения F_2 сочетания [ьа] подобны линиям изменения F_2 [$^{\rm u}$ a]; подобный диапазон линий изменения F_1 [ьа] и [$^{\rm u}$ a] переходный участок, разницу линий изменения F_1 [ьа] и [$^{\rm u}$ a] на стационарном участке см. выше п. 1;
- соотношение изменения частот второй форманты [иа] и [^{u} а] в сильной фразовой позиции такое же, как в изолированной позиции. Линия изменения F_1 [иа] более похожа на две линии изменения F_1 [ьа], однако по степени различия значений первой форманты по всем изучаемым отрезкам [иа] в большей степени схож с [^{u} а].

Таким образом, как и в изолированной позиции, в сильной фразовой позиции три исследуемые части — [ьа], [иа] и $[^{u}$ а] тоже похожи,

но более близким к $[^{u}a]$ является [ua] (это может быть подтверждено рис. 4).

3) В слабой фразовой позиции.

На основании рис. 3 можно резюмировать:

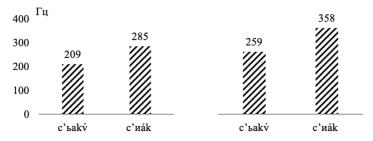
- возрастающий и убывающий промежутки значений F_1 [ьа], [иа] и $[^{\rm u}$ а] аналогичны сильной фразовой позиции ^{4} ;
- значения F_2 [ьа], [иа], [иа] на переходном участке понижаются, на стационарном участке понижаются на 90–100 Γ ц у мужчин, на 125–175 Γ ц у женщин;
- соотношения изменения первой форманты [ьа] в контексте c bakvev u [ua], изменения второй форманты [ьа] в обоих контекстах, [иа] и [ua] такие же, как в изолированной и сильной фразовой позициях, и могут быть подтверждены рис. 4;
- в начале переходного участка значение F_1 [ьа] в контексте c-bakv меньше значения F_1 [$^{\rm u}$ a] приблизительно на 90–110 Γ ц, затем линия значения F_1 [ьа] в контексте c-bakv изменяется в сторону линии значения F_1 [$^{\rm u}$ a], в середине стационарного участка разница между значениями F_1 составляет только 6–15 Γ ц. Дальше значение F_1 [ьа] в контексте c-bakv понижается быстрее, чем значение F_1 [$^{\rm u}$ a], на конечной точке значение F_1 [ьа] в контексте c-bakv меньше значения F_1 [$^{\rm u}$ a] приблизительно на 30–50 Γ ц;
- в первой половине переходного участка линия изменения значений F_1 [иа] почти такая же, как линия изменения значений F_1 [ьа] в контексте *c'ьаkv'*. С середины переходного участка значение F_1 [иа] быстро повышается, и на всем стационарном участке значение F_1 [иа] больше значения F_1 ["а].

Визуально сложно судить, насколько значения F_1 [ьа] в контексте c bakv или [иа] близки к значениям F_1 [^{u} a]. Дальше вычислены значения F_1 [ьа] в контексте c bakv и [иа] от значений F_1 [^{u} á] в каждой измеренной точке и на этом основании вычислены значения двух контекстов от значений F_1 [^{u} á] во всех вокальных отрезках (рис. 5).

Таким образом, значение F_1 [ьа] в контексте *с'ьакv* ближе к значению F_1 [^иа].

Тем самым в слабой фразовой позиции по значению первой форманты более похожим на дифтонгоид $[^{\mu}a]$ является сочетание [ba], в котором [a] является первым предударным гласным; по значению второй форманты сочетание [ua] более похоже на $[^{\mu}a]$.

 $^{^4}$ Строго говоря, значение [ьа] у женщин в контексте c b первой половине стационарного участка почти не изменяется.

Рис. 5. Значения первой форманты сочетаний [ьа] в контексте *c'ъаkv'* и [иа] от значений первой формант [^иа́] в слабой фразовой позиции во всех вокальных отрезках. Слева – значения в группе мужчин, справа – значения в группе женщин

Выводы

На основании изложенных результатов можно сформулировать следующие выводы:

- 1) по длительности:
- в изолированной и сильной фразовой позициях сочетание [ьа] и дифтонгоид [^{u} а] можно считать практически идентичными, а сочетание [иа] существенно превосходит их по продолжительности;
- в слабой фразовой позиции сочетания [ьа], [иа] и гласный [$^{\rm u}$ а] отличаются друг от друга.
  - 2) по тембру:
- у сочетаний [ьа], [иа] и дифтонгоида [$^{\rm u}$ а] существует сходство, причем
- в изолированной и сильной фразовой позициях сочетание [иа] имеет большее сходство с $[^{u}a]$;
- в слабой фразовой позиции по значению первой форманты сочетание [ьа], в котором звук [а] является первым предударном гласным, более подобно $[^{u}a]$, а по значению второй форманты [иа] демонстрирует большее сходство с дифтонгоидом $[^{\mu}a]$.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. Зиновыева Н.В. Система акустических ключей к распознаванию фонетических единиц русского языка // Экспериментальная фонетика. Автоматическое распознавание и синтез речи. М., 1989. С. 23.
- 2. *Каленчук М.Л., Касаткина Р.Ф.* Словарь трудностей русского произношения. М., 1997.
- 3. *Князев С.В.* О мягкости необычайной (заметки и загадки о русской фонетике) // Вопросы русского языкознания: Сб. Вып. XIII. Фонетика и грамматика: настоящее, прошедшее, будущее: к 50-летию научной деятельности Софии Константиновны Пожарицкой. М., 2009. С. 71–91.
- 4. *Князев С.В.*, *Пожарицкая С.К.* Современный русский литературный язык: Фонетика, орфоэпия, графика, орфография. М., 2017.

- 5. Кодзасов С.В., Кривнова О.Ф. Общая фонетика. М., 2001.
- 6. *Кривнова О.Ф.* Длительность как средство реализации словесного ударения в тексте (сопоставительный анализ разных способов оценки выраженности ударения в слове) // Язык и речь: проблемы и решения: Сборник научных трудов к юбилею профессора Л.В. Златоустовой. М., 2004. С. 77–99.

REFERENCES

- 1. Zinov'eva N.V. Sistema akusticheskih kljuchej k raspoznavaniju foneticheskih edinic russkogo jazyka [The system of acoustic keys for the recognition of phonetic units of the Russian language]. *Jeksperimental'naja fonetika. Avtomaticheskoe raspoznavanie i sintez rechi*, 1989, p. 23. (In Russ.)
- 2. Kalenchuk M.L., Kasatkina R.F. Ślovar' trudnostej russkogo proiznoshenija [Dictionary of the difficulties of Russian pronunciation]. Moscow, *Russkij jazyk*. 1997. 468 p.
- 3. Knyazev S.V. O mjagkosti neobychajnoj (zametki i zagadki o russkoj fonetike) [About extraordinary softness (notes and riddles about Russian phonetics)]. *Voprosy russkogo jazykoznanija*, 2009, pp. 71–91. (In Russ.)
- 4. Knyazev S.V., Pozharitskaya S.K. Sovremennyj russkij literaturnyj jazyk: Fonetika, orfojepija, grafika, orfografija [Modern Standard Russian: Phonetics, orthoepy, graphics, spelling]. Moscow, *Jurajt*, 2017. 380 p.
- 5. Kodzasov S.V., Krivnova O.F. Obshhaja fonetika [General phonetics]. Moscow, *Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet*, 2001. 592 p.
- 6. Krivnova O.F. Dlitel'nost' kak sredstvo realizacii slovesnogo udarenija v tekste (sopostavitel'nyj analiz raznyh sposobov ocenki vyrazhennosti udarenija v slove) [Duration as a Means of Implementing Word Stress in a Text (Comparative Analysis of Different Methods for Assessing the Expression of Stress in a Word)]. Jazyk i rech': problemy i reshenija, 2004, pp. 77–99. (In Russ.)

Поступила в редакцию 03.06.2022 Принята к публикации 30.08.2022 Отредактирована 24.09.2022

> Received 03.06.2022 Accepted 30.08.2022 Revised 24.09.2022

ОБ АВТОРЕ

Цзян Ино — аспирант кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; quanguidaren1995@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Jiang Yinuo — PhD Student, Department of the Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; quanguidaren1995@yandex.ru

АКТУАЛИЗАЦИЯ ТАКСИСНОЙ КАТЕГОРИАЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ В НИДЕРЛАНДСКОМ ЯЗЫКЕ

И.В. Архипова

Новосибирский государственный педагогический университет, Россия, Новосибирск, Россия; irarch@yandex.ru

Аннотация: Настоящая статья посвящена рассмотрению вопроса актуализации категориальной семантики независимого и зависимого таксиса в нидерландском языке. Особое внимание в данной статье уделяется описанию актуализации значений зависимого таксиса в высказываниях с предложными девербативами. В ходе исследования установлено, что категориальная семантика примарного (первичного) таксиса одновременности / разновременности актуализируется в высказываниях, содержащих девербативы с таксисными предлогами темпоральной семантики na, vanaf (после), sinds, sedert (с (о времени)), gedurende, hangende (во время), voor, voorafgaand aan, tot (до, перед), bij (npu). Темпоральные предлоги маркируют значения примарного таксиса одновременности и разновременности. Предложные девербативы с темпоральными предлогами выступают в качестве актуализаторов значений примарного таксиса одновременности / разновременности. Категориальная семантика секундарного (вторичного) таксиса одновременности актуализируется в высказываниях, содержащих девербативы с таксисными предлогами модальной, инструментальной, кондициональной, каузальной, концессивной, консекутивной и финальной семантики in (в), met, per (с, с noмощью), bij (при), vanwege, wegens (из-за), ondanks, ongeacht, trots (несмотря на, вопреки), ingevolge, krachtens (вследствие), voor (для). Предлоги обстоятельственной семантики эксплицируют значения секундарного таксиса одновременности. Предложные девербативы с обстоятельственными предлогами выполняют функцию актуализаторов значений секундарного таксиса. Нидерландские высказывания с предложными девербативами с таксисными предлогами репрезентируют таксисные семантические комплексы одновременности и разновременности и примарно-таксисные / секундарно-таксисные семантические субкомплексы. Таксисные семантические комплексы / субкомплексы выступают в качестве средства актуализации явления синкретизма в системе таксисных значений.

Ключевые слова: таксисная категориальная семантика; примарный таксис; секундарный таксис; таксисный актуализатор; таксисный маркер; таксисные семантические комплексы

Для цитирования: *Архипова И.В.* Актуализация таксисной категориальной семантики в нидерландском языке // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 5. С. 75-83.

ACTUALIZATION OF TAXIS CATEGORIAL SEMANTICS IN THE DUTCH LANGUAGE

Irina Arkhipova

Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia; irarch@yandex.ru

Abstract: This article is devoted to the issue of actualization of the categorial semantics of independent and dependent taxis in the Dutch language, focusing on the description of the actualization of the meanings of the dependent taxis in statements with prepositional deverbatives. In the course of the study, it was found that the categorical semantics of the primary taxis of simultaneity / non-simultaneity is actualized in statements containing deverbatives with taxis prepositions of temporal semantics na, vanaf (after), sinds, sedert (since), gedurende, hangende (during), voor, voorafgaand aan, tot (before), bij (at the time). The temporal prepositions mark the meanings of the primary taxis of simultaneity / non-simultaneity. The prepositional deverbatives with the temporal prepositions act as actualizers of the meanings of the primary taxis of simultaneity / non-simultaneity. The categorial semantics of the secondary taxis of simultaneity is actualized in statements containing deverbatives with taxis prepositions of modal, instrumental, conditional, causal, concessive, consecutive and final semantics in (in), met, per (with), bij (near), vanwege, wegens (due to), ondanks, ongeacht, trots (despite), ingevolge, krachtens (owing to), voor (for). The prepositions of adverbials semantics explicate the meanings of the secondary taxis of simultaneity. The prepositional deverbatives with the adverbial prepositions act as actualizers of the meanings of the secondary taxis of simultaneity. The Dutch statements with the prepositional deverbatives with the taxis prepositions represent taxis semantic complexes and primary-taxis / secondary-taxis semantic subcomplexes. The taxis semantic complexes / subcomplexes act as the means of actualization of the phenomenon of syncretism in the system of the taxis meanings.

Key words: taxis categorial semantics; primary taxis; secondary taxis; taxis actualizer; taxis marker; taxis semantic complexes

For citation: Arkhipova I. (2022) Actualization of taxis categorial semantics in the Dutch language. *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*, no. 5, pp. 75–83.

В современных функционально-грамматических исследованиях неоднократно освещались вопросы, связанные с описанием и актуализацией таксисных категориальных значений в различных языках (русском, немецком, нидерландском и др.) [Архипова, 2020; Барентсен, 2009; Бондарко, 1987; Полянский, 2017; Недялков, 2003; Храковский, 2003].

В фокусе исследовательского внимания находится проблема актуализации таксисной категориальной семантики одновременности и разновременности в современном нидерландском языке.

Настоящее исследование выполнено в рамках функциональносемантической концепции категории таксиса, трактующей таксис как бицентрическое функционально-семантическое поле с двумя субполями: зависимого и независимого таксиса [Архипова, 2020; Бондарко, 1987; Полянский, 2017; Недялков, 2003]. Субполе независимого таксиса в нидерландском языке конституируют сложноподчиненные предложения с темпоральными придаточными. К конститутивным компонентам субполя зависимого таксиса относятся высказывания с причастными, инфинитивными и предложно-девербативными конструкциями.

Категориальная семантика независимого таксиса одновременности, предшествования и следования актуализируется в сложноподчиненных предложениях с таксисными союзами, маркирующими таксисную семантику одновременности, предшествования, следования: voor, voordat (до того как, перед тем как, прежде чем), eer, eerdat, aleer, vooraleer, alvorens (прежде чем), tot, totdat (до тех пор, пока не), паdat, па (после того как), zodra (как только), toen (когда), пи (теперь, когда), als, wanneer (когда), zolang, zolang als (пока), (van) zodra, zo gauw, zo gauw als (как только, когда), sinds, sedert (с тех пор как), toen (когда), пи (теперь, когда), als, wanner (когда), например:

- (1) Het bezoek aan musea blijk het minst te veranderen wanneer de toegangsprijzen veranderen (LC). 'Посещение музеев меняется меньше всего когда меняется цена входного билета'.
- (2) Het spel eindigt direct *zodra* de trekstapel leeg is (LC). 'Игра заканчивается сразу, *как только* колода пуста'.
- (3) Alles ging goed *totdat* ik de taartjes moest decoreren (LC). 'Все шло хорошо, *пока* не пришлось украшать торты'.
- (4) Koeien geven pas melk, *nadat* er een kalfje is geboren (LC). 'Коровы дают молоко только *после* рождения теленка'.
- (5) Integendeel, er wordt juist zwaarder gevochten *sinds* het akkoord van Minsk is gesloten (LC). 'Наоборот, боевые действия активизировались *после* заключения Минских соглашений'.
- (6) Bruce kwam als laatste spreker op het toneel voordat Little Steven aan het woord kwam (LC). 'Брюс вышел на сцену как последний оратор перед тем, как заговорил Маленький Стивен'.
- (7) Het zou tot half vijf duren *eerdat* ik weer aan mijn ontstoken achillespees denk (LC). 'Будет половина пятого, *прежде чем* я снова подумаю о своем воспаленном сухожилии'.

Категориальная семантика зависимого таксиса в нидерландском языке актуализируется в высказываниях с предложными девербативами, содержащих различные таксисные предлоги. Предлоги являются при этом таксисными маркерами, а предложные деверба-

тивы выступают в качестве различных таксисных актуализаторов одновременности и разновременности.

Высказывания с предложными девербативами с таксисными предлогами темпоральной и обстоятельственной семантики na, vanaf, sinds, sedert, bij, gedurende, hangende, voor, voorafgaand aan, tijdens, tot, ondanks, ongeacht, trots, ingevolge, krachtens, vanwege, wegens, met, per, voor конституируют субполе зависимого таксиса в нидерландском языке и репрезентируют таксисные семантические комплексы одновременности и разновременности, «расщепляемые» на примарно-таксисные и секундарно-таксисные семантические субкомплексы. Таксисные семантические комплексы выступают в качестве средства актуализации лингвистического явления синкретизма в системе таксисных значений.

В высказываниях примарного типа с таксисными предлогами темпоральной семантики na, vanaf (nocne), sinds, sedert (c (о времени)), gedurende, hangende (во время), voor, voorafgaand aan, tot (до, перед) и bij (при) актуализируются таксисные значения одновременности и разновременности в «чистом виде», а именно примарно-таксисные категориальные значения одновременности, предшествования и следования. Например:

- (8) *Tijdens het slapen* geven tieners een hormoon af dat enorm belangrijk is voor hun groeispurt (LC). 'Во время сна подростки выделяют гормон, чрезвычайно важный для их быстрого роста'.
- (9) Tevens zijn gedurende deze bijeenkomst informatiepanelen opgesteld die een beeld geven van de bouwwerkzaamheden (LC). 'Во время этой встречи также были установлены информационные панели, которые дают представление о строительных работах'.
- (10) Bij aankomst van de brandweer stonden twee auto's in lichterlaaie, een wit bestelbusje en een personenauto (LC). 'На момент прибытия пожарной команды горели два автомобиля: белый микроавтобус и легковой автомобиль'.
- (11) Vanaf het vertrek rijden we langs het Amsterdam-Rijnkanaal naar Nieuwegein (LC). 'После отправления мы едем по каналу Амстердам-Рейн до Ньювегейна'.
- (12) Na jouw vertrek zal mijn hart eeuwig versteend zijn (LC). 'По-сле того, как ты уйдешь, мое сердце навсегда окаменеет'.
- (13) Sinds haar aankomst in het opvanggezin gaat het al steeds iets beter (LC). 'С момента ее появления в приемной семье дела пошли немного лучше'.
- (14) We adviseren reizigers voor vertrek de reisplanner te checken op voor de meest actuele reisinformatie (LC). 'Мы советуем путешественникам сверяться с планировщиком поездок перед отъездом, чтобы получить самую свежую информацию о путешествии'.

Приведенные выше высказывания репрезентируют примарнотаксисные семантические комплексы одновременности и разновременности. В качестве таксисных маркеров одновременности, предшествования и следования выступают таксисные предлоги темпоральной семантики bij, tijdens, gedurende, voor, sinds, na, vanaf эксплицирующие примарный таксис одновременности и разновременности. предшествования.

Высказывания, содержащие темпоральные квантификаторы vorig jaar, een dag, enkele dagen, een paar dagen, een week, een half uur, een uur, kort, vlak и др., репрезентируют квантитативно-примарнотаксисные семантические субкомплексы одновременности и разновременности.

В приведенных ниже примерах (15–17) актуализируются квантитативно-примарно-таксисные категориальные ситуации следования и предшествования, детерминированные наличием в составе предложных девербативов темпоральных квантификаторов kort, een uur, enkele dagen:

- (15) Kort na mijn aankomst komt de eerste Gazelle al binnen wapperen (LC). 'Вскоре после моего приезда влетает первая «Газель»'.
- (16) Een uur na vertrek landde het vliegtuig veilig op een luchtmachtbasis nabij Mexico (LC). 'Через час после вылета самолет благополучно приземлился на базе ВВС недалеко от Мексики'.
- (17) Helaas kwam enkele dagen voor vertrek het bericht van Henri dat hij wegens familieomstandigheden niet mee kon (LC). 'К сожалению, за несколько дней до отъезда Анри получил сообщение, что не может приехать по семейным обстоятельствам'.

Актуализация повторяемых примарно-таксисных категориальных ситуаций одновременности и разновременности возможна в силу семантического взаимодействия индикаторов итеративности: итеративных девербативов (bijeenkomsten), итеративных атрибутов или адвербиалов (meerdere, enkele, elke, enige, altijd, steeds, immer, vaak и др.).

В приведенных ниже высказываниях (18–19), репрезентирующих итеративно-примарно-таксисные семантические субкомплексы, актуализируются сопряженные итеративно-примарно-таксисные категориальные ситуации одновременности:

- (18) *Tijdens die bijeenkomsten* komen *vaak* gastdocenten en experts uit andere vakgebieden aan het woord (LC). 'Во время этих встреч часто выступают приглашенные лекторы и эксперты из других областей'.
- (19) Per Masterclass duikt u *tijdens meerdere bijeenkomsten* diep en grondig in de lesstof (LC). 'На каждом мастер-классе вы глубоко и

тщательно погружаетесь в учебный материал в течение нескольких встреч'.

В высказываниях с таксисными предлогами обстоятельственной семантики (модальной, концессивной, консекутивной, каузальной, кондициональной, инструментальной, финальной) in (в), ondanks, ongeacht, trots (несмотря на, вопреки), ingevolge, krachtens (вследствие), vanwege, wegens (вследствие, из за), bij (при), теt, рег (с, посредством чего-либо, с помощью чего-либо), voor (для) актуализируются секундарно-таксисные категориальные ситуации одновременности: модально-таксисные, инструментально-таксисные, концессивно-таксисные, каузально-таксисные, консекутивно-таксисные, кондиционально-таксисные и финально-таксисные семантические субкомплексы одновременности, как модально-таксисные, инструментально-таксисные, каузально-таксисные, концессивно-таксисные, консекутивно-таксисные, кондиционально-таксисные и финально-таксисные и финально-таксисные и финально-таксисные и финально-таксисные.

В высказываниях нидерландского языка, репрезентирующих секундарно-таксисные семантические субкомплексы одновременности, актуализируются следующие варианты секундарно-таксисных категориальных ситуаций одновременности:

- модально-таксисные:
- (20) Bert van Marwijk heeft *met verbazing* kennis genomen van de operatie van Shinji Ono na het WK (LC). 'Берт ван Марвейк был удивлен, узнав об операции Синдзи Оно после чемпионата мира'.
- (21) Al de snaren van zijn ziel trillen mee in verwondering en heilige aanbidding (LC). ' Все струны его души трепещут в изумлении и святом обожании'.
  - инструментально-таксисные:
- (22) Met het tekenen van het Huishoudelijk Reglement is deze bekrachtigd (LC). 'С подписанием Внутренних правил это было ратифицировано'.
  - каузально-таксисные:
- (23) De belangstelling voor het duel is groot vanwege het afscheid van Maurice Graef en John Roox (LC). 'Большой интерес к игре вызван прощанием Мориса Грефа и Джона Рукса'.
- (24) De naam is gekozen vanwege onze bewondering voor de Amerikaanse bokser Joe Jackson (LC). 'Это имя было выбрано из-за нашего восхищения американским боксером Джо Джексоном'.
  - концессивно-таксисные:
- (25) Ondanks deze verhuizing wordt de Krabben I kampioen in de 2 Klasse Kring (LC). 'Несмотря на этот ход, Краббен I становится чемпионом 2-го класса'.

- консекутивно-таксисные:
- (26) Ontzetting uit het lidmaatschap geschiedt op voordracht van het bestuur krachtens besluit van de algemene vergadering (LC). 'Исключение из членов происходит по рекомендации правления на основании решения общего собрания'.
  - кондиционально-таксисные:
- (27) Bij nadere statistische beschouwing bleek dat toch geen verklarende factor te zijn (LC). 'Более тщательный статистический анализ показал, что это не является объясняющим фактором'.
  - финально-таксисные:
- (28) Middels warmtepompen wordt warmte aan de bode onttrokken voor de verwarming van de woninge (LC). 'Тепло из пола извлекается с помощью тепловых насосов для обогрева домов'.

Таким образом, в современном нидерландском языке таксисные категориальные значения одновременности и разновременности актуализируются в высказываниях с таксисными союзами и в высказываниях, содержащих предложные девербативы с таксисными предлогами темпоральной и обстоятельственной семантики.

Категориальная семантика примарного таксиса одновременности и разновременности актуализируется в высказываниях с таксисными предлогами темпоральной семантики na, vanaf, sinds, bij, gedurende, tijdens, voor, voorafgaand aan, tot. Данные высказывания репрезентируют примарно-таксисные семантические комплексы одновременности и разновременности. Таксисные предлоги темпоральной семантики маркируют примарно-таксисные категориальные ситуации одновременности, предшествования и следования.

При наличии индикаторов итеративности возможна актуализация сопряженных итеративно-примарно-таксисных категориальных ситуаций в высказываниях, репрезентирующих итеративно-примарно-таксисные семантические субкомплексы.

В высказываниях, содержащих темпоральные квантификаторы, актуализируются квантитативно-примарно-таксисные категориальные ситуации, которые, в свою очередь, репрезентируют квантитативно-примарно-таксисные семантические субкомплексы одновременности и разновременности.

Категориальная семантика секундарного таксиса одновременности актуализируется в высказываниях, содержащих девербативы с таксисными предлогами модальной, инструментальной, кондициональной, концессивной, консекутивной и каузальной семантики in, met, per, in, bij, ondanks, ongeacht, trots, ingevolge, krachtens, vanwege, wegens, voor. Высказывания данного типа, актуализирующие секундарно-таксисные категориальные ситуации одновременности, репрезентируют секундарно-таксисные семантические комплексы

и субкомплексы одновременности в их вариативности, в частности, модально-таксисные, инструментально-таксисные, кондиционально-таксисные, концессивно-таксисные, консекутивно-таксисные, каузально-таксисные и финально-таксисные.

источники

LC — Лаборатория корпусной лингвистики Лейпцигского университета. URL: http://www.wortschatz.uni-leipzig.de (дата обращения: 10.10. 2021).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. *Архипова И.В.* Категория таксиса в разноструктурных языках. Монография. Новосибирск, 2020.
- Архипова И.В. Таксисные репрезентанты в немецком и нидерландском языках // Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2021. № 3(51). С. 16–25.
- 3. *Барентсен А.* Таксис в нидерландском языке // Типология таксисных конструкций / Отв. ред. В.С. Храковский. М., 2009. С. 269–366.
- 4. Бондарко А.В. Общая характеристика семантики и структуры поля таксиса // Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. Л., 1987. С. 234–242.
- 5. Полянский С.М. Одновременность / разновременность и другие типы таксисных отношений // Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. 7-е изд. М., 2017. С. 243–253.
- 6. Недялков И.В. Зависимый таксис в разноструктурных языках: значения одновременности / предшествования / следования // Проблемы функциональной грамматики: Семантическая инвариантность/ вариативность. СПб., 2003. С. 156–173.
- 7. *Храковский В.С.* Категория таксиса (общая характеристика) // Вопросы языкознания. 2003. № 2. С. 32–54.

SOURCES

LC — Laboratoriya korpusnoy lingvistiki Leyptsigskogo universiteta [Laboratory of Corpus Linguistics, University of Leipzig]. URL:http://www.wortschatz.uni-leipzig. de (data obrashcheniya: 10.10. 2021).

REFERENCES

- 1. Arkhipova I.V. *Kategoriya taksisa v raznostrukturnykh yazykakh* [Taxis category in different-structured languages]. Monografiya. Novosibirsk. 2020.
- 2. Arhipova I. V. Taksisnye reprezentanty v nemeckom i niderlandskom jazykah. [Taxis representatives in German and Dutch] *Sovremennye lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovanija*, 2021, no. 3(51), pp. 16–25.
- 3. Barentsen A. Taksis v niderlandskom jazyke. [Taxis in Dutch] *Tipologija taksisnyh konstrukcij*. Otv. red. V.S. Hrakovskij, Moskva, 2009, pp. 269–366.
- 4. Bondarko A.V. Obshchaya kharakteristika semantiki i struktury polya taksisa. [General characteristic of semantics and structure of taxis field] *Teoriya funktsionalnoy grammatiki: Vvedeniye, aspektualnost, vremennaya lokalizovannost, taksis.* L.: Nauka, 1987, pp. 234–242.

- 5. Poljanskij S.M. Odnovremennost'/raznovremennost' i drugie tipy taksisnyh otnoshenij. [Simultaneity / non-simultaneity and other types of taxis relations] *Teorija funkcional'noj grammatiki: Vvedenie, aspektual'nost', vremennaja lokalizovannost', taksis.* Izd. 7-e. 2017. M.: LENAND, pp. 243–253.
- 6. Nedyalkov I.V. Zavisimyy taksis v raznostrukturnykh yazykakh: znacheniya odnovremennosti / predshestvovaniya/ sledovaniya. [Dependent taxis in multistructured languages: values of simultaneity / precedence/ following] *Problemy funktsionalnoy grammatiki: Semanticheskaya invariantnost/variativnost.* Spb.: Izd-vo «Nauka», 2003, pp. 156–173.
- 7. Khrakovskiy V.S. Kategoriya taksisa (obshchaya kharakteristika). [Taxis category (general characteristics)] *Voprosy yazykoznaniya*. 2003, no. 2, pp. 32–54.

Поступила в редакцию 14.07.2022 Принята к публикации 30.08.2022 Отредактирована 14.09.2022

> Received 14.07.2022 Accepted 30.08.2022 Revised 14.09.2022

ОБ АВТОРЕ

Архипова Ирина Викторовна — кандидат филологических наук, профессор кафедры романо-германских языков факультета иностранных языков Новосибирского государственного педагогического университета; irarch@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Irina Arkhipova — PhD in Philology, Department of Roman and German Languages, Faculty of Foreign Languages, Novosibirsk State Pedagogical University; irarch@yandex.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ «КОНТАКТНЫЕ ВАРИАНТЫ СЛОВ» В ЧЕШСКОМ И СЛОВАЦКОМ ЯЗЫКАХ

Ю.П. Уварова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; uvarova.junior@icloud.com

Аннотация: Статья посвящена эволюции понятия «контактный вариант слов», используемого в чешской и словацкой лингвистике и рекомендованного А. Едличкой. Первоначально он предложил понимать под контактными вариантами слов те языковые единицы, которые возникают вследствие контакта языков в определенных общественных условиях, затем уточнил, что речь идет о функционировании двух языков в рамках одного государства. Понятие, зародившееся в чешской лингвистике, продолжало развиваться и уточняться в словацкой: В. Будовичова пишет о том, что контактные варианты слов — единицы с определенными стилистическими признаками, она определяет контактные варианты как часто повторяющиеся отклонения от языковой нормы или повторяющиеся ошибки. Исследовательница помещает контактные варианты слов на периферию языковой системы, однако, она утверждает, что они отвечают потребностям выражения. О существовании эквивалентов контактным вариантам слов в языке — реципиенте пишет Ю. Долник. Он определяет контактные варианты как языковые средства, проникающие из одного языка в другой вследствие языкового контакта, хотя язык уже имеет в своем распоряжении соответствующий элемент. В настоящее время понимание контактного варианта слов, однако, не отражает различий в их появлении в чешском и словацком языках, так как в словацком лексемы чешского происхождения употреблялись задолго до возникновения общего государства чехов и словаков. Проследить процесс их появления, превращения в контактные варианты и возможной утраты достижимо путем сопоставления словарей и национального корпуса словацкого языка¹.

Ключевые слова: контактный вариант слов; контактология; чешский язык; словацкий язык; стилистическая характеристика; субстандарт, нон-стандарт

Для цитирования: Уварова Ю.П. Эволюция понятия «контактные варианты слов» в чешском и словацком языках // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 5. С. 84–91.

¹ Для сопоставления был выбран именно национальный корпус словацкого языка, поскольку он основан на материале художественной литературы и публицистики, в отличие от корпуса Araneum Slovacum.

THE EVOLUTION OF THE CONCEPT "CONTACT VARIANTS OF WORDS" IN CZECH AND SLOVAK

Yulia Uvarova

Lomonosov Moscow state university, Moscow, Russia; uvarova.junior@icloud.com

Abstract: This article focuses on the evolution of the term contact variants of words used in Czech and Slovak linguistics, which was coined by A. Jedlička. Initially, he suggested that contact variants are the language units that appear as a result of the contact of languages in certain social conditions. Later, he specified that the process covered the functioning of two languages within one state. The term coined in Czech linguistics continued its development and refinement in Slovak language studies. V.Budovičová writes that contact variants are units with specific stylistic features. She defines contact variants as frequent deviations from the language norm or recurrent errors. She says that contact variants are located on the periphery of the language system, but she believes that they serve the needs of expression. J. Dolník writes about the existence of equivalents in the recipient language. He says that contact variants are language units that penetrate from one language to another as a result of language contact, despite the target language already having an appropriate element at its disposal. The modern understanding of contact variants does not reflect the differences in their appearance in the Czech and Slovak languages, since words of the Czech origin had been used in Slovak long before the foundation of Czechoslovakia. It is possible to see the process of their appearance, transformation to contact variants and possible disappearance by comparing dictionaries and the national corpus of the Slovak language.

Key words: contact variant; contact synonym; contact analog; contactology; Czech language; Slovak language; stylistic characterization; substandart; nonstandart

For citation: Uvarova Yu. (2022) The evolution of the concept "contact variants of words" in Czech and Slovak languages. *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*, no. 5, pp. 84–91.

Круг проблем контактной лингвистики, которая занимается проблематикой взаимодействия языков, был обозначен в монографии У. Вайнрайха [Вайнрайх, 1979]. Однако поскольку контактная лингвистика является наукой молодой, круг исследуемых проблем постоянно дополняется и конкретизируется, наука находится на стадии становления понятий и терминов. В настоящее время контактная лингвистика активно развивается, в том числе на материале славянских языков, причем это происходит не одновременно в национальных лингвистиках, в результате чего они приобретают характерные черты. Особенностью чешской и словацкой контактологии является специфический интерес к изучению контактов чешского и словацкого языков и использование термина контактный вариант слов. Это объясняется тем, что чешский и словацкий языки считаются

близкородственными, в Словакии чешский язык длительное время употреблялся в том числе и в качестве литературного языка, а большую часть XX в. указанные языки функционировали в рамках единого государства — Чехословакии. При этом первоначально интерес к сопоставлению чешского и словацкого языков, включая их лексический состав, возник у словацких лингвистов, что объясняется необходимостью отстаивания самостоятельности словацкого языка. Так, уже первый кодификатор словацкого литературного языка А. Бернолак при составлении словаря [Bernolák, 1825–1827] производит селекцию употребляемой в то время в письменных текстах лексики, отделяя слова чешского происхождения, а кодификатор нового литературного языка Л. Штур указывает на некоторые лексические различия между чешским и словацким языками [Štúr, 1846: 51-67]. Естественно, первоначально словацких деятелей национального возрождения интересовали различия между словацким и чешским языками, однако в 1930-е годы словацкие пуристы главным образом в журнале «Словенска реч» (Slovenská reč) стали указывать на параллельное функционировавшие в словацком языке слов словацкого и чешского происхождения, использовавшиеся для обозначения одного и того же явления, указывая на необоснованность употребления богемизма.

Спустя несколько десятилетий к словакизмам в чешском языке появился интерес у чешских лингвистов, причем именно чешский лингвист А. Едличка в работах 1968 и 1974 гг. ввел в научный обиход термин «контактный вариант слов». При этом данное им определение этого термина имело чрезвычайно общий характер и точно не определяло сути данного явления. А. Едличка пишет, что это варианты, которые являются результатом языкового контакта и возникают вследствие влияния одного языка на другой в определенных общественных условиях (влияние культур, массовый контакт носителей двух норм и т.д.) [Jedlička, 1968: 120]. По его мнению, благоприятные условия для возникновения контактных вариантов слов возникают в многоязычных государственных образованиях. В 1974 г. А. Едличка сужает временные рамки появления контактных вариантов слов: под термином контактный вариант понимаются языковые средства, возникающие в условиях контакта языков, при их функционировании в рамках одного государства [Jedlička, 1974]. Позже, в 1993 г., К. Бузашшиова уточняет, что к контактным вариантам также не относятся случаи, которые являются результатом параллельного развития словацкого и чешского языков и которые обусловлены тождественными общественными или коммуникативными факторами [Buzássyová, 1993: 96] Аналогичной точки зрения позже придерживались М. Соколова, писавшая, что контактные

варианты используются в исследуемом языке вследствие двустороннего контакта [Sokolová, 1995: 188], и Ю. Долник, по мнению которого, контактные варианты — следствие двуязычной коммуникации и билингвизма [Dolník, 1998: 92–93]. Контактные варианты следует отличать от исконной общеславянской лексики, сохранившейся в чешском и словацком языках.

Помимо временного аспекта в разграничении типичных заимствований и контактных вариантов слов важным является стилистический аспект. Это положение подчеркивает В. Будовичова, которая определяет контактные варианты как часто повторяющиеся отклонения от языковой нормы или даже повторяющиеся ошибки. Речь идет преимущественно о новообразованиях в областях лексикологии, фразеологии, управления и синтаксиса [Budovičová, 1974: 179]. Позже она корректирует определение, отмечая, что контактные варианты слов — это неологизмы и синонимы с определенными стилистическими признаками, которые с точки зрения языковой системы словацкого языка часто находятся на периферии системы, но при этом не представляют собой избыточные элементы, которые утяжеляют систему выразительных средств и не отвечают потребностям выражения [Budovičová, 1983]. В этом определении показано важное отличие контактных вариантов от типичных заимствований, которые часто нейтральны или полностью синонимичны собственным лексическим единицам, тогда как контактные варианты чаще воспринимаются носителями языка как устаревшие или разговорные. Таким образом, контактные варианты слов возникают вследствие языкового контакта в каждом из названных языков, хотя язык уже имеет в своем распоряжении соответствующий элемент [Dolník, 1998: 92-93]. Иными словами, о контактном варианте слова мы можем говорить только при наличии аналога в языке-реципиенте. Важное уточнение делает К. Бузашшиова [Buzássyová, 1993: 98], которая определяет контактный вариант как определенную конфигурацию языковых и внеязыковых факторов². Можно говорить о том, что контактные варианты в языке-реципиенте зачастую не воспри-

² Под языковыми факторами К. Бузашшиова понимает лексические заимствования из чешского в словацкий, а также изменение управления глаголов в словацком языке. Под внеязыковыми факторами подразумеваются функции, выполняемые контактными вариантами в словацком языке. Она выделяет этносигнификативную (фразеология, наименования реалий, заимствованные из чешского в словацкий), коммуникативно-прагматическую функции (заимствования из чешского, которые воспринимаются как экспрессивные или устаревшие в словацком языке), а также выделяет культурно-исторический и этно-психологический факторы.

нимаются как собственные и полностью литературные единицы языка, чаще всего они отличаются от своих неконтактных аналогов на стилистическом уровне.

Наконец, необходимо упомянуть еще один аспект, касающийся разграничения заимствований и контактных вариантов слов. Характерной особенностью контактных вариантов слов является их принадлежность к языковому субстандарту ^{3} или нон-стандарту ^{4} . Можно заметить, что определение В. Будовичовой 1974 г. [Budovičová, 1974] относит контактные варианты к нон-стандарту, называя их повторяющимися ошибками, тогда как определение 1983 г. [Budovičová, 1983] говорит о том, что языковые контакты находятся на периферии системы, но отвечают определенным стилистическим потребностям, то есть, относит контактные варианты уже к субстандарту. К Бузашшиова среди языковых факторов выделяет стилистический, говоря о том, кто контактные варианты, действительно, зачастую стилистически маркированы. Она специально подчеркивает, что носители языка с разным типом языкового сознания могут относить контактные варианты к периферии языковой системы или считать их вовсе нелитературными явлениями. М. Соколова решает этот вопрос разделением контактных вариантов на несколько групп, среди которых есть нон-стандартные, субстандартные и литературные явления [Sokolová, 1995:188]. (См., например, пару mlsný — maškrtný, где mlsný — контактный вариант чешского происхождения (со значением лакомка) был зафиксирован в языке в 1940-е годы, а сейчас воспринимается как нон-стандартное явление.)

Заметим, что во всех приводимых определениях контактных вариантов слов присутствует слабое место, связанное со временем появления контактных вариантов слов. Авторы рассматривают контактные варианты исключительно на синхронном уровне, исходя из того, что они возникли во время существования общего государства чехов и словаков. Чешско-словацкие языковые контакты, однако, имеют многовековую историю, причем чешский язык, как правило, выступал в качестве языка-донора, тогда как словацкий — языка-реципиента. Таким образом, утверждение о том, что контактные варианты слов возникли в период существования Чехословакии, верно лишь для чешского языка. (Например, контактный вариант словацкого происхождения lyžovačka (со значением «катание на лыжах») проник в чешский язык как раз в 1970-е годы.) Понятно, что в этот период они возникали и в словацком литера-

 $^{^3}$ Субстанарт — периферийный языковой континуум [Словарь лингвистических терминов], т.е. явления, находящиеся на периферии языковой системы.

⁴ Нон-стандарт (от англ.) — не соответствующий установленным нормам [Универсальный англо-русский словарь].

турном языке, однако многие слова чешского происхождения были представлены в нем и ранее [Лифанов, 2005]. Ведь кодификатор современного словацкого литературного языка Л. Штур (1840-е годы) полагал, что в лексический состав словацкого литературного языка можно включать слова чешского происхождения, но важно, чтобы их фонетическая огласовка и грамматические свойства соответствовали правилам словацкого языка [Štúr, 1857: 169-170]. Проблему лексического состава словацкого литературного языка обозначил лишь С. Цамбел, который писал, что словарный состав словацкого литературного языка представляет собой полный хаос, ведь в начале XX в. использовались слова чешского происхождения наряду с собственно словацкими лексемами [Czambel, 1903: 218]. Процесс формирования собственно словацкой лексики активно протекал в последующие десятилетия и отражен в относительно небольших словарях в правилах словацкого правописания 1931 и 1940 гг. В значительной же степени этот процесс происходил стихийно. При помощи заимствований из венгерского, немецкого или латинского языков или словацких диалектов, изменения словообразовательной модели или огласовки в словацком языке появляется слово, отличное от уже существующего слова чешского происхождения, которое часто оттесняется на периферию литературного языка. Именно эти ранее употреблявшиеся, но заменяемые чешские слова также представляли собой контактные варианты. (См., например, пару barva farba, где barva — контактный вариант чешского происхождения в словацком языке (со значением «цвет»), farba — неконтактный аналог. Сравнивая их употребление в словарях и в национальном корпусе, можно увидеть, что barva в настоящее время становится нон-стандартным явлением. В 1930-е годы они еще употреблялись как синонимы.)

Можно вывести следующее определение контактного варианта слов: контактные варианты слов — это языковые средства, возникающие вследствие контакта чешского и словацкого языков и представляющие собой определенные лексические заимствования. Контактные варианты слов в чешском языке возникли преимущественно в период существования Чехословакии, тогда как в словацком они могли появиться значительно раньше. Контактные варианты слов — это историческая категория, так как они могут не только появляться, но и исчезать из языка. Временем возникновения контактного варианта в словацком языке можно считать появление параллельной формы, вступающей в конкуренцию с ранее употреблявшимся чешским словом при условии, что богемизм утрачивает нейтральные характеристики. Вытесняться он может диалектными словами, словами иноязычного происхождения, словацкими сло-

вообразовательными инновациями и т.п. Контактный вариант слов существует до тех пор, пока функционируют две параллельные формы, одна из которых маркирована. Временем исчезновения контактного варианта можно считать полное вытеснение одной из параллельных форм другой формой. Опираясь кодификационный словарь словацкого языка KSSJ, можно делать выводы, вошел ли контактный вариант в систему литературного языка, находится ли он на периферии языковой системы или же является нон-стандартом, а также путем анализа словарей можно выяснить время проникновения контактного варианта в язык-реципиент. Частотность употребления контактных вариантов в национальном корпусе дает возможность говорить об их современном состоянии. Использование же исторического корпуса позволит установить время существования контактного варианта в языке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. *Вайнрайх У.* Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. Киев, 1979.
- 2. Жеребило Т.В Словарь лингвистических терминов. URL: https://rus-lingvistics-dict.slovaronline.com (дата обращения: 05.01.2022).
- 3. *Лифанов К.В.* Вытеснение богемизмов из лексического состава словацкого литературного языка с конца XIX в. // Die Welt der Slaven. Band 50. Heft 1. 2005. S. 71–82.
- 4. Панькин В.М., Филиппов А.В. Языковые контакты, краткий словарь. М., 2016.
- 5. Универсальный англо-русский словарь. URL: https://universal_en_ru.academic.ru/1690597/non_standard (дата обращения: 05.01.2022).
- 6. Bernolák A. Slowár slowenskí, česko-laťinsko-ňcmecko-uherskí. Budae, 1825–1827.
- 7. Budovičová V. Spisovné jazyky v kontakte, sociolingvistický pohľad na dnešný vzťah slovenčiny a češtiny // Slovo a Slovesnost 35. 1974. S. 171–181.
- 8. *Budovičová V.* Z konfrontačnej lexikológie príbuzných jazykov lexikálne paralely v slovenčine, ruštine a češtine // Konfrontační studium ruské a české gramatiky a slovní zásoby. 2. Red. V. Hrabě G. Širokovová. Praha, 1984. S. 257–273.
- 9. *Buzássyová K.* Kontaktové varianty a synonymá v češtine a slovenčine // Jazykovedný časopis, 44, 1993, č. 2. S. 92–107.
- 10. Czambel S. Slováci a ich reč. Budapest, 1903.
- 11. *Dolník J.* Das Slowakische im Kontakt mit dem Tscheschischen // Anzeiger für slawische Philologie, XXVI, 1998. S. 92–93.
- 12. *Jedlička A*. Poznámky ke konfrontačnímu studiu češtiny a slovenštiny // Jazykovedné štúdie XII. Peciarov zborník. Red. J. Ružička. Bratislava, 1974. S. 20–29.
- 13. *Jedlička A.* Studium současných spisovných jazyků slovanských a problematika variantnosti normy // Slovo a Slovesnost 29, 1968. S. 113–124.
- 14. Sokolová M. České kontaktové javy v slovenčine // S. Ondrejovič M. Šimková (ed.), Sociolingvistické aspekty výskumu slovenčiny. Bratislava 1995. S. 188–206.
- 15. *Štúr Ľ*. Náuka reči slovenskej // Ľ. Štúr. Slovenčina naša. V. zväzok diela. Bratislava, 1957. S. 153–253.

REFERENCES

- 1. Vajnrajh U. *Jazykovye kontakty. Sostojanie i problemy issledovanija*. [Language contact. State and research problems] Kiev, 1979.
- 2. Zherebilo T.V. *Slovar' lingvisticheskih terminov*. [Dictionary of linguistic terms] URL: https://rus-lingvistics-dict.slovaronline.com (accessed 5.01.2022).
- Lifanov K.V. Vytesnenenie bogemizmov iz leksicheskogo sostava slovackogo literaturnogo jazyka s konca XIX v. [Displacement of bohemisms from the lexical composition of the Slovak language since the beginning of 19th century] *Die Welt der Slaven*, Band 50, Heft 1. 2005, pp. 71–82.
- 4. Pan'kin V.M., Filippov A.V. *Jazykovye kontakty, kratkij slovar'* [Language contacts, short dictionary]. Moscow, 2016.
- 5. Universal'nyj anglo-russki slovar' [Universal English-Russian dictionary]. URL: https://universal_en_ru.academic.ru/1690597/non_standard (accessed 5.01.2022).
- 6. Bernolák A. Slowár slowenskí, česko-latinsko-německo-uherskí. Budae, 1825–1827.
- Budovičová V. Z konfrontačnej lexikológie príbuzných jazykov lexikálne paralely v slovenčine, ruštine a češtine. Konfrontační studium ruské a české gramatiky a slovní zásoby. 2. Red. V. Hrabě-G. Širokovová. 1984, Praha, pp. 112–120.
- 8. Budovičová V. Spisovné jazyky v kontakte, sociolingvistický pohľad na dnešný vzťah slovenčiny a češtiny. *Slovo a Slovesnost* 1974, 35, pp. 171–181.
- Buzássyová K. Kontaktové varianty a synonyma v češtine a slovenčine. Jazykovedný časopis 1993, 44, 2, pp. 92–107.
- 10. Czambel S. Slováci a ich reč. Budapest, 1903.
- 11. Dolník, J. Das Slowakische im Kontakt mit dem Tscheschischen. *Anzeiger für slawische Philologie* 1998, XXVI, pp. 92–93.
- 12. Jedlička A. Poznámky ke konfrontačnímu studiu češtiny a slovenštiny. *Jazykovedné štúdie XII. Peciarov zborník. Red. J. Ružička*. Bratislava, 1974, pp. 20–29.
- 13. Jedlička A. Studium současných spisovných jazyků slovanských a problematika variantnosti normy. *Slovo a Slovesnost* 1968, 29, pp. 113–124.
- 14. Sokolová M. České kontaktové javy v slovenčine. S. Ondrejovič M. Šimková (ed.), Sociolingvistické aspekty výskumu slovenčiny. Bratislava, 1995, pp. 188.
- 15. Štúr Ľ. Náuka reči slovenskej. Ľ. Štúr. Slovenčina naša. V. zväzok diela. Bratislava, 1957, ss. 153–253.

Поступила в редакцию 30.05.2022 Принята к публикации 30.08.2022 Отредактирована 23.09.2022

> Received 30.05.2022 Accepted 30.08.2022 Revised 23.09.2022

ОБ АВТОРЕ

Уварова Юлия Павловна — аспирант кафедры славянских языков филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; uvarova.junior@icloud.com

ABOUT THE AUTHOR

Yulia Uvarova — PhD Student, Department of Slavic Philology, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; uvarova.junior@icloud.com

РОМАН «ЖАУФРЕ»: ОКСИТАНСКАЯ ПАРОДИЯ НА АРТУРОВСКИЙ УНИВЕРСУМ?

М.А. Абрамова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; т.а.abramova@ gmail.com

Аннотация: Статья посвящена практически не известному в России анонимному рыцарскому роману XIII в., написанному на провансальском языке. В работе выявляется откровенно пародийный характер текста, выясняются возможные экстралитературные причины его пародийности (в частности, связь с окружением враждебно настроенного по отношению к Франции двора каталонского короля Иакова I), а также основные механизмы романной техники того времени. Отмечается повышенная интертекстуальность романа «Жауфре», в качестве основных источников, имплицитно или явно включенных в его повествовательную ткань, наряду с провансальской лирикой, привлекаются в первую очередь романы Кретьена де Труа, в частности, «Ивейн», «Персеваль» и «Клижес», а также «Прекрасный незнакомец» Рено де Божё. Особо оригинально трактуется в «Жауфре» комически изображенный образ короля Артура, а также сложные образы основных протагонистов — рыцаря Жауфре и его возлюбленной Брунисенды. Рассматривается, как проявляется техника нарушения горизонтов ожидания читателей в двух основных сюжетных линиях — рыцарских подвигах героя и истории любви. Отмечается, что пародируется не только куртуазный идеал, но также и преувеличенная мистика французского рыцарского романа, а также его христианская составляющая. Делается вывод о том, что роман «Жауфре», рожденный, возможно, политическими запросами, стал оригинальным художественным образцом романа XIII в. Он также, очевидно, демонстрирует, что именно в рыцарском романе благодаря все более осознанному художественному вымыслу и усилению игрового начала зарождается процесс расшатывания «эстетики тождества», способствующий его ключевому положению в системе жанров литературы Нового времени.

Ключевые слова: французский рыцарский роман; провансальская литература; куртуазная лирика; «Жауфре»; Кретьен де Труа; Рено де Божё; король Артур; авантюра; Прекрасная Дама; Брунисенда; интертектуальность; пародия; комическое снижение; эстетика тождества

Для цитирования: Роман «Жауфре: окситанская пародия на артуровский универсум? // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 5. С. 92–101.

THE NOVEL JAUFRÉ: AN OCCITAN PARODY OF ARTHURIAN UNIVERSALITY?

Marina Abramova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; m.a.abramova@gmail.com

Abstract: The article is devoted to an anonymous chivalric novel of the 13th century, written in Provençal and practically unknown in Russia. The work demonstrates the frankly parodic nature of the text, identifies possible extra-literary reasons for this parody (in particular, the connection with the circles close to the court of King James I of Catalonia, which was hostile to France), as well as the main mechanisms of the novel technique of the time. The paper focuses on ehnanced intertextuality of the novel Jaufré. The main sources implicitly or explicitly included in its narrative fabric, along with the Provençal lyric, are primarily the novels of Chretien, in particular Yvaine, Perceval and Cligès, as well as The Beautiful Stranger by Renaud de Beaujeu. Jaufré treats, in a particularly original way, the comically portrayed image of King Arthur, as well as the complex images of the main protagonists — the knight Jaufré and his beloved Brunisenda. The paper also examines the technique of breaking readers' horizons of expectation in the two main story lines — namely, the hero's knightly exploits and the love story. It is noted that not only the Courtoise ideal is parodied, but also the exaggerated mysticism of the French chivalric romance and its Christian component. We conclude that the novel Jaufré, born, perhaps, out of political demands, became an original artistic example of the thirteenth-century novel. This novel also clearly demonstrates that it is in the chivalric novel, through increasingly conscious fiction and a strengthening of the playful element, that the process of undoing the "aesthetics of identity" is born, that contributes to its key position in the system of genres of New Age literature.

Key words: French chivalric novel; Provençal literature; Courtois lyrics; *Jaufré*; Chretien de Troyes; Renaud de Beaujeu; King Arthur; adventurous; The Fair Lady; Brunisenda; intertextuality; parody; comic reduction; aesthetics of identity

For citation: Abramova M. (2022) The novel *Jaufré*: an Occitan parody of Arthurian universality. *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*, no. 5, pp. 92–101.

Роман «Жауфре» был сочинен, судя по всему, двумя неизвестными авторами во второй половине XIII в., т.е. уже после альбигойских войн и эмиграции трубадуров из Прованса. Он является наряду с «Фламенкой» уникальным памятником романного жанра средневековой литературы, созданной на окситанском языке, в которой в основном культивировались жанры лирические, а нарративные были представлены короткими повестями, именовавшимися noves rimades. По мнению некоторых исследователей [Cingolani, 2007; Espadaler, 2011], «Роман о Жауфре» был создан в кругах близких правителям так называемой Арагонской короны, и в частности, Иакова I Завоевателя.

При упоминании имени Жауфре на ум, конечно, сразу приходит знаменитый трубадур Жауфре Рюдель. Однако роман посвящен вовсе не ему, хотя история трагической любви поэта к принцессе Триполитанской, столь впечатляюще изложенная в псевдобиографии Жауфре Рюделя (созданной также в XIII в.), вполне могла бы стать сюжетом романа. В исследуемом нами тексте речь идет об одном из рыцарей Круглого Стола, во французской огласовке известном под именем Жоффруа или Жирфле. Он упоминается в нескольких средневековых романах при перечислении славных рыцарей короля Артура (в «Эреке и Эниде», «Персевале», «Фламенке»), а в «Смерти Артура» становится тем, кто последним видел короля в живых. В «Жауфре» мы встречаем его в самом начале пути, когда он лишь посвящается в рыцари Артуром и отправляется на первые подвиги. Данный роман — единственный, где этот персонаж является протагонистом.

Фабула романа достаточно традиционна. Ко двору Артура прибывает незнакомый юноша, который просит короля лично посвятить его в рыцари и не отказать ему в первой же просьбе. Следом во дворец приезжает еще один рыцарь, некий Таулат де Ружмон, он ведет себя дерзко, убивает одного из придворных Артура, предлагает кому-нибудь из окружения Артура отомстить за него, обещая, что если такового не найдется, то он будет ежегодно так же досаждать королю, и уезжает в неизвестном направлении. Разумеется, юноша вызывается сразиться с ним, Артур, нехотя, держит слово и отпускает его, предварительно узнав, что его зовут Жауфре, и посвятив его в рыцари. Далее следует целая серия невероятных приключений и сражений Жауфре, покуда он разыскивает Таулата, в том числе битвы с неким гордецом, с самим дьяволом, с прокаженными, которые крали и убивали детей, чтобы омыться в их крови и т.д. Хотя он уже порядком устал, он никак не может догнать или найти обидчика Артура. Однажды он случайно попадает в прекрасный сад, где в одиночестве надеется спокойно поспать. Сад принадлежит некоей Брунисенде, прекрасной, но весьма своенравной сеньоре, которая готова казнить незаконно проникшего в ее владения чужака. Однако и Жауфре, и сама Брунисенда влюбляются друг в друга с первого взгляда, но боятся признаться в этом даже самим себе. Герой отправляется на дальнейшие поиски Таулата, наконец-то побеждает его и лишь после этого возвращается в замок Брунисенды, где влюбленные в конце концов объясняются и согласны пожениться. По пути ко двору Артура Жауфре заманивает хитростью некая фея источника, он исчезает к ужасу невесты и всех окружающих, но, погрузившись в подводное царство, освобождает его обитателей от ужасного рыцаря по имени Фелон (изменник) и возвращается на поверхность. История заканчивается свадьбой героев в Кардуэле (Корнуолле) и свадебным пиршеством в Монбру, владении Брунисенды.

При этой относительно простой, точнее — привычной для бретонских романов фабуле «Жауфре» отличает повышенная даже для средневекового произведения интертекстуальность и весьма неординарная трактовка устоявшихся «общих мест» предшествующей романной традиции. Так, уже самое начало «Жауфре» ставит в тупик публику, привыкшую к определенному стереотипу короля Артура. Являясь гарантом незыблемости благородного рыцарского мира, он всегда остается в его центре, у себя во дворце, даже когда в «Рыцаре телеги» Мелеагант похищает королеву. В данном же романе Артур ведет себя ровно наоборот: когда (еще до появления Жауфре и Таулата) наступает время ужина, он отказывается садиться за стол, не услышав новостей и не став свидетелем какого-либо приключения, приказывает седлать коней и скакать всем в Броселиандский лес. Более того, услышав жалобные крики какой-то женщины, он запрещает сопровождать его и пускается один в «авантюру». Жалобы женщины на огромное свирепое животное побуждают короля напасть на того, но когда Артур хватает его за рога, то не может оторвать от них руки. С этого момента возникает совершенно трагикомическая ситуация: животное несется с приросшим к рогам королем, Гавейн, видя это, хочет поразит бестию копьем, но король умоляет его этого не делать, боясь, что тогда он точно погибнет. Гавейн чуть не падает в обморок и заливается горючими слезами, как и подоспевшие Тристан с Ивейном... В результате зверюга вдруг легче птички устремляется на вершину горы и замирает, склонив над пропастью голову с зависшим Артуром. Зрелище ужасающее, но представляющее короля в весьма нелепом и двусмысленном виде. Да и всех вокруг тоже: славные рыцари рвут на себе волосы, одежду, Кей падает замертво с лошади. Совсем уж комична развязка — Гавейн, Тристан, Ивейн и еще множество рыцарей раздеваются до исподнего и накидывают ворох одежды под горой, чтобы Артур, упав, не сломал себе шею. Однако это оказывается не нужно, так как зверь вдруг оборачивается сам прекрасным рыцарем. Он-то и «организовал» приключение, которого так жаждал король: «Seiner, faitz vestir vostra gen,/ Qe ben podon huemais manjar, / Qe vos ni els no cal laisar / Per aventura, car trobada L'avetz, / si be us era tardada" [Jaufré, 2021:42]. Перекрестившись, Артур узнает в нем рыцаря своего двора (он так и остается неназванным), сведущего в волшебстве и в семи свободных искусствах. И если ему удавалось во время съезда рыцарей при дворе превращаться в кого-то, то — с согласия короля, и тот

¹ Сеньор, прикажите Вашим людям одеться, ведь теперь они могут начать трапезу и не отказываться от нее из-за приключения, благо Вы его получили, хоть и с некоторым опозданием.

был рад и награждал его золотым кубком, лучшей лошадью и прилюдным поцелуем самой красивой девушки.

Первое впечатление от данного эпизода — что автор замахнулся «на святое». Однако совершенно очевидно, что поначалу ужасное и выставляющее в неблаговидном и комическом свете короля и рыцарей приключение обращается в веселую шутку. Важно при этом, что начало романа задает вектор восприятия всего текста как определенной трансформации предшествующего опыта французских рыцарских романов в иной языковой, стилистической и нарративной традиции. Характерно, что в конце «Жауфре» начальный эпизод дублируется, с той разницей что на сей раз досаждает королевству Артура некая птица, на чьи поиски он опять бросается в одиночку. Однако и птица оказывается не злобной — помотав по воздуху Артура и скинув с башни его знаменитый меч (!), она отпускает короля и улетает в лес. Приключение вновь сопровождается причитаниями Гиньевры, Гавейна и Жауфре.

Заключительный эпизод с точки зрения фабулы бесполезен, но автор, видимо, счел необходимым закольцевать комические сцены в романе, подчеркнув еще раз его пародийный характер. Известно, что пародии на романы артуровского цикла, выражавшиеся прежде всего в комическом снижении высоких образов, создавались и ранее в самой французской романной традиции («Мул без узды» Пайена из Мезьера, анонимные "Рыцарь со шпагой», «Рыцарь двух шпаг», «Окассен и Николетта» и др..). Но есть один немаловажный нюанс: образ Артура оставался неприкосновенным. Следует ли усматривать в «Жауфре» некий политический подтекст? Вполне возможно, если учесть, что и сам образ Артура был создан в свое время при дворе Плантагенетов как своего рода политический двойник-соперник Карла Великого, актуализированного в это же время при французском королевском дворе. Поэтому вполне резонно рассуждение одного из крупнейших исследователей «Жауфре» А. Эспадалера о том, что роман отражает сложную политическую ситуацию после окончательного вассального подчинения Францией провансальских земель. Артуровские романы, как и вся французская словесность, напрямую идентифицировались в Провансе и Каталонии с идеологией французского королевства, контролировавшего Окситанию. Дело осложнялось соперничеством Франции и Каталонии в приобретении Сицилии, обострившемся как раз в середине XIII в. благодаря политическим бракам, заключенным Карлом Анжуйским и инфантом Пере, сыном каталонского правителя Иакова Завоевателя. «Вот в такой напряженной атмосфере и появляется «Жауфре», полагает А. Эспадалер, уверенный в том, что именно в орбите влияния двора Иакова и создается это произведение [Espadaler, 2021:13].

В свете сказанного подобная достаточно дерзкая ирония по отношению к Артуру возможно воспринималась публикой как дискредитация французской королевской власти. Однако видеть в «Жауфре» исключительно тенденциозную сторону было бы неверно. Ведь и политические запросы двора Плантагенетов спровоцировали когда-то рождение совершенно нового, изменившего литературный процесс жанра — романа. «Жауфре» также являет выдающийся в своем роде его образец. Он свидетельствует о том, что трагическое для Прованса обострение конфликтов с Францией могло при этом способствовать более активному проникновению французской словесности в провансальско-каталонский ареал. Анонимный автор «Жауфре» отлично знаком с ее образцами, он почти дословно цитирует многие романные тексты на уровне клише как словесных, так и сюжетных, образных, вводит знакомые публике мотивы. Все это соответствует той повышенной интертекстуальности, которая была свойственна куртуазной словесности XIII в. в целом. Но в провансальском романе она имеет свои особенности и приводит к оригинальному результату.

Комическая парафраза настойчивого любопытства короля Артура (что во многих произведениях становится катализатором действия) открывает череду «цитат» из французских романов. Основной сюжет демонстрирует их в изобилии. Впрочем, автор «готовит» к ним читателей, включая наиболее известных героев французских романов в преамбулу с приключением Артура. Более того, Гавейн, Ивейн и Тристан пытаются помочь королю, но тот, как уже было замечено, умоляет их не бороться со зверем. Такое комическое переворачивание функций рыцаря — явный сигнал публике.

Сцена появления юного и никому не известного рыцаря при дворе на первый взгляд буквально списана с аналогичного эпизода в «Прекрасном незнакомце» Рено де Божё, где протагонист уже построен как своеобразный пазл из элементов предшествующих героев — Персеваля, Тристана и др. ² Подобно Прекрасному незнакомцу, поражающий своей красотой юный Жауфре впервые появляется при дворе Артура и берет с него слово исполнить первую же его просьбу, и, как и в романе Божё, немедленно появляется персонаж, определяющий трудновыполнимое для юного героя и связанное с тайной задание. Разумеется, сенешаль Кей отпускает язвительные насмешки по поводу неопытности и недостаточной физической силы Жауфре. Как и у Божё, акцентируются мотивы инициации протагониста, стремительного посвящения его в рыцари. Однако, если

 $^{^2\,}$ Об интертекстуальности «Прекрасного незнакомца» и об особенностях этого романа в целом см. [Абрамова, 2022: 13–23].

присмотреться, окситанский автор соединяет отдельные детали из разных текстов особым образом. Так, в отличие от Персеваля и Генглена, наш герой знает свое имя, кроме того, ему изначально известно, кто его отец. Есть еще одна интересная, «вывернутая наизнанку» параллель между историями Жауфре и Парцифаля. Она, правда, появится позднее, когда Жауфре в поисках обидчика Артура столкнется со странной закономерностью. По мере своего приближения к Таулату наш рыцарь все чаще начинает слышать чьи-то страшные стоны, а также причитания всех благородных людей, которые встречаются ему на пути. Однако каждый раз, когда он в отличие от «онемевшего» в замке Анфортаса Парцифаля! — задает вопрос, в чем же дело, и готов прийти на помощь, его прежде любезные новые знакомые начинают страшно оскорблять его и осыпать ударами. Причина этого странного и совсем не куртуазного поведения остается тайной всю основную часть романа не только для героя, но и для читателя. Автор явно рассчитывает на знание последним «Персеваля» и на его особое удивление, что задавать вопрос в данном случае наоборот запрещено. Примечательно, что, несмотря на унижение и побои, Жауфре продолжает это делать. Причина же в том, что подданные Мелиа́ де Монмелиора, томящегося в плену у Таулата, так сильно его любят, что рассказ о его мучениях для них невыносим.

Этот «перевертыш» можно истолковать различным образом. Как особо изощренное испытание сострадательности и благородства героя. Как пародию на повышенную христианскую мистику «Персеваля». Как попытку развести христианские и собственно куртуазные ценности, «реабилитируя» последние как исконно романные. Наконец, как попытку спародировать особый символизм французских романов. В пользу последней версии говорит и эпизод, в котором Жауфре сражается с неуязвимым дьяволом: в конце концов рыцарю на помощь приходит живущий рядом отшельник, однако этот святой человек изгоняет беса не из высоких христианских побуждений, а потому, что шум битвы мешает ему спать.

Однако пародия относится и к собственно рыцарской составляющей образа. Так, когда уже намечается свадьба Жауфре с его возлюбленной, он остается глух к мольбам о помощи некоей прекрасной девицы (что удивительно!), и только обманным путем удается его отправить в заколдованный отвратительным Изменником из Альбаруа подводный мир, истинной хозяйкой которого оказывается Фея источника — та самая, чьей просьбой Жауфре пренебрег. Комизма добавляет бурное оплакивание его мнимой смерти невестой и свитой, направлявшейся было ко двору Артура.

Что касается любовной составляющей, то и она представляет собой оригинальное соединение знакомых фрагментов. Избранницей Жауфре становится владелица замка, прекрасная дама с традиционной внешностью: белокурая, голубоглазая, белокожая... При ее описании автор использует как явно опознаваемые клише (Car pus es fresca, bela e blanca// Que neus gelada sutz en branca³ [Jaufré, 2021: 192]), так и более скрытое цитирование. В словах «Е sa boca es tan plasens qe par,// qi ben la vol garar,// C'ades diga c'om l'an baisar» [Jaufré,2021:192] таится намек на описание Феи Белорукой из «Прекрасного незнакомца»: у той были «Восе bien faite por baisier // Et bras bien fais por embracer ⁵[Renauld de Beaujeu, 1860: 79]. Эта аллюзия задает горизонт ожидания повышенной эротики, как в романе Рено де Божё, но читателя ждет разочарование: отношения влюбленных здесь изображены весьма целомудренно.

В Прекрасной Даме из «Жауфре», правда, есть одна странность. Она носит неожиданное имя, словно противоречащее ее виду — Брунисенда (Brunesenz). Прилагательное bru / brun, которое восходит к германскому корню bruns [Alcover, Moll, 1993], означает во многих романских языках «темное, коричневое, смуглое». Имя красавицы намекает на далеко не совершенный ее характер. Она взбалмошна, не сдерживает гнева, держит в страхе слуг. Впоследствии выясняется, что Мелиа де Монмелиор ее горячо любимый сеньор, который сам по-отечески относится к ней. Переживаниями за него и объясняется ее экстравагантное поведение. Однако поначалу ни читатели, ни герой этого не знают, и пребывание Жауфре во владениях Брунисенды чревато смертельной опасностью. Герой случайно забредает в ее сад после многодневного бессонного преследования Таулата с однимединственным желанием: выспаться в тишине и покое. То же желание владеет и Брунисендой, страдающей и рыдающей по ночам из-за плена своего сеньора. Убаюкать ее могут лишь птицы, поющие в саду и вдруг умолкнувшие от страха перед чужаком. Последствия проникновения Жауфре в сад, этот традиционный locus amoenus куртуазной литературы, изображены трагикомично. Брунисенда жаждет отомстить наглецу и посылает за ним сенешаля, а тот вынужден трясти изо всех сил Жауфре, который спит как убитый. Комизм сцены усиливается, когда наш герой, не желая предстать перед Брунисендой и вызвав на бой сенешаля, тут же засыпает мертвецким сном, не дождавшись оруженосца с доспехами. Но сенешаль, в конце концов, повержен, а Брунисенда жаждет отрубить голову обидчику.

5 Уста были созданы для поцелуев, а руки для объятий.

³ Она была свежее, прекраснее и белее, чем снег на ветке.

⁴ Уста ее были столь привлекательными, что казалось, будто они говорили тому, кто на них смотрит, чтобы он их поцеловал.

Перед нами ситуация, очень похожая на ту, что мы видим в «Ивейне», когда герой оказывается в западне. С той разницей, что там есть герой-помощник, Люнетта, которая смягчает ненависть хозяйки замка к убийце ее мужа, отчего страх Ивейна «субъективен» и вызывает в определенные моменты комический эффект. В отличие от героя Кретьена Жауфре помочь некому. Кроме... любви, конечно, традиционно персонифицированной. Когда наконец постоянно засыпающего рыцаря на руках приносят в замок, Брунисенда обрушивает на него весь свой гнев и обещает повесить. Однако именно в этот момент Жауфре, наконец-то проснувшись, видит, сколь прекрасно ее лицо, и без памяти влюбляется в нее. И в ответ на угрозы говорит, что она вольна делать с ним все, что угодно, так как пленила его «быстрее, чем сотня рыцарей». Вновь как в «Ивейне», именно умение выразить словами свою любовь к даме, пробуждает в той ответное чувство. Подобно Кретьену, анонимный автор использует образ Амора, поражающего дротиком сердце Брунисенды. Но у нее характер сложнее, чем у Лодины: она не желает показывать свое чувство и настаивает на казни, в тайне желая, чтобы она не случилась. Тонкая психологическая разработка персонажа показана здесь на примере не героя (как у Кретьена), а героини. Именно ей отдан сложный внутренний монолог. Тогда как герой, выпросив разрешение выспаться перед казнью, несмотря на «coup de foudre» и близкую смерть, наконец-то предается крепкому сну. Это переворачивание ролей кретьеновских героев, а затем и благополучное бегство Жауфре из замка Брунисенды усиливает комический и игровой эффект ^{6} .

Автор филигранно лавирует между следованием традиции и ее нарушением. Возможно, столь дерзкие отклонения от нее легче допускались в сознании средневекового романиста благодаря апелляции к иноязычному, воспринимаемому как чужому материалу. Но важно то, что, помимо пародии на французский роман, было создано и оригинальное произведение, и запоминающиеся образы влюбленных, и особая техника обращения с предшествующей традицией, обусловленная спецификой романа как такового, а именно — его тяготением к художественному вымыслу⁷. Роман «Жауфре»

⁶ С любовной линией связана и высокая концентрация цитат из провансальской любовной лирики, что, впрочем, характерно и для ранних рыцарских романов. Особенно это заметно в эпизоде, близком к развязке любовных отношений героев, когда они вновь объединяются и вот-вот должны признаться друг другу в любви. Именно тогда во внутренние их монологи, порой сильно затянутые, вклиниваются строфы из лирики Берната де Вентадорна, Фалькета де Романса, Аманьеу де Сескаса, Арнаута де Марейля и др. Хотя и тут не обходится без параллелей с романом, а точнее — с историей любви Александра и Соредамор в «Клижесе».

⁷ Можно предположить, что именно пародийность и сильная комическая составляющая «Жауфре» и стала основной причиной того, что его протагонист так и не удостоился важных ролей в последующих романах артуровского цикла.

представляет великолепный образец того, что именно в этом жанре начался процесс расшатывания «эстетики тождества», сделавший его одним из магистральных жанров литературы Нового времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. Абрамова М.А. Поэтика романа Рено де Божё «Прекрасный незнакомец» // Статьи о французской литературе. К 100-летию Л.Г. Андреева / Под ред. О.Ю. Пановой. М., 2022. С. 13–23.
- 2. *Alcover A.M.*, *Moll F.* Diccionari català-valencià-balear. 10 vols. Palma, 1993. URL: https://dcvb.iec.cat/ (дата обращения: 15.08.2022).
- 3. Cingolani S. Jaume I. Història i mite d'un rei. Barcelona, 2007.
- 4. Espadaler A.M. Prefaci // Jaufré. Barcelona, 2021, pp. 7–15.
- 5. Espadaler A.M. La cort del pus onrat rei: Jacques Ier d'Aragon et le roman de Jaufré // Revue des langues romanes, 2011, CXV, 1, pp. 183–198.
- 6. Jaufré. Barcelona, 2021.
- Renauld de Beaujeu. Le Bel Inconnu ou Giglain fils de messire Gauvain et de la Fée aux blanches mains. Paris, 1860.

REFENCES

- 1. Abramova M.A. *Poehtika romana Reno de Bozhyo "Prekrasnyj neznakomec"* [The Poetics of Renaud de Beaujo's novel "The Beautiful Stranger"]. Stati o francuzskoj literature. K-100-letiyu L.G. Andreeva [Articles about French literature. To the 100th anniversary of L.G. Andreev]. Ed- by O.Panova. Moskva, Litfakt, 2022, pp. 13–23.
- 2. Alcover A.M., Moll F. *Diccionari català-valencià-balear*. 10 vols. Palma, 1993. URL: https://dcvb.iec.cat/ (date of application 15.08.2022).
- 3. Cingolani S., Jaume I. Història i mite d'un rei. Barcelona, 2007.
- 4. Espadaler A.M. Prefaci. Jaufré. Barcelona, 2021, pp. 7-15.
- 5. Espadaler A.M. *La cort del pus onrat rei*: Jacques Ier d'Aragon et le roman de Jaufré. Revue des langues romanes, 2011, CXV, 1, pp. 183–198.
- 6. Jaufré. Barcelona, 2021.
- 7. Renauld de Beaujeu. Le Bel Inconnu ou Giglain fils de messire Gauvain et de la Fée aux blanches mains. Paris. 1860.

Поступила в редакцию 24.08.2022 Принята к публикации 30.08.2022 Отредактирована 24.09.2022

> Received 24.08.2022 Accepted 30.08.2022 Revised 24.09.2022

ОБ АВТОРЕ

Абрамова Марина Анатольевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; m.a.abramova@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Marina Abramova — PhD in Philology, Associate Professor, Department of History of Foreign Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; m.a.abramova@gmail.com

СИНЕСТЕТИЧЕСКИЕ МЕТАФОРЫ В ЭЛЕГИИ XLIII (ЭЛЕГИИ О ФОНТАНЕ) ПЕРНЕТТЫ ДЮ ГИЙЕ

К.О. Приходько

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; canciondelalma@yandex.ru

Аннотация: Предметом рассмотрения данной статьи стал синтез синестетических метафор с неоплатоническими, петраркистскими и куртуазными мотивами в элегии XLIII Пернетты дю Гийе. Стихотворение, более известное как «элегия о фонтане», демонстрирует активное использование синестезии «свет-звук-прикосновение». Синестезия встраивается в противостояние двух видов любви; дама выбирает, какому из них отдать предпочтение. Первая часть антитезы — целомудренная любовь-дружба (L'Amitié), которая связана с одобряемой светской концепцией благочестивой любви (honnête amour). Ей противопоставлена чувственная страсть (l'Amour), ведущая свое происхождение от жестокого куртуазного Амора. Страсть испепеляет и ослепляет, возвышенная любовь исцеляет, дарует свет и благо. Некоторые метафоры в элегии дю Гийе трактуются вполне однозначно и ассоциируются с конкретной разновидностью любовного чувства (например, летний зной = страсть). В то же время есть образы (лютня, вода), которые нельзя в полной мере отнести только к любви-дружбе или любви-страсти: они в разной степени взаимосвязаны с тем и с другим и требуют детальной трактовки. Свет и звук находятся в оппозиции по отношению к тактильным ощущениям, но одновременно тесно переплетаются с ними. Используя образы из лирики других поэтов (Жана Ренара, Мориса Сева, Клемана Маро, Луизы Лабе и др.), дю Гийе использует синестезию в качестве способа коммуникации между влюбленными, а также репрезентации борьбы «низменного» и «возвышенного» в любовном чувстве. Любящая дама проходит путь искушения телесной красотой, отвергает бездумную страсть и стремится к возвышенным чувствам. Важным компонентом синестезии становится образ воды: в виде фонтана любви, в виде инструмента метаморфозы из мифа об Актеоне, наконец, в виде «божественности», наполняющей возлюбленного как сосуд и ведущего пару от испепеляющей страсти к гармоничному созиданию.

Ключевые слова: Пернетта дю Гийе; Лионская школа поэтов; 40-е годы XVI в.; синестезия и синестетические метафоры; неоплатонизм; петраркизм; куртуазная любовная лирика

Для цитирования: Приходько К.О. Синестетические метафоры в элегии XLIII (Элегии о фонтане) Пернетты дю Гийе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 5. С. 102–108.

SYNESTHETIC METAPHORS IN PERNETTE DU GUILLET'S ELEGY XLIII (ELEGY ABOUT THE FOUNTAIN)

Ksenia Prikhodko

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; canciondelalma@yandex.ru

Abstract: The subject of this article is a combination of synesthetic metaphors with Neoplatonic, Petrarchan and Courtly Motifs in Pernette du Guillet's XLIII Elegy. The poem, better known as the "Elegy about the Fountain", contains an apparent synesthetic triad "light-sound-touch". Light and sound are opposed there to tactile sensations, but at the same time are closely intertwined with them. Synaesthesia is embedded in the opposition of two kinds of love; the lady chooses which one to prioritize. The first part of the antithesis is the chaste love-friendship (L'Amitié), which is linked to the approved secular concept of pious love (honnête amour). It is contrasted with sensual passion (l'Amour), which has its origins in the cruel courtly Amor. Passion sizzles and dazzles, sublime love heals, gives light and goodness. Some of the metaphors in du Guillet's elegy are interpreted quite unambiguously and are associated with a particular kind of love feeling (e.g., summer heat = passion). At the same time, there are images (the lute, water) which cannot be fully attributed only to love-friendship or love-passion: they are interrelated with both to a different degree and require a detailed interpretation. With the help of the images borrowed from literary works of other poets (Jean Renard, Maurice Scève, Clément Marot, Louise Labé, etc.) du Guillet uses synesthesia as a way of communication between lovers, as well as a representation of the struggle between the "low" and "sublime" in love. The lady goes through the temptation by beauty, rejects thoughtless passion and strives for sublime feelings. An important component of synesthesia is the image of water; it is represented in several variations, such as a fountain of love, an instrument of metamorphosis from the Actaeon myth, and finally, "divinity" which fills the vessel of beloved souls and leads a couple from the sizzling passion to harmonious creation.

Key words: Pernette du Guillet; the Lyon School of Poets; the 1540s; the Diana and Actaeon Myth; Neoplatonism; Petrarchism; Courtly Love Lyrics

For citation: Prikhodko K. (2022) Synesthetic metaphors in Pernette Du Guillet's Elegy XLIII (Elegy About the Fountain). *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*, no. 5, pp. 102–108.

В неоплатонической традиции, унаследованной в том числе лионской поэзией XVI в., особую роль играют метафоры чувственного восприятия. Прежде всего речь идет об образах зрительных. Свет ассоциируется с познанием, ясностью духа и ума, духовным прозрением, слиянием с Единым, высшим первоначалом, через любовь. Зрение, воспринимающее свет, и слух, воспринимающий музыку, — два возвышенных чувства, способствующих постижению прекрасного. Только прекрасное способно приблизить душу к божественной

любви и возвысить ее до слияния с божеством. Остальные органы чувств — вкус, запах, осязание — служат плотским влечениям. «Она [душа] низвергается в подземное царство тела, словно погрузившись в реку Лету, и, мгновенно забыв о себе самой, похищается чувствами и распутством, словно тираном и его пособниками. Но в зрелом теле, очистив орудия чувств, при содействии учения она несколько приходит в себя» [Фичино, Эстетика Ренессанса, 1981: 170]. Эти представления соединяются в ренессансной лирике с мотивами куртуазного служения и светской концепцией благочестивой любви (honnête amour). Элегия о фонтане из сборника «Рифмы» (Rymes) Пернетты дю Гийе предлагает оригинальный вариант такого соединения, а также демонстрирует, как метафоры чувственного восприятия могут образовывать синестетический ряд в произведении.

Первая строфа элегии сразу задает контекст в виде двух чувственных метафор — визуальной и тактильной (clere fontaine и chaleur d'esté). Они становятся компонентами антитезы [здесь и далее цит. по: Pernette du Guillet, 2006: 153–156]:

XLIII

Combien de fois ay je en moy souhaicté Me rencontrer sur la chaleur d'esté Tout au plus près de la clere fontaine...

Дама оказывается помещенной в пространство с двумя любовноэротическими топосами, причем один из них (chaleur d'esté) довлеет над ней. Подобно тому как знойный воздух окружает томящуюся от жары со всех сторон, так любящая душа дамы окружена испепеляющей любовной страстью. Нетипичность антитезы метафор в том, что, с одной стороны, дама ищет прибежища от зноя в водах источника, с другой — зною противостоят не прохладные его воды (из которых она могла бы испить и омыть лицо), а его свет. Этот «ясный источник» отсылает нас к источнику любви из «Романа о Розе» Гийома де Лорриса и Жана де Мёена, равно как и к «Делии» (Délie) Мориса Сева, учителя дю Гийе, к «Храму Купидона» (Le temple de Cupido) Клемана Маро. Таким образом, «зною» противостоит не «прохлада», а «свет». Это тот самый свет гуманистической любви, свет-знание, приближения к истине и божеству. На первый взгляд две метафоры не являются по семантике антонимами. Однако излучение и жара, и света в равной степени присуще солнцу, значит, жар и свет — параллельные явления. Зной, олицетворяющий страсть, может обжигать и испепелять.

Дама смотрит на ясные воды источника, видит его свет и причащается любви через «прикосновение-взгляд». Фонтан для любя-

щей — это источник «света», средство возвыситься в любви; но прежде чем произойдет это возвышение, она так или иначе будет взаимодействовать с миром еще и своей страстной, плотской стороной. Она мечтает о том, как броситься в фонтан нагой: "Puis peu a peu de luy m'escarterois, // Et toute nue en l'eau me gecterois".

В ожидании возлюбленного она делает это, надеясь его привлечь своей красотой. Здесь есть отсылка как к истории Дианы и Актеона, так и к рождению Афродиты. Если Афродита вышла из вод морских, то любящая дама возвращается «к истокам», идет к воде как к первоисточнику любви. В то же время благодаря источнику любви любящая сама приближается к божественной сути, уподобляется богине: "Combien heureuse, et grande me dirois! // Certes Deesse estre me cuyderois".

При помощи этого она, будучи инициированной, может теперь сама инициировать возлюбленного через прикосновение. Осуществлению этого способствует уже не прикосновение-взгляд (т.е. метафора прикосновения), но непосредственное тактильное ощущение, познание другого (и овладение им) через телесность и выраженный через них мотив любовного влечения.

Чтобы увлечь возлюбленного страстью, любящая дама использует в качестве приманки два «возвышенных» чувства: зрение и слух. До их встречи происходит обмен звуковыми впечатлениями: звук шагов дает даме знать о скором приближении возлюбленного; возлюбленный, гуляя, упражняется в философских речах (в которых он, очевидно, искусен); дама дает ему свободно излить свою речь до того, как он приблизится к зоне ее влияния: "Là quand j'aurois bien au long veu son cours, / Je le lairrois faire appart ses discours". Затем она стремится привлечь его внимание игрой на лютне, образ которой нагружен эротическими коннотациями. Для Пернетты звук лютни – путь к овладению любимым мужчиной: сначала его вниманием, а затем и вовсе его сущностью, его душой. Звук музыки, возвышенное впечатление может повлиять на его психологические реакции, на его чувства к ней, а игра способна поведать ему об ее чувствах. Этот звук — фактически еще одна обнаженная исповедь, и он способен приоткрыть тайну, помочь проникнуть в интимное: "J'entonnerois sur luy une chanson // Pour un peu veoir, quelz gestes il tiendroit". Она жаждет познать его и одновременно ищет способ овладеть его чувствами, контролировать их.

Дама играет на лютне, чтобы «обнажить» для себя чувства возлюбленного, увидеть их: это доставило бы ей удовольствие, духовное и плотское. Она мечтает поработить возлюбленного, что роднит ее с петраркистской дамой-тиранкой. Эта дама по-прежнему наделена властью благодаря любящему поэту, только в этот раз возводящий

ее на пьедестал поэт — она сама. В то же время, если брать традиционную концепцию doulx martire (сладостного страдания), Пернетта обходится с нею по-своему: "Моп petit Luth accordé au debvoir". Лютня, настроенная звучать «как должно», отсылает нас к светским представлениям о благочестивой любви, honnête amour, в которой есть свой определенный кодекс чести для любящих людей. Здесь не годится действовать слепо и бездумно. В этом выражается первое стремление покончить с зависимостью от телесности, как и в том, что желание обладать физической красотой возлюбленного никак не подчеркивается: даму пленяет скорее его ум, его искусная речь и дар поэта, его нравственность и добродетель, душевные качества. Его добродетель персонифицируется: "...Son gent esprit, duquel tant je me fie, // Que ne craindrois, sans aucune maignie, // De me trouver seule en sa compaignie: // Que dy je seule? Ains bien accompaignee // D'honnesteté, que Vertu à gaignee".

Мы проходим вместе с дамой весь путь ее душевного становления, прослеживаем, как меняются ее мечтания. Воды светлого источника она изначально хочет использовать в своих целях: "Et s'il vouloit, tant soit peu, me toucher, // Luy gecterois (pour le moins) ma main pleine // De la pure eau de la clere fontaine, // Luy gectant droict aux yeulx, ou a la face". Эротизированный обмен прикосновениями должен запустить процесс инициации возлюбленного. Сначала он коснулся бы ее рукой; затем она «коснулась» бы его — но опосредованно, плеснув воды в лицо и глаза. Вода, которая касалась ее рук, теперь коснется и его: она образует между ними весьма зыбкое и хрупкое, но звено: "Ò qu'alors eust l'onde telle efficace // De le pouvoir en Acteon muer, // Non toutes fois pour le faire tuer, // Et devorera ses chiens, comme Cerf: // Mais que de moy se sentist estre serf, // Et serviteur transformé tellement, // Qu'ainsi cuydast en son entendement, // Tant que Dyane en eust sur moy envie, // De luy avoir sa puissance ravie". Мотив «крещения» в слугу дамы переплетается с мотивом метаморфозы в раба-оленя, отсылающей к Актеону. Инициация происходит через подобие физического контакта, брошенной пригоршней воды. Но всё же прикосновение не совершено напрямую. Эротическое влечение осталось не вполне утоленным; плотское желание обращается в поклонение даме-поработительнице, которая сравнялась в своем счастье с самой Дианой и даже опередила ее, пленив мужчину, исполненного талантов и достоинств, которые могли бы сделать честь Аполлону, Музам и Парнасу. Целомудренную Диану, которая превзошла влюбленная смертная — по крайней мере в своих мечтаниях, ведь вся первая часть элегии, наполненная борением между духовным и плотским чувством, написана в сослагательном наклонении, что очень важно. Это не реализованное намерение, но потенциальное. Однако она зашла слишком далеко в своих притязаниях, и сама понимает это. Приманив его через слух и зрение (музыкой и красотой), она затем фактически лишит его этих двух чувств, то есть двух возвышенных благ. Он пусть и на миг, но теряет зрение — ведь она плеснула в него водой, заставив зажмуриться. А за очарованность ее музыкой, игрой на лютне, он сам лишается возможности «звучать»: он теряет дар речи, дар слова, превращаясь, подобно бессловесному оленю, в ее раба. Влюбленный часто немеет, не находит слов рядом с объектом своей любви. Но для «Актеона» в элегии Пернетты это была бы двойная потеря, так как он еще и поэт, служащий Аполлону и Музам. Любовное противостояние подкрепляется поединком талантов. И поэтической одаренностью, и красотой дама в этот момент превзошла возлюбленного.

Но ослепленная чувственностью душа низверглась бы в темницу физических влечений, не познав более высокого блага; возлюбленный, служащий даме-тиранке, не был бы равен ей и не смог бы вместе с ней обрести полноценное счастье единения, слиться, подобно неоплатоническому андрогину, в единое целое. Дама вспоминает о более высоком благе, о даре творца, которым наделен ее возлюбленный. Образ воды снова появляется, но уже в качестве содержимого «сосуда», которым становится ее возлюбленный: "Laissez le aller, qu'Apollo je ne irrite // Le remplissant de Deité profonde..." Образ наполненности сосуда сочетается с полнотой и гармонией новых взаимоотношений между любящими: "Pour contre moy susciter tout le Monde, // Lequel un jour par ses escriptz s'attend // D'estre avec moy et heureux, et content". К тому же «содержимое» сосуда лишь формально отождествляется с жидкостью; по сути это — свет, неоплатонический свет благого познания.

Итак, в элегии задействованы в основном зрение, слух и осязание — первые два как возвышенные чувства, второе как «низменное». Однако телесность не отвергается полностью, она является частью необходимого пути к гармонии; происходит отказ не от нее, а от неблагочестивых желаний и последствий, к которым она может привести. Зрение и слух, ведущие к прекрасному тем не менее чуть не становятся пособниками в порабощении любящей души. Следует верить не «внешним очам, а «внутренним». Любящая дама у дю Гийе приходит к согласию с собой и своей любовью, только когда возвышается надо всеми чувствами разом — и видит, к чему следует прийти согласно требованию благочестивого духа (esprit). Вместо физического обладания она предлагает возлюбленному свободу творчества и самовыражения, благодаря которой он сам, преисполненный созидательного начала, пожелает вернуться к ней. В своих

мечтах она причащала его водой; теперь она уже от него причастится «глубокой божественной премудрости».

Синестезия «свет-звук-прикосновение» выполняет в элегии XLIII две функции. Первая — коммуникация между влюбленными; обмен световыми, звуковыми и тактильными впечатлениями до и во время воображаемой встречи, происходящей в уме любящей дамы. Светом созидания наполняется в конце возлюбленный-поэт, как сосуд; светом же он делится со своей дамой, когда возвращается к ней. Вторая функция синестезии — определять «низменную» и «возвышенную» сторону любви, не только ставя их в оппозицию, но и тесно переплетая между собой в определенных сюжетных точках стихотворения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. *Фичино М.* Комментарий на «Пир» Платона // Эстетика Ренессанса / Под ред. В.П. Шестакова. М., 1981. С. 144–241.
- 2. Scève Maurice. Délie. Object de plus haulte vertu. Genève, 2004.
- Pernette du Guillet. Rymes (1545). Edition critique par Elise Rajchenbach. Genève, 2006.
- 4. *Pernette du Guillet*. Rymes (1545). Edition critique, avec une introduction et des notes par Victor E. Graham. Genève, 1968.

REFERENCES

- 1. Ficino M. Kommentarij na "Pir" Platona [Commentary on Plato's Symposium]. *Estetika Renessansa* [Renaissance Aesthetics]. Pod. red. V.P. Shestakova. Moscow, *Iskusstvo*, 1981, pp. 139–241.
- 2. Scève Maurice. Délie. Object de plus haulte vertu. Geneva, Droz, 2004. ccl. + 736 pp.
- 3. Pernette du Guillet. *Rymes. Edition critique par Elise Rajchenbach.* Geneva, *Droz*, 2006, 295 pp.
- 4. Pernette du Guillet. Rymes. Edition critique, avec une introduction et des notes par Victor E. Graham. Geneva, Droz; Paris, Minard, 1968, 182 pp.

Поступила в редакцию 19.03.2022 Принята к публикации 30.08.2022 Отредактирована 26.09.2022

> Received 19.03.2022 Accepted 30.08.2022 Revised 26.09.2022

ОБ АВТОРЕ

Приходько Ксения Олеговна — аспирант кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета имени М.В. Ломоносова; canciondelalma@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Ksenia Prikhodko — PhD Student, Department of the History of Foreign Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; canciondelalma@yandex.ru

РУССКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ РОБЕРТА БРАУНИНГА: ДРАМАТИЧЕСКИЙ МОНОЛОГ В АНГЛИЙСКОЙ И РУССКОЙ ПОЭЗИИ XIX в.

А.Ю. Зиновьева

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; sasha.zinovieva@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена ключевому жанру британской поэзии викторианской эпохи — драматическому монологу, его философскому и культурному значению в качестве опыта пересмотра субъективности и даже «исповедальности» поэзии эпохи романтизма. В творчестве Р. Браунинга и, в определенной степени, А. Теннисона драматический монолог позволяет осмыслить дистанцию между автором и лирическим повествователем (персонажем, «маской») и одновременно сделать пограничное состояние человеческий психики (безумие, страх) основным лирическим переживанием. «Русская тема» в поэзии Браунинга («драматическая идиллия» «Иван Иванович», 1878) наглядно иллюстрирует все эти положения. Прослеживается рецепция британского драматического монолога в русской поэзии — прежде всего на основе переводов А. Теннисона. Показывается, что указанный жанр является для русской словесности не случайным или экзотическим, но естественным, хорошо освоенным и существующим во множестве вариантов у А.А. Фета, Н.А. Некрасова, А.Н. Майкова, А.К. Толстого, Я.П. Полонского, К.К. Случевского и А.Н. Апухтина, причем на русской почве жанр сохраняет и внешние особенности (хотя и соединяется в отдельных случаях с литературной балладой), и тематику, и философско-эстетические задачи. В широком смысле драматический монолог представляет собой выражение тех преобразований, которые претерпел субъект европейской и русской романтической поэзии: свободное лирическое высказывание, совпадение автора с его поэтическим «я» представлялось все менее возможным, заменяясь драматической «игрой», предъявлением читателю «маски», которая не обязательно предполагала настоящей связи со своим создателем (о последней можно было только догадываться), и тем самым разрушала изначально подразумевающуюся романтическим мышлением целостность творческой личности.

Ключевые слова: Р. Браунинг; А. Теннисон; А.Н. Апухтин; драматический монолог

Для цитирования: Зиновьева А.Ю. Русское путешествие Роберта Браунинга: драматический монолог в английской и русской поэзии XIX века // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 5. С. 109-121.

ROBERT BROWNING'S RUSSIAN VOYAGE: DRAMATIC MONOLOGUE IN ENGLISH AND RUSSIAN 19th-CENTURY CENTURY POETRY

Alexandra Zinovieva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; sasha.zinovieva@gmail.com

Abstract: The article is devoted to a key poetic genre of the Victorian British poetry — dramatic monologue. Its philosophical and cultural impact is viewed as a kind of revision of the Romantic subjectivism and even "confessionalism". In R. Browning's (and, to some extent, Lord Tennyson's) poetic works dramatic monologue allows to explore the distance between the author and the lyrical narrator (lyrical character, lyrical persona, the mask) and at the same time to make the borderline psychological disorder (the feeling of terror, madness) one of the main lyrical emotions. The Russian theme in R. Browning's works (for instance, in the "dramatic idyll" Ivan Ivanovitch, 1878) fully reveals the functions of dramatic monologue named above. The reception of British dramatic monologue in Russian poetry is also studied in the article; Russian translations of Lord Tennyson's poetry are explored. It is assumed that this genre appears not to be something accidental or exotic, but natural, well-received in the Russian tradition and existing in many variants — in the works by A.A. Fet, N.A. Nekrasov, A.N. Maykov, A.K. Tolstov, Ya.P. Polonsky, K.K. Sluchevsky, A.N. Apuhktin. In Russian poetry, dramatic monologue fully preserves its formal features (although it is sometimes combined with literary ballad), typical themes and its philosophical and aesthetic goals. In broader sense, dramatic monologue manifests the changes that the lyrical subject of Russian and European romantic poetry has undergone: the free lyrical speech, the unity of the author and his poetic self was seen as less and less possible; it was replaced by the dramatic "game", showing to a reader only a "mask", not necessarily suitable for the author (one could only guess whether it was so), thus destroying the romantic artist's integral identity originally taken for granted.

Key words: R. Browning; A. Tennyson; A.N. Apuhktin; dramatic monologue

For citation: Zinovieva A.Yu. (2022) Robert Browning's Russian Voyage: Dramatic Monologue in English and Russian 19th-Century Poetry. Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology, no. 5, pp. 109–121.

Под «русским путешествием» Роберта Браунинга (1812–1889) можно понимать, с одной стороны, действительное посещение поэтом России, нашедшее определенное выражение в его творчестве, с другой же стороны, правомерно говорить о влиянии его излюбленного жанра, драматического монолога, на русскую поэзию XIX в. Оба эти явления можно считать не слишком значительными по сравнению с другими факторами, сформировавшими личность Браунинга и определившими основные черты связей русской и западной поэзии: Россию Браунинг посетил как бы мимоходом и с

воздействием на его творчество, например, Италии она сравниться не может. Что касается влияния Браунинга на русских поэтов стоит помнить, что до XX в. его на русский язык не переводили (только в 1914 г. Н.С. Гумилёв опубликовал свою русскую версию драмы в стихах Браунинга «Пиппа проходит» (Pippa Passes, 1841); в 1918 г. в свет вышла антология переводов Р.С. Рабинерсона «Из английских и французских поэтов», где присутствовал и Браунинг). Критическая рецепция поэзии Браунинга в России долгое время была скудной: хотя переводные рецензии на его стихи начали публиковаться с 1836 г., первая отечественная основательная статья о поэте, «Роберт Броунинг и его поэзия», написанная З.А. Венгеровой и вошедшая в ее книгу «Литературные характеристики», появилась только в 1897 г. И тем не менее в определенном смысле «русское путешествие» Браунинга состоялось, причем со всей определенностью. Браунинг посетил Санкт-Петербург в марте и апреле 1834 г. (его русский, дублированный на немецком языке, паспорт датирован 31 марта 1834), воспользовавшись приглашением вице-консула России в Лондоне Иоганна Георга де Бенкгаузена (1787–1844) [Алексеев, 2019; Waddington, 1986]. Блестящая Северная столица так понравилась поэту, что в течение некоторого времени он всерьез рассматривал перспективу дипломатической службы, от которой, впрочем, отказался. Много позже, в совершенно другой период жизни, в 1871 г. в Англии Россия предстала перед Браунингом в образе И.С. Тургенева. Знакомства не вышло: Браунинг Тургеневу не понравился, показался скучным и напыщенным [Ivan Turgenev.., 1995], зато, возможно, эта встреча заставила Браунинга обратиться к собственным воспоминаниям о России и возникла «драматическая идиллия», как иногда определяют поздний драматический монолог поэта, «Иван Иванович» (Ivan Ivanovitch, 1878).

Русская тема в понимании Браунинга вписывается в общую канву британских мифологизированных представлений о России (холод, снег, опасность, патриархальность народа — отсюда «идилличность» в жанровом определении стихотворения)², правда, отличается правдоподобием, отсутствием каких-либо бросающихся в глаза нелепых деталей (свой материал Браунинг всегда изучал дотошно). Плотник Иван Иванович явно генетически был связан с

 $^{^1}$ В 1836 г. в майской книге (№ 7) «Московского наблюдателя» Браунинг был впервые представлен русскому читателю в переведенной с английского статье Дж. Форстера (1812–1876), посвященной поэме «Парацельс» (Paracelsus, 1835); в № 16 и 17 «Литературной газеты» за 1848 г. в свет анонимно вышла пространная переводная статья «Роберт Броунинг и современная английская литература» [Алексеев, 2019: 468–470].

² Эти расхожие представления описаны исследователями [Waddington, 1994; Михальская, 1995].

русским лесорубом У. Вордсворта из стихотворения «Русская беглянка» (The Russian Fugitive, 1830)³. Он, не размышляя, отрубает голову Луше — женщине, которая с отчаянием рассказывает, как во время возвращения в деревню на единственной лошади волки выхватили у нее из саней по очереди троих сыновей: безмолвному Ивану Ивановичу становится ясно, что длинный рассказ-монолог женщины — лишь чудовищная попытка самооправдания, а на самом деле мать, спасая свою жизнь, отдала маленьких детей на съедение хищникам. Женщина умоляет слушателя:

Only keep looking kind, the horror will not cling, Your face smooths fast away each print of Satan⁴.

[Browning, 1994: 594]

Слово «ужас» (horror) оказывается здесь ключевым: он больше заключается не в воспоминаниях о стае волков и опасности, но в той тьме, которая существует и обнаруживает себя в женщине. На фоне холода русской зимы, молчаливой патриархальной правоты плотника, которого, как нового Моисея, в итоге оправдывает священник (суд в браунинговской России также выглядят патриархально, деревенский мир больше напоминает пуританскую общину, хотя и говорится об абсолютной власти помещика: "Pomeschik — Lord of the Land, who wields — and none demurs — / A power of life and death" [Browning, 1994: 594), этот ужас выглядит еще более явным и зловещим. Помещик, безусловно осуждая плотника, говорит о «дикой неправоте, призванной исправить неправоту, если та вообще была» (к рассказу Луши он относится рационально, источника поднимающегося изнутри ужаса, ясного Ивану Ивановичу, не чувствует):

A wild wrong way
Of righting wrong — if wrong there were, such wrath to rouse!⁶
[Browning, 1994: 594]

Для старого же священника последние — и единственные — слова Ивана Ивановича: «Бог приказал мне свершить его волю: ослушаться не смел!» ("God bade me act for him: I dared not disobey!" [Browning, 1994: 594) — непреложны.

Примечательно, что в браунинговском стихотворении сталкиваются характернейшие для поэта и викторианской эпохи в целом

³ Об этом см. [Чернин, Жаткин, 2010].

 $^{^4}$ «Лишь добрым выгляди, рассеется весь ужас, / Лицо твое сотрет печать нечистого» [Здесь и далее подстрочник мой. — A.3.].

 $^{^{5}}$ «Помещик — земли хозяин, кто обладает правом / Казнить и миловать, и с ним никто не спорит».

 $^{^{6}}$ «Дикий гиблый путь / Исправить эло: и если было эло там — такому гневу волю дать!»

персонажи — лицо, боящееся света истины, закрывающееся от нее риторическими ухищрениями драматического монолога, но бессознательно себя обличающее (такова Луша) и героическая натура из легендарного прошлого, обладающая и божественным наитием, и чудесной, иррациональной полнотой знания (эталон здесь — Годива А. Теннисона (1809–1892) из одноименного стихотворения 1840 г., опубликованного двумя годами позднее (Godiva, 1842), тоже, кстати говоря, сосуществующая в произведении рядом с не уверенным в непрочной современности и своем собственном положении повествователем). Главная причина появления драматического монолога как жанра — не формальный эксперимент как таковой, не желание соединить лирическую исповедальность с внешней объективностью драматических средств создания характера, но, своего рода, деградация субъекта, лирического «я» романтической поэзии, все больше отказывающего себе в целостности, способности к сколько-нибудь адекватной саморефлексии, а значит и праве говорить от своего имени, — вплоть до появления уже на ином этапе в представлениях пишущих о поэзии учеников и последователей русской формальной школы фигуры «лирического героя» (Л.Я. Гинзбург), призванного, прежде всего, напоминать читателю об искусственности всякого поэтического самовыражения, о том, что ждать от стихотворения подлинного лирического откровения бессмысленно. Там, где Ф. Гёльдерлин, Дж.Г. Байрон и А.С. Пушкин рискнут сказать «я», их продолжатели будут закрываться маской или даже двойной маской, сочетая страх «сказать себя» напрямую с желанием прикрыть это интеллектуальным расследованием, нередко бесплодным поиском истины, на которой обрекает читателя драматический монолог. Как описывал это сам Браунинг: «Душа в сценическом настроении, мысли оказываются персонажами» ("The soul is the stage moods and thoughts are characters" [Browning, 1970: 156]). И далее: «Я делаю акцент на тех случаях, которые показывают развитие души. Прочее едва ли заслуживает внимания» ("My stress lay on the incidents in the development of a soul: little else is worth study" [там же]). Можно добавить — это развитие души у Браунинга отнюдь не благостное, несчастная казненная Иваном Ивановичем Луша — тому печальный пример⁷.

Безусловной вехой того, что драматический монолог впервые постулирует себя как едва ли не главный жанр британской поэзии, становится 1842 г., когда одновременно публикуются «классические» драматические монологи «Моя последняя герцогиня» Браунинга и «Улисс» А. Теннисона⁸. В том же году выходит в свет книга Браунин-

 $^{^7}$ См. о «развитии души» по Браунингу: [Bergman, 1980; Новикова, 2018]. ^{8} Эти стихотворения считает основополагающими для развития драматического монолога М.Х. Эйбрамс [A Glossary..., 1999: 70].

га «Драматическая лирика» (Dramatic Lyrics), несколько позже — «Драматические повествования и лирические стихотворения» (Dramatic Romances and Lyrics, 1845). Далее жанр всё больше укрепляется как в творчестве названных поэтов, так и у Д.Г. и К. Россетти, М. Арнолда, А.Ч. Суинберна (это только имена первого ряда) и не сдает свои позиции и в XX в. у модернистов — У.Б. Йейтса, Э. Паунда, Т.С. Элиота, Р. Фроста, Э. Бишоп.

Возвращаясь же к Браунингу, можно подытожить: не в последнюю очередь драматический монолог нужен ему для передачи ужаса, которым охвачено сознание силящегося справиться с реальностью человека, находящегося на грани помешательства (по-своему безумны и фераррский герцог, и любовник Порфирии, и Чайлд-Роланд из соответствующих произведений). Это безумие и этот ужас проявляют себя в любых прозаических ли, экзотических ли, умозрительных обстоятельствах и антураже, и замороженная Россия — не исключение. Соответственно, хочется задать вопрос — возможно ли проследить трансляцию этого браунинговского представления о драматическом монологе как вместилище помраченного человеческого сознания, затрагивающего и русскую тему, непосредственно в Россию, в русскую словесность?

Как уже говорилось, в чем-то ситуация выглядела далеко не обнадеживающей: в отличие от Э. Бэррет Браунинг (1806–1861) и А. Теннисона Браунинг, признанный немногими знатоками, для русского читателя оставался в тени; читавшие его в оригинале переводчики и стихотворцы, понимавшие его «темную поэтику», предпочитали предлагать читателю более «легкие» тексты.

Однако именно переводы из более открытого аудитории Теннисона, активно появлявшиеся с 1847 г. (анонимная публикация «Двух сестер» и «Годивы») [Жаткин, 2015], сделали свое дело и представили русским литераторам если не самого Браунинга, то разделяемый Теннисоном браунинговский взгляд на драматический монолог. Трудно переоценить русские версии теннисоновской поэзии Д.Д. Минаева (1835–1889), О.Н. Чюминой (Михайловой, 1858(1859)–1909), Ф.Ф. Тютчева (1860–1916), сына Ф.И. Тютчева, И.Г. Шумского (1885–1961)⁹ и др. Переводы из Э. Бэррет Браунинг (в случае последней к уже названным именам поэтов-переводчиков надо добавить Н.А. Некрасова (1821–1878), В.Д. Костомарова (1837–1865), П.И. Вейнберга (1831–1908)) не могли научить русскую поэзию собственно драматическому монологу, но так или иначе знакомили переводивших с обоими Браунингами. Характерно, что именно много и успешно переводившие с английского поэты — А.Н. Плещеев (1825–1893),

⁹ О переводах И.Г. Шумского см.: [Жаткин, Рябова, 2018].

уделявший немало внимания именно Теннисону («Погребальная песня», 1861; «Леди Клара Вер-де-Вер», 1864; «Королева мая», 1871; «Дора», 1873; «Меня ты любил как сестру...», 1886), и К.К. Случевский (1837–1904), увлеченно занимавшийся переложениями с английского языка (в частности, У. Шекспира: сонеты XIV. «Не по звездам небес дано мне жизнь читать...»; XXXI. «Твоя прияла грудь все мертвые сердца...»; XXXII. «Когда в блаженный час от жизни отойду...»; «Зимняя сказка»), имевшие полную возможность подробно познакомиться с Браунингом в оригинале, восприняли в своем творчестве и форму драматического монолога, и его смысловое наполнение — тему безумия, сопряженного с потерей «человеком сомневающимся», человеком секуляризованного сознания понимания своего места в мире и чувством сопутствующего этому переживанию ужаса. Но и прямая ориентация на британскую литературу была необязательной: форма соответствовала мироощущению века, а потому драматические монологи в русской поэзии середины и второй половины XIX в. представлены весьма разнообразно. Достаточно простого перечисления: А.Н. Майков (1821–1897) — поэмы «Две судьбы» (1844) и «Машенька» (1846), Н.П. Огарёв (1813–1877) — «Монологи» (1844–1847) и более зрелое «Забытье» (1861), Н.А. Некрасов «Огородник» (1846) и «Калистрат» (1863), А.А. Фет (1820–1892) «Лихорадка» (1847), А.К. Толстой (1817–1875) «Илья Муромец» (май? 1871; в последнем стихотворении монолог, правда, предваряет экспозиция, взгляд на субъекта-персонажа со стороны).

В качестве рядового примера можно привести совершенно побраунинговски звучащий финальный монолог Владимира, вспоминающего убийцу возлюбленной Нины, из «Двух судеб» Майкова:

«Карлино! Мы с ним встретились однажды. Был в жизни нам один урок, но каждый По-своему его растолковал. Несчастный! Помню, он всегда бывал Так скромен, тих, в мечтаньях благороден... Я помню... Но я разве с ним не сходен? Обманут был он жизнью так, как я; Мы оба стали те же мизантропы, — Над ним гремят проклятия Европы, А я слыву как честный человек... Да чем же лучше я? О, жизнь! О, век! Павлушка! Эй! Приказчику Ивану Скажи, доклад я принимать не стану. За ужином я гуся буду есть Да сыр. В еде спасенье только есть!»

Конечно, следует учитывать, что на русской почве драматический монолог нередко соединялся с элементами лирической исповеди (внутреннего монолога) и литературной баллады (наследием раннеромантической поэзии), но встречался и в «дистиллированном» виде, а старые жанровые формы при взаимодействии с ними по уже обозначенным причинам решительно переосмыслял.

По-своему переписал «Ивана Ивановича» в своей поэме «В снегах» (1883) К.К. Случевский: в его сочинении есть явные отзвуки браунинговской «драматической идиллии». В целом же, как и близкий ему Ф.М. Достоевский (1821–1881), Случевский не только поэт, но оригинальный и яркий прозаик, автор романа «Профессор бессмертия» (1892), тяготел к гротескно-макабрическим монологам в стихах, ориентированным на «кладбищенскую» тематику. В этом ключе написаны стихотворения «Я видел свое погребенье...» (1859), «Невеста» (1891), «На кладбище» (1901; «Я лежу себе на гробовой плите, / Я смотрю, как ходят тучи в высоте...»). Достоевский же в знаменитом рассказе «Бобок» (1873) не хуже Браунинга сформулировал положение такого пишущего субъекта: «На этот раз помещаю «Записки одного лица». Это не я, это совсем другое лицо. Я думаю, более не надо никакого предисловия» [Достоевский, 1980: 41].

Как и Браунинг, Случевский обращался к истории («Гидальго» (1845) «Мемфисский жрец» (~1860)), где, как и нередко у Браунинга, протагонист посылает возлюбленную на смерть:

Когда я был жрецом Мемфиса Тридцатый год, Меня пророком Озириса Признал народ.

Мне дали жезл и колесницу, Воздвигли храм; Мне дали стражу, дали жрицу — Причли к богам...

Тогда, назавтра, в жертву мщенью, Я, как пророк, Тяжелой пытке и сожженью Ее обрек...

И я смотрел, как исполнялся Мой приговор И как, обуглясь, рассыпался Ее костер!

[Случевский, 1962: 152]

Браунинговскую тему безумия вполне воплотил знаток, правда, отнюдь не Браунинга, но И.В. Гёте, Я.П. Полонский (1819–1898).

Можно вспомнить такие его стихотворения, как «Мельник» (1859; с явными элементами драматического монолога), «Двойник» (1862), «Старый орел» (1863), «Болгарка» (1870–1875) и, конечно же, «Сумасшедшего» (1859):

Кто говорит, что я с ума сошел?! Напротив... — я гостям радешенек... Садитесь!.. Как это вам не грех! неужели я зол! Не укушу — чего боитесь!

Давило голову — в груди лежал свинец... Глаза мои горят — но я давно не плачу — Я всё скрывал от вас... Внимайте! наконец Я разрешил мою задачу!..

Ликуйте! вечную приветствуйте весну! Свободы райской гимн из сердца так и рвется — И я тянусь, тянусь, как луч, в одну струну — Что, если сердце оборвется!..

[Полонский, 1954: 216-217]

В отечественном литературоведении высказывалась версия [Цветкова, 2012], что, когда речь идет о «ролевой лирики» (терминология исследователя), британские поэты «вживаются» в далекий от себя образ, русские же — выбирают комплиментарный, им близкий. Перечисленного достаточно, чтобы такое предположение опровергнуть: человек на грани безумия и экзистенциальной катастрофы привлекает отечественных стихотворцев ничуть не меньше, чем британских.

Великой же кульминацией бытования драматического монолога XIX в. на русской почве стало, разумеется, стихотворение А.Н. Апухтина (1840–1893) «Сумасшедший» (1890), произведшее неизгладимое впечатление и на литературу, и на театр. (Английского языка Апухтин не знал, хотя у него, как и у всех поэтов-современников, есть переложения из Дж.Г. Байрона.)

Удивительным образом, при всей славе этого стихотворения, оно продолжает считаться жанрово маргинальным текстом. Между тем безумец, грозящийся казнить родных, навещающих его в доме умалишенных, в минуту просветления занятый на глазах читателя самоанализом и вспоминающий страшную сцену помутнения рассудка на усыпанном васильками лугу, где он гулял с маленькой дочкой, кажется двойником всех браунинговских сумасшедших (судьба дочери неизвестна, но остается жутковатая возможность, что ребенок мог и пострадать — навещают больного только жена и брат):

Садитесь, я вам рад. Откиньте всякий страх И можете держать себя свободно, Я разрешаю вам. Вы знаете, на днях Я королем был избран всенародно... Ах, Маша, это ты? О милая, родная, дорогая! Ну, обними меня, как счастлив я, как рад! И Коля... здравствуй, милый брат!... Что наша Оля? Всё растет? Здорова? О, Господи! Что дал бы я, чтоб снова Расцеловать ее, прижать к моей груди.... Как это началось? Да, летом, в сильный зной, Мы рвали васильки, и вдруг мне показалось...

.....

Как эти дни далеки... Долго ль томиться я буду? Всё васильки, васильки, Красные, желтые всюду...

Видишь, торчат на стене, Слышишь, сбегают по крыше, Вот подползают ко мне, Лезут всё выше и выше...

Слышишь, смеются они... Боже, за что эти муки? Маша, спаси, отгони, Крепче сожми мои руки!..

Но всё же я король, и я расправлюсь с вами!

 $[Апухтин, 1990: 249-252]^{10}$

Подводя итог, можно отметить, что удивительно не совершенно предсказуемое присутствие драматического монолога в русской поэзии — удивительно его непризнание как законно существующей русской лирической формы XIX в., не смешивающийся ни с вну-

¹⁰ М.Л. Гаспаров отмечает, что полиметрические особенности «Сумасшедшего» напоминает классическую полиметрию XVIII в., где «один размер ощущается как общий фон, другие выделяют внутренние вставные куски или, наоборот, внешнее обрамление»; в этом тексте «лирическое воспоминание «Да, васильки, васильки...» [выделено] 3-ст. дактилем на фоне бредового вольного ямба» [Гаспаров, 2000: 189]; коррелируют метрические колебания стихотворения и с «раскачиванием» сознания произносящего монолог от проблесков рассудка к безумию.

тренним лирическим монологом (аналогом английского soliloquy), ни с популярной в России литературной балладой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. *Алексеев М.П.* Р. Браунинг и его русские отношения // Русская тема в европейский литературе. СПб., 2019. С. 468–488.
- 2. *Апухтин А.Н.* Полное собрание стихотворений / Сост., подг. текста и прим. Р.А. Шацевой; вст. ст. М.В. Отрадина. Л., 1991 (Биб-ка поэта. Бол. серия).
- 3. Гаспаров М.Л. Очерк истории русского стиха. М., 2000.
- 4. Достоевский Ф.М. Бобок // Дневник писателя. 1873 // Полн. собр. соч.: В 30 т. АН СССР, Ин-т русск. лит-ры (Пушк. дом). Т. 21. Л., 1980. С. 41–54.
- 5. Жаткин Д.Н., Рябова А.А. Английская поэзия XIX века в переводах И.Г. Шумского (по материалам рукописн. отд. Пушк. дома). Балтийский гуманитарный журнал. Т. 7. 2018. № 4 (25). С. 201–206.
- 6. *Жаткин Д.Н.* К истории изучения творчества Альфреда Теннисона в России. Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 8 (ч. 4). С. 780–783.
- 7. *Майков А.Н.* Две судьбы (быль) // Соч.: В 2 т. Т. 2. / Под ред. Л.С. Гейро. М., 1984. С. 356–405.
- 8. *Михальская Н.П.* Образ России в английской художественной литературе IX–XIX вв. М., 1995 (2-е изд. М., 2003).
- 9. Новикова Н.К. Цикл монологов Роберта Браунинга «Кольцо и книга»: жанровое своеобразие и философия творчества // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2018. № 3. С. 101–115.
- 10. Полонский Я.П. Стихотворения / Под ред. Б.М. Эйхенбаума. Л., 1954 (Биб-ка поэта. Бол. серия).
- 11. Случевский К.К. Стихотворения и поэмы / Под ред. А.В. Фёдорова. М.; Л., 1962 (Биб-ка поэта. Бол. серия).
- 12. *Цветкова М.В.* Жанр и национальная ментальность. Английская и русская ролевая лирика // Проблемы перевода, лингвистики и литературы. Т. 1–2 / Под ред. В.В. Сдобникова. Т. 2. Вып. 15. Н. Новгород, 2012. С. 223–228.
- 13. *Чернин В.К., Жаткин Д.Н.* «Русская тема» в литературном творчестве Альфреда Теннисона в контексте русско-английских общественных и литературных связей XIX в. // Гуманитарные науки (Филология). № 2 (14). 2010. С. 58–69.
- 14. Bergman D. Browning's Monologues and the Development of the Soul // ELH. Vol. 47, No. 4 (Winter, 1980). P. 772–787.
- 15. Browning R. Poetical Works, 1833-1864 / Ed. by Ian Jack. Oxford, 1970.
- 16. Browning R. The Works / Intr. by Tim Cook. Ware (Herts.), 1994.
- 17. A Glossary of Literary Terms, 7th ed. / Ed. by M.H. Abrams. Boston (MA), 1999.
- 18. Ivan Turgenev and Britain / Ed. by Patrick H. Waddington. Anglo-Russian Affinities. Series. Oxford, Providence (RI), 1995.
- Waddington P.H. Browning and Russia. Baylor Browning Interests. 28 (October 1986).
   P. 37–52.
- Waddington P.H. From the Russian Fugitive to the Ballad of Bulgaria: Episodes in English Literary Attitudes to Russia from Wordsworth to Swinburne. Oxford, Providence (RI), 1994.

REFERENCES

- 1. Alekseev M.P. R. Browning i ego russkie otnoshenija. [Browning and His Russian Relations] Russkaja tema v evropejskij literature. [Russian Theme in European Literature] SPb.: Nestor-Istoria Publ., 2019, pp. 468–488. (In Russ.)
- Apukhtin A.N. Polnoe sobranie stihotvorenij [Collected Poems]. L.: Sovetskij Pisatel' Publ., 1991. (In Russ.)
- 3. Gasparov M.L. Ocherk istorii russkogo stiha. [A History of Russian Versification] M.: Fortuna Publ., 2000. (In Russ.)
- 4. Dostoevsky F.M. Bobok. Dnevnik pisatelja [Diary of a Writer]. 1873. Polnoe sobranie sochinenij v 30 t. [Collected Works. V. 1–30] V. 21. L.: Nauka Publ., 1980, pp. 41–54. (In Russ.)
- 5. Zhatkin D.N., Rjabova A.A. Anglijskaja pojezija XIX veka v perevodah I.G. Shumskogo [English Poetry in I.G. Shumsky's Translations]. Baltijsky gumanitatny zhurnal [Baltic Humanitarian Journal], 2018. T. 7. № 4 (25), pp. 201–206. (In Russ.)
- Zhatkin D.N. K istorii izuchenija tvorchestva Alfreda Tennysona v Rossii. Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh i gumanitarnyh issledovanij [International Journal of Applied and Fundamental Research]. 2015. № 8 (4), pp. 780–783. (In Russ.)
- 7. Maykov A.N. Dve sud'by (byl') [Two Fates: The Real Story] Sochinenija v 2 t. [Collected Works. V. 1–2] M.: Pravda Publ., 1984. V. 2, pp. 356–405. (In Russ.)
- 8. Mihal'skaja N.P. Obraz Rossii v anglijskoj hudozhestvennoj literature IX–XIX vv. [The Image of Russia in English Literature of the IX–XIX Centuries] M.: MPGU, 1995. (In Russ.)
- 9. Novikova N.K. Cikl monologov Roberta Browninga "Kol'co i kniga": zhanrovoe svoeobrazie i filosofija tvorchestva. [Robert Browning's 'The Ring and the Book': Questions of Genre and Philosophy of Poetic Composition] Vestnik Moskovskogo Universiteta. 9. Philology. 2018. № 3, pp. 101–115. (In Russ.)
- 10. Polonsky Ya.P. Stihotvorenija [Poems]. L.: Sovetskij Pisatel' Publ., 1954. (In Russ.)
- Sluchevsky K.K. Stihotvorenija i pojemy [Collected Poems]. M., L.: Sovetskij Pisatel' Publ., 1962. (In Russ.)
- 12. Cvetkova M.V. Zhanr i nacional'naja mental'nost'. Anglijskaja i russkaja rolevaja lirika [Genre and National Mentality. English and Russian Role Lyrics] Problemy perevoda, linguistiki i literatury [The Problems of Translation, Linguistics and Literature]. V. 1–2. V. 2. (15). N. Novgorod: NGLU, 2012, pp. 223–228. (In Russ.)
- 13. Chernin V.K., Zhatkin D.N. "Russkaja tema" v literaturnom tvorchestve Alfreda Tennysona v kontekste russko-anglijskih obshhestvennyh i literaturnyh svjazej XIX v. [Russian Theme in A. Tennyson 's Works in the Context of the XIXth Century Russian-English Social and Literary Connections]. Gumanitarnye nauki (Filologija) [Humanitarian Sciences (Philology)]. 2010, № 2 (14), pp. 58–69. (In Russ.)
- 14. Bergman D. Browning's Monologues and the Development of the Soul. ELH. Vol. 47, No. 4 (Winter, 1980). The Johns Hopkins UP, pp. 772–787.
- 15. Browning R. Poetical Works, 1833-1864. Ed. by Ian Jack. Oxford: Oxford UP, 1970.
- 16. Browning R. The Works. Intr. by Tim Cook. Ware (Herts.): Wordsworth, 1994.
- 17. A Glossary of Literary Terms, 7th ed. Ed. by M.H. Abrams. Boston (MA): Heinle & Heinle (Thomson), 1999.
- 18. Ivan Turgenev and Britain. Ed. by Patrick H. Waddington. Anglo-Russian Affinities. Series. Oxford, Providence (RI): Berg, 1995.
- 19. Waddington P.H. Browning and Russia. Baylor Browning Interests. 28 (October 1986), pp. 37–52.

20. Waddington P.H. From the Russian Fugitive to the Ballad of Bulgaria: Episodes in English Literary Attitudes to Russia from Wordsworth to Swinburne. Oxford, Providence (RI): Berg, 1994.

Поступила в редакцию 25.08.2022 Принята к публикации 30.08.2022 Отредактирована 21.09.2022

> Received 25.08.2022 Accepted 30.08.2022 Revised 21.09.2022

ОБ АВТОРЕ

Зиновьева Александра Юрьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; sasha.zinovieva@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Alexandra Zinovieva — PhD, Associate Professor, Department of Foreign Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; sasha.zinovieva@gmail.com

ТИПОЛОГИЯ РУССКОЙ МАГИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ 1900-х — 1940-х годов

Е.С. Апалькова, Н.М. Солнцева

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; liza_apalkova@mail.ru; natashasolnceva@yandex.ru

Аннотация: В статье представлена типология русской магической прозы ХХ в., преимущественно повестей и рассказов. Широкое толкование термина побуждает рассматривать магическую прозу в соотношении с фантастикой и мистической прозой, где в основу сюжетов также положены иррациональные причинно-следственные отношения персонажей, события с вмешательством трансцендентных сил. Магия, играющая важную роль в фольклоре, становится источником литературных сюжетов. Отмечена роль мифа в формировании модернистской природы магической прозы. В произведениях разных авторов выявлена вариативность фактора чуда. При этом чудесное как определяющий элемент мифопоэтики магической прозы не требует логических, научных, психологических объяснений. В повествовательной стратегии приоритетно само сверхъестественное, меньше места отведено специфике его восприятия. Сделан вывод о том, что для человека ХХ в. магическое выполняет функцию экзистенциала — модуса сознания, обращенного к бытию, реагирующего на него и определяющего особенность присутствия человека в нем. К типологическим чертам магической прозы относится отсутствие четкой границы между миром реальным и сверхъестественным. Синтез магического и реального – характерная черта подобных произведений. Установлено, что модификация фабулы определяется ролью и типом героя-мага, который выступает либо как помощник, либо как демонический герой. Ход событий задан мотивами и образами не столько сакрального, сколько тонкого мира в целом. Индивидуальная мотивация обращения к сверхъестественным явлениям у писателей различна, но общая цель использования магического едина — проникнуть в тайные пласты бытия. В магической прозе находит отражение спиритический и оккультный опыт. Проанализированы произведения с псевдомагическими сюжетами, обозначены средства их создания.

Ключевые слова: магическая проза; магический реализм; магия; мистика; псевдомагическое; фантастика

Для цитирования: Апалькова Е.С., Солнцева Н.М. Типология русской магической прозы 1900-х — 1940-х годов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 5. С. 122–134.

TYPOLOGY OF THE RUSSIAN MAGIC PROSE: A STUDY INTO SHORT STORIES AND NOVELLAS FROM THE 1900s – 1940s

Elizateta Apalkova, Natalia Solntseva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; liza_apalkova@mail.ru; natashasolnceva@yandex.ru

Abstract: Drawing upon novellas and short stories with pseudo-magical plots, the article offers a typology of the 20th-century magic prose and shows how such plots are created. Discussing the salient features of 'fantasy', 'mysticism', and 'magic', the article stresses that magic, which plays an important part in folklore, becomes a source of literary plots, and myth helps to form the modernist nature of magic prose. The miraculous as a defining element of the mythopoetics of magic prose does not require logical, scientific, and/or psychological explanations that there is no clear boundary between the real world and a supernatural world, to say nothing of the fact that the concept of miracle varies from author to author. Magic prose reflects spiritualistic and occult experiences. In magical plots, the supernatural per se is a priority, and not the description of how the characters react to it. The synthesis of the magical and the real is a distinctive feature of such plots. It has been established that the modification of the plot is determined by the role and type of the hero-magician. The course of events is set by motives and images not only of the sacred, but also of the subtle world. Different writers have different motivations for turning to supernatural phenomena, but generally, they tend to use magic in order to penetrate into the secret layers of being.

Key words: magical prose; magical realism; magic; mystic; pseudo-magical; fantasy

For citation: Apalkova E.S., Solntseva N.M. (2022) Typology of magic prose: A study into short stories and novellas from 1900s — 1940s. *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*, no. 5, pp. 122–134.

Термин «магическая проза» — собирательный, идентифицирующий произведения нереалистической прозы со специфичной типологией. В современном литературоведении к магической прозе относят произведения магического реализма, фэнтези и в целом прозу с элементами ирреального. Такое широкое толкование побуждает рассматривать магическую прозу в соотношении с фантастикой и мистикой, в основу сюжетов которых также положены иррациональные причинно-следственные отношения персонажей, события с вмешательством трансцендентных сил.

Магическая проза в соотношении с фантастикой и мистикой

Представляется важным дифференцировать понятия «фантастическое» и «магическое», а также «мистическое» и «магическое».

С. Шаршун в статье «Магический реализм» («Числа». 1932. № 6), назвав родоначальником магического реализма Гоголя, не различал понятия мистического и магического, что имеет свои основания, поскольку их объединяет семантика дуального бытия и сверхъестественного мира. Он полагал, что целью магического реализма является поиск необычного и фантастического в окружающем мире. Широкое толкование метода позволило Шаршуну отнести к магическим реалистам А. Блока, Д. Мережковского, А. Ремизова, Ф. Сологуба и др.

Отметим, что магическая проза 1920-х годов создавалась в контексте литературной фантастики. Перспективным для литературы мистического и магического направления было многообразие в фантастике изобразительных элементов, вводящих в повествование мотивы и образы, маркирующие нежизнеподобное, невозможное, эфемерное; через изображение нереального открывались потенциальные возможности обыденного мира. Однако, несмотря на это, фантастика и магия существенно отличаются.

Фантастические элементы повествования — универсальный прием реалистических и модернистских произведений разных жанров. Как отмечает Е.Б. Скороспелова («Русская проза XX века: от А. Белого ("Петербург") до Б. Пастернака ("Доктор Живаго")», 2003), через обращение к фантастике показана неисчерпаемость реального мира, в котором возможно появление сверхъестественного и чудесного. Фантастика, как правило, связана с художественным вымыслом, обращенным к будущему (например, к научно-техническому прогрессу) или к существованию иных миров.

Вместе с тем в фантастических и магических сюжетах отношение к чудесному происшествию или явлению различно. Ц. Тодоров («Введение в фантастическую литературу», 1999) приходит к выводу о том, что в фантастических произведениях необычайные события могут интерпретироваться по-разному: одни герои уверены в их достоверности, другие — в неправдоподобии. В сознании персонажей необычайные происшествия обретают либо статус реальности (иллюзия, галлюцинация, безумие и др.), либо статус мистического или магического (событие разворачивается в плоскости чудесного). Кроме того, зачастую дается психологическая мотивировка сюжета (тайна, сон и др.). В магической прозе нет необходимости в подобной мотивировке чудесного. В произведениях А. Грина, И. Лукаша, Б. Юльского и других авторов магических повестей и рассказов даны лишь попытки объяснить необъяснимое логически. Такие произведения содержат фантастические элементы, но не встраиваются в парадигму фантастики как жанра, в них (воспользуемся определением Ц. Тодорова) проявляется специфика «соседних» жанров.

В фантастических сюжетах значимо описание чувств персонажей, их реакций (прежде всего страха) при столкновении с необычайным. В магических сюжетах приоритетно само сверхъестественное, тогда как реакция персонажей минимизирована. В большинстве произведений, прежде всего магического реализма, герой воспринимает чудесное как само собой разумеющееся, не вызывающее сомнений, колебаний, страха. Но отметим, что в других видах магической прозы (например, в рассказах Грина) встречается рефлексия персонажа, связанная с чувством опасности при встрече с необъяснимым.

Еще одна важная характеристика фантастики — четкая граница между реальным и сверхъестественным. Их отношения определяются как антитеза, что принципиально отлично от сосуществования этих миров и при условии отсутствия границы между ними в магической прозе. Кардинальная перемена миров в результате события проявляется в фантастике, тогда как в магической прозе событие подтверждает их единство. Как правило, в произведениях магического содержания фантастическим событиям «необходима реалистическая экспозиция, которая своей феноменальностью и обыденностью обеспечила бы почву для сомнений» [Биякаева, 2017: 22] в альтернативности реального и сверхъестественного. Кроме того, во многих фантастических произведениях разворачивается художественная футурология, что не находит отражения в магической прозе.

Для формирования магической прозы первых десятилетий XX в. был важен опыт романтической фантастической повести, в которой сформировались традиционные сюжеты. С одной стороны, сверхъестественное в магической прозе XX в. — элемент сюжета, но подлинная цель повествования — выявить специфику реального мира. С другой стороны, в магической прозе предполагается некая онтологическая идея, сближающая ее с эстетикой романтизма, в основу которой положена философема (например, в романе В.Ф. Одоевского «Русские ночи», 1844), что сближает литературу с философией; кроме того, очевидна «подлинная синергия этих двух составляющих русской культуры» [Тахо-Годи, 2012: 12]. Отметим, что наиболее близка магическому реализму литература фэнтези, которая стала «прямой наследницей мистической и волшебной фантастики XIX столетия» [Ковтун, 2016: 120].

Различение понятий «мистика» и «магия» представляет определенные сложности, так как они в научном и общем лексиконе часто выступают как взаимозаменяемые. Соотношение мистики с практиками, взаимодействующими с потусторонними силами, сближает ее с магией. Однако под мистикой также понимаются религиозные обряды, теософские движения, философские и теологические док-

трины. К ней также относят спиритический и оккультный опыт, который, строго говоря, характерен именно для магических практик. Мистические и магические сюжеты сближает интерес к трансцендентному, ирреальное в них не объясняется естественными науками, но оно отражает, с точки зрения автора произведения, истинную сущность бытия. Вместе с тем существуют принципиальные различия между мистическим и магическим содержанием художественной прозы.

Во-первых, их отличает разный уровень познания мира. В магических произведениях принципиален личный опыт персонажа и его дар проникать в тонкий мир, закрытый для других, или же в центре повествования находится герой, который подвержен влиянию сверхъестественных сил и ведом ими. Он черпает силы для влияния на ход событий в реальном мире из сверхъестественного. Мистика же представляет собой особый род религиозно-философской познавательной деятельности, целью которой является переживание непосредственного единения с высшей силой — Богом, ангелами, святыми, что происходит, например, с преподобным Сергием (Б. Зайцев «Преподобный Сергий Радонежский», 1925). Через такое единение открывается подлинное знание о жизни. Рассказ И. Шмелева «Куликово Поле» (1947) — пример мистической прозы. В нем описано появление в Загорске 1920-х гг. преподобного Сергия Радонежского; по ходу повествования рассеиваются сомнения интеллигентов-аналитиков в свершившемся чуде; они, получив убедительный религиозный опыт, получают и надежду на заступничество преподобного. Мистическое начало определяет содержание жанра сна в творчестве Н. Клюева. Это мотив освященного Небом блаженного мира, помощь от Господа, Богородицы, иконы Тихвинской Божией Матери, архангела Михаила, мученицы Февронии. Например, в «Первом сне» (1931–1932) описано отплытие святых, праведников от родного берега, в России остается только Богородица и умершая матушка Клюева, образ которой в его поэзии связан с образом Богородицы. В жанре снов Ремизова («Мартын Задека. Сонник», 1954) преобладают магические ситуации: из алого пространства на него смотрят заячьими ушами глаза («Зеленая заря»); Блок обращается в лягушку и ныряет во мглу («Альбом») и т.п.

Проявление мистики в реальных ситуациях подтверждает существование истинного, высшего мира, который является подлинным и реальным, как утверждал Н.А. Бердяев («Декадентство и мистический реализм», 1907). Произведения с участием инфернальных сущностей и в целом героев с демонической природой, как правило, относятся к магической прозе (например, произведения М. Булгакова, А. Грина, С. Клычкова, И. Лукаша, А. Соболя и др.).

Во-вторых, в мистической прозе горний и дольний миры не едины, хотя посюстороннее существование героев корректируется высшей (сакральной) силой. В магической прозе ход событий определяется мотивами и образами из тонкого мира, гораздо реже — из сакрального. Проводниками тонкого мира, как правило, выступают наделенные сверхспособностями люди или природа. А. Лосев (беседа-воспоминание «Термин "магия" в понимании П.А. Флоренского», <1982>), опираясь на работу П. Флоренского «Магичность слова» (<1920>), соотнес понятие «магия» с духовным общением человека с живой природой. Отметим, что и в магических, и в мистических сюжетах человек соотнесен с высшей волей, но само понятие «высшая воля» в одном случае коррелирует с понятиями «маг», «оккультизм», «волшебство», «колдовство», «чернокнижник», «волхв», «жрец» и проч., в другом — с представлениями о сакральном.

Типология магической прозы

В основе магической прозы лежит представление о магии как о сложном и неоднозначном элементе в системе мировоззрения, обладающем творческим потенциалом. Специалисты, как правило, уделяют внимание ее практической (ритуально-обрядовой) стороне и рассматривают магию в контексте религии, философии. Основой для исследований служат работы Г. Спенсера, Э. Тайлора, Дж. Фрэзера, Б. Малиновского, С. Токарева, К. Леви-Стросса и др. Имитативный (Фрэзер предпочитает определение «гомеопатический») и контагиозный виды магии дают литературе сюжетные модели. Первому виду соответствуют сюжеты о подобии (по сходству) магической вещи и жертвы магии, второму созвучна связь (по смежности) задействованных в сюжетах предметов.

Согласно точке зрения популярного в Российской империи Папюса, магия — это практическая наука. Такое понимание магии соотносится с повествовательной темпоральностью, динамичностью сюжетов, поведенческой спецификой персонажей. Кроме того, Папюс имел в виду применение воли человека для воздействия на Природу, которая представляет собой «таинственный язык» [Папюс, 2022: 19], в большей степени понятный поэтам. При этом словесное сопровождение ритуальных действий наделялось сакральным смыслом, который сохранялся в слове, произносимом вне ритуала (особенно в заговорах). Кроме поэтов, медиумами, как считал Папюс, являются женщины. Отметим, что в магических сюжетах достаточно женских персонажей, усложняющих или разрешающих интригу. Так, важную роль они играют в повестях А. Чаянова («Парикмахерская кукла, или Последняя любовь московского архитектора М.», 1918; «Юлия, или Встречи под Новодевичьим», 1928 и др.), рассказах П. Муратова («Новый год», 1922; «Богиня», 1922; «Мери», 1928; «Император», 1928 и др.), рассказах Б. Юльского («Возвращение г-жи Цай», 1937; «Бородатый валет», 1938; «След лисицы», 1939 и др.), романе С. Клычкова («Чертухинский балакирь», 1926) и др.

Для магической прозы характерно обращение к фольклору. Как в фольклоре, тонкий мир в ней — естественная данность, между сверхъестественным и естественным не ощущается четкой границы. По такому принципу создавали сюжеты Б. Садовской («Леший», 1906), А. Кондратьев («Белый козёл», 1908; «Улыбка Ашеры», 1911; роман «На берегах Ярыни», 1930), Л. Леонов («Епиха», 1919; «Бурыга», 1923), Н. Карпов («Колдунья», 1912), А. Куприн («Серебряный волк», 1901; «Ночная фиалка», 1933), А. Грин («Словоохотливый домовой», 1923), С. Минцлов («Нежить», 1926) и др. В литературе, в отличие от обрядового фольклора, магия выступает как авторская или персонажная инициатива.

Магическая проза стремится проникнуть в непознанные (часто тайные) пласты бытия. При этом чудесное описывается как таковое. В рассказе Г. Иванова «Четвертое измерение» (<1929>) ирреальное срослось с реальным, героям открыт тонкий мир, интегрированный в повседневную действительность. В соседней абсолютно нежилой комнате рассказчик слышит женский плач, скрип кровати, шаги. Эти странные явления получают объяснение хозяина: это плач горничной, которая отравилась пятьдесят три года назад; при этом и рассказчик, и хозяин не выказывают удивления. В подобных историях нет нужды в убедительных научных или психологических объяснениях. В авторской позиции может обнаружиться большая доля скепсиса по отношению к познавательно-оценочным возможностям человека. Так, в рассказе С. Кржижановского «Собиратель щелей» (1922) герой-рассказчик бессознательно, вне аналитики стремится описать тайны бытия, в то время как философ-математик Лёвеникс логически объясняет те же тайны бытия, но грешит неубедительностью обобщений. Частотна в магической прозе поэтика недоговоренности. Н. Карпов в рассказе «Волшебное зеркало» (1912) оставляет непроясненным вопрос: увиденное в зеркале — реальность или плод одурманенного сознания? В рассказе Садовского «Муха» (1912) события происходят на грани сна и реальности, при этом автор также не уточняет, было ли описанное в действительности или во сне.

В магических сюжетах активны различные мотивации — страсти, интеллект, заблуждения, приключения, желания (включая агрессию) героя, сочувствие мага и, напротив, его индифферентность по отношению к герою, а также магический потенциал некой вещи. Но круг магических предметов или явлений ограничен: зеркало (Н. Кар-

пов «Волшебное зеркало»; П. Муратов «Венецианское зеркало», 1922; А. Чаянов «Венецианское зеркало, или Диковинные похождения стеклянного человека», 1923), карты (А. Чаянов «Венедиктов, или Достопамятные события жизни моей», 1922; «Необычайные, но истинные приключения графа Федора Михайловича Бутурлина», 1924; А. Грин «Клубный арап», 1918; «Гениальный игрок», 1923; «Серый автомобиль», 1923; Б. Юльский «Бубновый валет», 1933; И. Лукаш «Карта Германна», 1922; «Штосс», 1932), музыка (П. Муратов «Августеум», 1928; С. Кржижановский. «Смерть эльфа», 1938), кукла (А. Чаянов «История парикмахерской куклы, или Последняя любовь архитектора М.», 1918; А. Грин «Серый автомобиль»; И. Лукаш «Граф Калиостро», 1925; С. Минцлов «Мистические вечера», 1931; Б. Юльский «Бородатый валет») и др. На контрасте с другими героями персонаж-маг статичен. Стоит отметить, что круг магов иерархичен: от наделенного чудодейственной силой героя (героини) до эльфа, лесной нежити, оборотней, инфернальных существ и т.д. Место персонажа-мага определяется его возможностями и уровнем знаний о тайнах бытия.

Типичный вариант фабулы — влияние персонажа-мага или аналогичного ему существа иного мира на ход событий и сознание героя. Частотный мотив — предрасположенность или податливость подсознания, психики, телесной природы героя магическому воздействию (иногда им не угаданному). Вариативность магических сюжетов определяется типом мага — магом-помощником или магом-дьяволом. Первый тип предоставляет герою некие средства, инструменты (вещи) как для познания и коррекции бытия, так и для проявления самости («бытие-с-миром»). Им дана возможность «заботы» и ответственность за нее («бытие-с-другими»), что создает интригу, поскольку «забота» мага снимает «заботу с других» и ставит мага на место другого, но при этом есть опасность быть выброшенным «со своего места» (Хайдеггер М. Бытие и время, 1927). Обозначенная экзистенциальная опасность, подстерегающая мага, — тема рассказа С. Кржижановского «Смерть эльфа», в котором сверхъестественное существо — эльф, проявивший заботу о музыке виолончелиста Фридриха Флюэхтена, — погибает. Движущей силой сюжета может быть разрушительная магия. Так, в рассказе Н.С. Гумилева «Скрипка Страдивариуса» (1908) представлено противоположное решение отношений человека и сверхъестественной силы: маг-дьявол искушает впавшего в кощунство скрипача звучанием дьявольской скрипки, что приводит того к сумасшествию.

Основополагающая категория магической прозы — миф, определяющий ее модернистскую природу. Важную роль он играет в поэтике символистов, которые реальный мир строят по законам

искусства, для них «жизнь и творчество — одно, им свойственно проживание текста в реальной действительности» [Королева, 2012: 276]. Однако для авторов магической прозы мир не сводится к «творимой легенде», он самоценен как реальность, включающая сверхъестественное. Их произведениям ближе мифологизм постсимволизма, цель которого — обнаружить в конкретно-исторической ситуации присутствие вневременного, архетипического, но актуального, психологически и исторически убедительного, что достигается обновлением мифа. Так, магическая проза может создаваться классическим мифом — доминатором сюжета (Ф. Зелинский «Аттические сказки», 1921); она может представлять собой авторский миф, основанный на традиционных мифах (А. Чаянов «История парикмахерская кукла, или Последняя любовь архитектора М.»); продуктивны вариации мифа, обращенного к прежним векам (П. Муратов «Виргилий в корзине», 1922).

Синтез чудесного и достоверного — свойство магической прозы. Однако их соотношение может быть разным. Если в повествовании неправдоподобное занимает доминирующее место, то узнаваемой реальности отведено место, значимое для описания картины мира. Если магические мотивы, срастаясь с изображением узнаваемой (порой повседневной) реальности, даны эпизодически, то композиционно ее описание не ущемлено описанием сверхреальности, но играет решающую роль в финале рассказа. В очерке Г. Иванова «Магический опыт» (1932) большая часть повествования посвящена биографии В. Шилейко. Первая часть эпизода об участии Иванова и Шилейко в проводимом столяром-магом магическом действии окрашена сарказмом, однако финальный эпизод говорит о признании героями подлинности открывшегося им чуда.

Один из путей освоения магического — магический реализм. В его основе — неразделимость повседневного и чудесного в сознании героя. В повествовании необычайное появляется естественно, зачастую как реальность более вещественная и ощутимая, чем привычная; чудесное не объясняется рационально, но доверчиво принимается персонажем. Магический реализм опирается на народномифологические представления: «осознание своей "инаковости", в том числе с точки зрения "национального кода" (а не только в плане отношения к современной цивилизации), — принципиальная установка создателей "магической" литературы» [Кольцова, 2009: 135]. В русской литературе к магическому реализму прежде всего относят романы Клычкова «Сахарный немец» (1925), «Чертухинский балакирь» (1926), «Князь мира» (1928).

Чудо — нарративный признак магической прозы. Чудесное занимает более сильную позицию, чем достоверное. Однако чудо в

магической прозе не однотипно. В прозе Чаянова и Грина оно ориентировано на романтическую традицию. При этом в художественном мире Грина чудо органично входит в реальность, поэтика чуда соотнесена с верой в духовный и психологический потенциал личности. Чудо в произведениях Чаянова отмечено иной спецификой, оно связано с вторжением демонических сил в реальность. Магические события нарушают привычное течение жизни, вносят в нее дисгармонию, они враждебны человеку. В рассказах Муратова описано магическое, связанное не с внешней (иногда враждебной) фантасмагорической силой, а с некой недоговоренностью и обращением к древностям (в том числе мифу и легенде); чудесное случается благодаря усилиям героев. Приоритетно в таких сюжетах не столько чудо, сколько отношение к нему.

Однако индивидуальная мотивация обращения к сверхъестественным явлениям различна. Если в прозе Клычкова обнаруживаются рецепция и переосмысление мотивов волшебной сказки, то магические сюжеты Чаянова и Грина обнаруживают загадки подсознания личности и не соотносятся с жанром сказки; магическое более используется как инструмент для построения сюжета и характера. В рассказах Муратова главенствует принцип эстетического восприятия европейской традиции. В прозе Лукаша магическое интегрировано в русскую историю и соотносится с общественной мыслью. Кржижановский соотносит магический образ с природой творческого акта. Однако если цель мистики — постичь инобытие, то цель магической прозы — постичь бытие.

Поэтика чуда определяет близость магических повестей и рассказов с жанрами приключенческой прозы. Есть основания выделить в магическом нарративе тексты, в которых сюжетообразующую роль играют гротеск, фантасмагория. Это произведения Кржижановского («Мухослон», 1920; «Квадрат Пегаса», 1921; «Проигранный игрок», 1921; «Чуть-чути», 1922; «Жизнеописание одной мысли», 1922; «Сбежавшие пальцы», 1922; «Старик и море», 1922; «Автобиография трупа», 1925; «Клуб убийц букв», 1926; «Квадратурин», 1926; «Смерь эльфа», 1938 и др.), а также «Двойник» (1915) Садовского, «Черт» (1933) Юльского, «Невский проспект» (1918) Лукаша, «Портрет» (1912) А.Н. Толстого и др.

Псевдомагические сюжеты

В литературе первых десятилетий XX в. свою нишу заняли псевдомагические сюжеты. Одним из способов создания квазимагической реальности было описание погружения героя в сферу онейрического как симулякра сверхъестественного. При этом магическим средством может выступать наркотик. Например, старый доктор в

рассказе Гумилева «Путешествие в страну эфира» (1914) свидетельствует о том, как некая дама под действием хлороформирования «видела поистине удивительные вещи», как и опиоманы. Подобные явления, в отличие от магических ситуаций, объясняются наукой.

Другой вариант — обращение к сюжету о фокуснике. Показателен рассказ Грина «Происшествие в улице Пса» (1910), в котором магические способности снижены до умения иллюзиониста. Герой, прогуливаясь по обычной улице обычного города, на глазах трактирщика превращает водку в воду; в хлебопекарне ему взвешивают переполнившие чашу весов сухари, однако их вес не превышает фунтовой гири; у уличной продавщицы он покупает яйцо, из которого вытаскивает золотую монету. Наконец, он, переживающий фиаско в любви, подносит к виску дуло пистолета, нажимает на спуск и погибает. Для толпы из одаренного магическими возможностями человека он превращается в шарлатана. В рассказе С. Заяицкого «Любопытные сюжетцы» (1927) история с воскресшим сыном оказывается розыгрышем артиста. Поведение героев, обусловленное склонностью к наркотикам или мастерством фокусника, не отмечено авторским критицизмом.

В сюжетах о спиритах и иных вульгаризациях магического выражен сатирический пафос. Герои очерка Г. Иванова «Спириты» (1930) менее всего верят в визиты духов, сеансы сменяются обедами, участники склонны к самоиронии; пародийно описаны спиритические сеансы в рассказах А. Измайлова («Как я играл в бирюльки с дьяволом», 1915), Л. Леонова («Сонная явь», 1918). Рассказ Заяицкого «Человек без площади» (1927) трагикомичен: в квартире финансового инспектора проходит спиритический сеанс, в результате которого материализуется дух Генриха Четвертого. Произошедшее представлено аферой: якобы французский король, любовник жены фининспектора, уплотнил хозяина, которого вынуждают прописать незваного гостя, освободить городскую жилплощадь и поселиться на даче. Сюжеты рассказов Грина и Заяицкого сближает мотив симулякра — подмены магии: в первом случае за счет восприятия мастерства как сверхъестественного дара, во втором — за счет обмана, недобросовестной манипуляции. В обоих текстах значима ситуация безответной любви и смерти; в композиции использован принцип несоответствия причины и следствия.

Кроме того, магические происшествия могут иметь двойную мотивировку за счет введения мотива болезни или сумасшествия (А. Грин. «Серый автомобиль», 1925; П. Муратов. «Августеум», 1928). В очерке М. Первухина «Из мира таинственного» (1924) объяснение сверхъестественных явлений вложено в уста людей с расстроенным сознанием; в рассказе Н. Вавулина «В мире призраков» (1918) дей-

ствие происходит в сумасшедшем доме, все видения принадлежат больным. Часто в повествовании встречаются ирония или снижение образа демонического героя (А. Чаянов. «Венедиктов, или Достопамятные события жизни моей»; «Необычайные, но истинные приключения графа Федора Михайловича Бутурлина»; П. Муратов. «Посланник», 1928) или известного сюжета (А. Куприн. «Звезда Соломона», 1917).

Стремление разрушить традиционные каноны может проявляться также в смешении жанров. Так, Садовской в рассказе «Двойник» (1915) использует фантастический сюжет о перемещении героя во времени, но привлекает элементы анекдота, тем самым «разрушается представление о способе путешествия во времени, совершаемого в фантастике, как правило, с помощью специального технического устройства» [Кривонос, 2021: 153–154]. Герой путешествует благодаря незнакомке по имени Время.

Итак, магическая проза утверждается в литературе XX в. и существует наряду с фантастической и мистической. Однако значимые отличия позволяют определить типологию магических сюжетов, рассмотреть варианты их реализации. Для человека XX в. магическое выполняет функцию экзистенциала — модуса сознания, обращенного к бытию, реагирующего на него и определяющего особенность присутствия человека в нем. Включенные в магические ситуации персонажи — индивидуальности. Им не свойственно обезличивание, что созвучно этике творческой интеллигенции, интеллектуалов 1900-х — 1920-х годов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. *Биякаева А.В.* Роман М. Петросян «Дом, в котором...» в контексте магической прозы: Дисс. ... канд. филол. наук. Омск, 2017.
- Ковтун Е. Н. Мир будущего в современной научной фантастике: специфика художественной модели // Проблемы исторической поэтики. 2016. № 4. С. 118– 135.
- 3. Кольцова Н.З. К вопросу о магическом реализме в отечественной литературе XX-XXI веков // От Чехова до Бродского: Эстетические и философские аспекты русской литературы XX века: К 90-летию Лидии Андреевны Колобаевой / Сост. Е.А. Коршунова. М., 2019. С. 133-149.
- 4. *Королева В.В.* «Гофмановский текст русской литературы» в творчестве русских символистов // Вестн. Томск. гос. ун-та. Филология. 2021. № 71. С. 270–281.
- 5. *Кривонос В.Ш.* Анекдот и фантастика в рассказе «Двойник» Бориса Садовского // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2021. № 4. С. 152–161.
- 6. Папюс. Практическая магия. Ростов н/Д., 2022.
- 7. *Тахо-Годи Е.А.* Русская литература и философия: проблемы изучения и предварительные итоги // Studia Litterarum. 2021. № 4. С. 10–41.

REFERENCES

- 1. Bijakaeva A.V. Roman M. Petrosjan "Dom, v kotorom..." v kontekste magicheskoj prozy [The Novel 'The House Where ...' by M. Petrosjan]: Diss. ... kand. filol. nauk [PhD Thesis in Philology]. Omsk, 2017.
- 2. Kovtun E.N. Mir budushhego v sovremennoj nauchnoj fantastike: specifika hudozhestvennoj modeli. [The World of Future in Contemporary Sci-Fi: Specifics of the Literary Model] *Problemy istoricheskoj pojetiki.* 2016. № 4, pp. 118–135.
- 3. Koltsova N.Z. K voprosu o magicheskom realizme v otechestvennoj literature XX-XXI vekov [Magical Realism in 20th–21st-century Russian Literature]. *Ot Chehova do Brodskogo: Jesteticheskie i filosofskie aspekty russkoj literatury XX veka*. M., 2019, pp. 133–149.
- Koroleva V.V. "Gofmanovskij tekst russkoj literatury" v tvorchestve russkih simvolistov. [Hoffmann Text of the Russian Literature] Vestn. Tomskogo gosudarstvennogo un-ta. Filologija. 2021. № 71, pp. 270–281.
- Krivonos V.Sh. Anekdot i fantastika v rasskaze "Dvojnik" Borisa Sadovskogo. [Fantasy and Quasi-fantasy in Boris Sadovsky's story 'Dvojnik'] Vestn. Mosk. un-ta. 2021.
   Ser. 9. Filologija. № 4, pp. 152–161.
- 6. Papjus. Prakticheskaja magija [Applied Magic]. Rostov-na-Donu, AST, 2022, 640 p.
- 7. Taho-Godi E.A. Russkaja literatura i filosofija: problemy izuchenija i predvaritel'nye itogi. [Russian Literature and Philosophy: Problems, Challenges, and Preliminary Results] *Studia Litterarum.* 2021. № 4, pp. 10–41.

Поступила в редакцию 04.03.2022 Принята к публикации 30.08.2022 Отредактирована 22.09.2022

> Received 04.03.2022 Accepted 30.08.2022 Revised 22.09.2022

ОБ АВТОРАХ

Апалькова Елизавета Сергеевна — аспирант кафедры новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; liza_apalkova@mail.ru

Солнцева Наталья Михайловна — доктор филологических наук, профессор кафедры новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; natashasolnceva@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Elizaveta Apalkova — PhD Student, Department oh the History of Contemporary Literature and Modern Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; liza_apalkova@mail.ru

 $\label{lem:natalia} {\it Natalia Solntseva} - {\it Prof.} \ Dr., Department of the History of Contemporary Literature and Modern Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; natashasolnceva@yandex.ru$

КАТЕГОРИЯ ПРЕКРАСНОГО В ФИЛОСОФСКИХ СКАЗКАХ Г.М. ЦЫФЕРОВА

В.В. Домашнева

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; dom.ver@mail.ru

Аннотация: Данная статья посвящена исследованию концепции прекрасного, представленной в философских сказках Г.М. Цыферова. Обращение к мотивному и стилистическому анализу позволяет определить красоту как неотъемлемую составляющую данного художественного мира, воплощающую в материальной форме идеальное начало. Выявляется двойственная природа прекрасного, заключающаяся в одновременной хрупкости, обуславливающейся изменчивостью окружающего мира, естественным несовершенством восприятия и нестабильностью внутреннего состояния индивида, и нетленности, поддерживаемой беспрерывным повторением мгновений красоты и лежащими в их основе вечными ценностями. Эти качества раскрывают процесс созерцания природы как лучший способ запечатления прекрасного в сознании субъекта, представляющий ему возможность рефлексии о мире и самом себе, восстанавливающую связь индивида с бытием. Этим утверждается и изначально свойственный каждому предмету и явлению эстетический потенциал, раскрываемый с помощью обращения к особому типу героя, стремящегося жить по законам красоты: отстраненный от суеты и практически полезной деятельности, герой-чудак отзывается на изменения окружающего мира и интуитивно выявляет их бытийную значимость. Отдельно отмечается, что в произведениях Цыферова красота обретает также статус этической категории, что, в частности, подтверждается мыслью писателя о нравственной природе искусства и моральной ответственности творца, целью которого должно быть стремление воплотить в произведении заветы добра и истины. Делается вывод, что такое понимание прекрасного и восприятие мира как эстетического феномена обуславливают главный для мировоззрения Цыферова принцип универсализма, основывающийся на скрытом сходстве и родстве всех составляющих мироздания, объединенных в гармоничном единстве, и актуализирующий законы красоты для всех сфер бытия мира и человека.

Ключевые слова: философская сказка; русская детская литература; Г.М. Цыферов; категория прекрасного

Для цитирования: Домашнева В.В. Категория прекрасного в философских сказках Г.М. Цыферова // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2022. № 5. С. 135–144.

THE CATEGORY OF BEAUTY IN G.M. TSYFEROV'S PHILOSOPHICAL FAIRY TALES

Veronika Domashneva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; dom.ver@mail.ru

Abstract: This article is devoted to the study of the concept of beauty, presented in the philosophical fairy tales of G.M. Tsyferov. Motif and stylistic analysis of his works define beauty as an integral part of Tsyferov's artistic world, embodying the ideal principle in material form. The dual nature of beauty lies in the combination of its fragility (caused by the variability of the surrounding world, the natural imperfection of individual's perception and the instability of their internal state) and incorruptibility (supported by the continuous repetition of moments of beauty and the eternal values underlying them). These qualities reveal the process of contemplating nature as the best way to capture the beautiful in the person's mind, providing them with the opportunity to reflect on the world and themselves, restoring the connection of the individual with being. This also affirms the aesthetic potential inherent in every object and phenomenon, revealed by appealing to a special type of character who strives to live according to the laws of beauty: detached from the hustle and bustle and practically useful activity, the eccentric person responds to changes in the surrounding world and intuitively reveals their existential significance. Furthermore, in Tsyferov's fairy tales beauty also acquires the status of an ethical category, which is confirmed by the writer's thought about the moral nature of art and the ethical responsibility of the creator, whose goal should be to embody the precepts of goodness and truth in their work. It is concluded that such an understanding of beauty and the perception of the world as an aesthetic phenomenon determine the idea of universalism as the main principle of Tsyferov's worldview and actualize the laws of beauty for all spheres of being.

Key words: philosophical fairy tale; Russian literature for children; G.M. Tsyferov; category of beauty

For citation: Domashneva V.V. (2022) The category of beauty in G.M. Tsyferov's philosophical fairy tales. *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*, no. 5, pp. 135–144.

Философская сказка — это одна из разновидностей жанра литературной сказки, направленная на постижение бытийной проблематики через обращение к синтезу фантастического и реалистического [Овчинникова, 2001]. Одним из важнейших является вопрос понимания и восприятия прекрасного — главного признака эстетической ценности объекта, так как именно через приобщение к красоте индивид устанавливает связь с универсальными началами бытия, открывая в самом себе возможности самосовершенствования и восстановления внутренней гармонии [Шиллер, 1957: 251–358], и обществом, преодолевая замкнутость собственного «я» [Мейер,

1982: 101–104]. Особое значение исследование этой категории обретает в связи с осмыслением произведений Г.М. Цыферова, в большей степени ориентированных на исполнение воспитательной функции [Коваленко, 2017]: обращение к эстетическим ценностям способствует формированию внутреннего мира человека, мировоззрения и характера [Коваль, 1996: 65–71] — влияет на процесс становления личности.

Философская сказка Г. Цыферова представляет красоту как объективно присущую мирозданию характеристику, как явленное в материальной форме воплощение эстетической идеи. Истинно прекрасное отличается особой хрупкостью, требует вдумчивого и внимательного отношения, исключающего неосторожные слова и действия, препятствующие восприятию красоты. В сказке «Ах, ах!» [Цыферов, 2005: 30–31] эта идея воплощается не только на сюжетном (волшебный мыльный пузырь лопается от одного восторженного восклицания персонажа), но и на языковом уровне. Условно текст можно разделить на две части: первая, самая объемная, посвящена описанию чудесного замка, в связи с чем ее поэтика характеризуется обилием средств выразительности (например, автор использует возможности цветописи («розовая мыльная пена» [там же: 30], «алый замок» [там же], «голубой мост» [там же]) и звукописи («шарик совсем-совсем большой вышел» [там же], «через ров резной мост перекинулся» [там же: 31])); вторая часть, представляющая состояние героев, утративших чудо, наоборот, крайне лаконична («Ни замка, ни музыкантов, ни кареты. И стало очень грустно» [там же]) — так, сама композиционная и лингвистическая структура произведения отражает разницу в восприятии потрясающего красотой объекта и мира, лишившегося эстетического начала. Приблизиться к подлинному пониманию прекрасного можно только в процессе созерцания: материя не способна воплотить в себе идею красоты как таковой, но изменчивость природы, неповторимость каждого ее состояния утверждает возможность соприкосновения с идеалом через сохранение в памяти его многочисленных конкретных отражений. Именно поэтому в произведениях Цыферова появляется герой-созерцатель, рассматривающий Вселенную как эстетический феномен. Например, сказка «Паровозик из Ромашково» [там же: 40-43] раскрывает суетность повседневной жизни человека, стремящегося к материальным благам и заботящегося о сиюминутных потребностях, но забывающего об истинно значимом — вечных ценностях, духовном саморазвитии, собственной связи с остальным миром, устанавливающейся через постижение его красоты. Такая постановка проблемы вводит читателя в сферу обыденной жизни взрослого и расширяет круг адресатов: введение образа пассажира становится

основой для формирования идейной оппозиции главному герою, необходимую философской сказке, побуждает старшего читателя к авторефлексии и утверждает мысль о великой силе прекрасного. Изначально пассажиры изображаются как носители агрессии и ограниченности (их реплики состоят исключительно из слов «безобразие» [там же: 41-42] и «опоздаем» [там же]), однако по мере приобщения героев к миру природы их сознание подвергается трансформации, и душа вновь открывается бытию, о чем свидетельствует не только факт открытого согласия пассажиров со словами паровозика, но и расширение возможностей их речевой деятельности (увеличивается количество и разнообразие употребляемых слов, более широким становится набор интонаций и целей высказывания — герои удивляются, радуются, благодарят) и изменение самого стиля поведения (состояние персонажей в финале сказки описывается наречиями «молча», «спокойно»). Таким образом, раскрывается преображающий потенциал красоты как духовно значимой категории, всегда доступной для индивида. Бытовое явление опоздание поезда — включается в философский контекст и на уровне поэтики: композиция сказки основывается на троекратном повторении эпизода остановки, осложненном стилистической фигурой градации (опоздать на всю весну — на всё лето — на всю жизнь), что демонстрирует воспроизводимость данного процесса, обусловленную его естественностью и универсальностью — вслед за прошедшим мгновением прекрасного появляются новые, столь же ценные для того, кто готов наблюдать и размышлять. Постоянство такого повторения, беспрестанность утверждения вечного идеала в сиюминутном свидетельствует о нетленности красоты как таковой, несмотря на ее хрупкость, и представляет мир как эстетический феномен, отвечающий пониманию прекрасного во всех его проявлениях. В этом отношении ценность может представлять даже кондитерское изделие («Лягушонок-пекарь» [там же: 54–55]) или старое занесенное снегом пугало (там же: 46–47]) — обыденные предметы и явления обретают бытийную значимость в глазах внимательного созерцателя. Это обуславливается изначальным содержанием в них эстетического потенциала, объективно присущего всем предметам и явлениям художественного мира Цыферова, который раскрывается индивидом в момент особой душевной расположенности, соответствия его внутреннего переживания с состоянием наблюдаемого объекта: мальчик, радующийся наступлению зимы и воспринимающий преображение природы как праздник, переносит такое отношение на каждый отдельный предмет и находит ему подкрепление в новом облике пугала, наиболее ярко отражающем суть подобной трансформации окружающего мира

[там же]. Герой, например, паровозик («Паровозик из Ромашково» [там же: 40-43]), ослик («Колокольчик ослика» [там же: 52-53]), стремящийся подчинить свою жизнь законам красоты, рассеян и мечтателен, оторван от практической деятельности, что представляет его смешным и глупым [Кудрявцева-Маленова, 2017] в глазах носителей обыденного сознания, буквально воспринимающих действия такого персонажа и оттого не понимающих скрытой логики его поступков [Тихомирова, 2011], однако именно он становится посредником между обществом и мирозданием, носителем мудрости и учителем, в том числе, относительно вопросов нравственности: черты характера и особенности восприятия, порожденные ориентацией на постижение прекрасного, формируют в сознании ослика («Град» [Цыферов, 2005: 130]) представление об одушевленности всех объектов и явлений, способных испытывать радость и страдание, и поэтому нуждающихся в защите, которую может обеспечить только сам герой посредством самопожертвования – и его пример внушает настроенному прагматически медвежонку уважение перед истинным проявлением сострадания.

Отдельно стоит отметить, что красота в философских сказках Цыферова является не только эстетической, но и этической категорией, воплощающей общечеловеческие начала [Выжлецов, 1984], что в первую очередь связано с главенствованием темы доброты и взаимопомощи [Вачков, 2016: 58-61] в этих произведениях. Истинно прекрасное не может быть безнравственным, не может создаваться злой волей и, в свою очередь, порождать зло: дудочка лисенка слышит только добрые и чистые сердца («Лисенок» [Цыферов, 2005: 71]); медвежонок не играет на трубе, в которой, как ему кажется, живет улитка, отказываясь причинять вред живому существу даже ради искусства («Мишкина труба» [там же: 59-62]) — писатель тверд в своем убеждении, что творчество как деятельность, выдвигающая на первый план категорию прекрасного, должно подчиняться законам нравственности и мировой гармонии, а не становиться самоцелью, чему соответствует и понимание красоты как материального воплощения идеи-блага [Соловьев, 1988: 139–288], и сам характер эстетического отношения, базирующегося на определенном душевном переживании и актуализирующего его как нравственную ценность через соответствующий внешний объект [Теория литературы, 2004]. Красота в понимании Цыферова — это красота души, красота личности, способной не только оценить безусловно привлекательные явления, такие как радуга или звездопад, но и обнаружить духовный потенциал в окружающих, помочь им реализовать его, увидеть тот миг, когда «грустное и нелепое» [Цыферов, 2005: 47] пугало превращается в «прекрасного» [там же] снеговика. Таким образом, тема красоты в произведениях Цыферова в первую очередь связана с вопросами антропософии и аксиологии: проблемой человека как духовного существа, его способности отличать эло от добра, устанавливать приоритеты, жить согласно нравственным законам, самосовершенствоваться через приобщение к прекрасному.

Художественный мир Цыферова гармоничен благодаря действующим в нем законам универсализма: все предметы и явления мыслятся одновременно как полноценные микромиры, обладающие схожим строением, и равноправные и необходимые составляющие Вселенной, воспринимаемой эстетически, т.е. постигаемой как целостный, полный и неизбыточный [Тюпа, 1987] феномен. Главным образом это проявляется в уподоблении одних объектов другим, обычно основанном на их внешнем сходстве: кит сравнивается по форме и размеру с дирижаблем («Китенок» [Цыферов, 2005: 32–34]), пена на воде — по цвету, форме, консистенции с облаками («Облака» [там же: 57–58]), лев — по цвету и форме с одуванчиком («Мышонок» [там же: 93]). Маленький читатель вместе с героями познает мир через сопоставление новых объектов с уже знакомыми, учится находить как различия между ними, так и общие черты, связывающие все явления друг с другом и включающие их в единую систему мироздания [Коваленко, 2017]. Этот же принцип переносится с явлений материального мира на абстрактные понятия, что позволяет писателю размышлять об их бытийном наполнении и демонстрирует читателю универсальность такого соотношения, распространяющегося не только на чувственно воспринимаемые объекты. Например, проводится параллель между деревьями, с которых опадают листья, и становящимися короче осенними днями («Август» [Цыферов, 2005: 88]) — время уподобляется некоему недолговечному организму, требующему особо внимательного отношения, умения ценить его существование. Сама осень характеризуется героями как «грустная весна» [там же: 89], что свидетельствует о постоянстве глубинной сущности Вселенной при внешней изменчивости окружающего мира, все его состояния имеют больше сходств, чем различий, а значит, необходимы для сохранения вселенского баланса. Итак, сопоставление разных объектов окружающего мира и утверждение универсального характера их отношений приводит автора к мысли о существовании всемирной гармонии и утверждает важность ее поддержания как источника эстетической значимости Вселенной. Более того, в сказках Цыферова физические законы обретают нравственную основу: например, смена дня и ночи и перемещение светил происходит из-за того, что месяц удаляется от солнца, боясь навредить ему «рогами» — взаимодействие природных объектов организуется по тем же принципам, что и человеческие отношения, и объясняется в рамках религиозно-философских систем. Таким образом, уподобление одних предметов друг другу не только является художественным приемом, создающим эстетический и юмористический эффект, отражающим психологию ребенка и помогающим адресату осваивать новую информацию о мире, но и способом выражения мысли о единстве универсума, тесной связи всех его объектов, их схожем устройстве и способе функционирования.

Принятие Вселенной как эстетического феномена, гармоничного и совершенного, достигается через наблюдение и осмысление ее законов, попытку выявления причин столь тесной связи ее объектов. Одним из способов такой рефлексии является исследование исторического развития и современного состояния окружающего мира, основываясь на частных закономерностях которого можно сформулировать некоторые универсалии. Именно поэтому большое место в творчестве писателя занимают познавательные философские сказки — произведения с доминирующей гносеологической функцией, направленной на представление и объяснение явлений природы и человеческой деятельности. Эти сказки поднимают самые важные темы для адресатов соответствующих возрастов. Сначала читателю предлагается обратить внимание на уже знакомые объекты — дом, качели, клумба («Что у нас во дворе?» [там же: 152-156], к каждому из которых приводится краткое описание и история из жизни повествователя — такое эмоциональное и ассоциативное воздействие, с одной стороны, помогает адресату ориентироваться в окружающем его пространстве, а с другой стороны, открывает для него возможность двойного видения, показывает, что самое обыкновенное явление может обретать эстетическую значимость. Далее картина мира расширяется — ребенок начинает интересоваться законами природы, пытается установить причинно-следственные связи возникновения разных феноменов. Проводником в мир знаний становится плюшевая игрушка — герой, близкий маленькому читателю, а потому несущий информационный посыл и умеющий воплотить его в доступной адресату форме. В «Серьезных рассказах плюшевого мишки» [Цыферов, 2005: 145–151] действует тот же принцип, что и в сказках для младшего возраста — научные факты сопровождаются эмоционально-оценочными суждениями, что способствует их восприятию в контексте эстетического, и сюжетами из жизни повествователя, подтверждающими актуальность новых для адресата сведений на практике. Начинает формироваться круг философских идей в связи с тем, что на некоторые вопросы естественно-научной сферы оказывается возможным ответить только через обращение к идеалам определенной системы ценностей. Например, необходимость смены времен года объясняется героем добротой Земли, дарующей зиму и лето каждому — сама планета предстает разумным существом, жизненные циклы которого подчиняются высшим законам нравственности и гармонии. Таким образом, научная деятельность тоже становится объектом этического и эстетического осмысления, рассматривающего химические, физические, биологические процессы как доступные человеческому восприятию проявления универсальных принципов мироздания.

Таким образом, можно сделать вывод, что в философских сказках Г.М. Цыферова категория красоты выходит за рамки собственно эстетического понимания. Приобщение к истинной сущности прекрасного через вдумчивое осторожное созерцание открывает его этическую значимость и способствует раскрытию духовного потенциала индивида. Рассмотрение мира как эстетического феномена утверждает идею универсализма, гармоничной и нераздельной связи всех предметов и явлений между собой, вследствие чего попытки постижения законов Вселенной через наблюдение и анализ, в том числе и научный, обретают характер художественного исследования, а полученные знания помещаются в контекст философской проблематики и предстают как доказательства актуальности определенных мировоззренческих принципов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. *Вачков И.В.* Геннадий Цыферов: романтик детства // Современное дошкольное образование. Теория и практика. 2016. № 6. С. 58–61.
- 2. Выжлецов Г.П. Эстетика в системе философского знания. Л., 1984.
- 3. *Коваленко М.М.* Стиль Сергея Козлова: образный строй, жанр, контекст: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2017.
- 4. *Коваль Н.А.* Психологический анализ красоты как эстетической ценности в духовной сфере личности // Вестник Тамбовского ун-та. Серия: Гуманитарные науки, 1996. Вып. 3–4. С. 65–71.
- 5. *Кудрявцева-Маленова* Э. Литературная сказка в индивидуальном стиле Геннадия Цыферова в контексте чешской рецепции русской литературы для детей и молодежи во второй половине XX века. Brno, 2017.
- 6. Мейер А.А. Философские сочинения. Paris, 1982.
- 7. *Овчинникова Л.В.* Русская литературная сказка XX века (история, классификация, поэтика): Дисс. ... докт. филол. наук. М., 2001.
- 8. Соловьев В.С. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1988.
- 9. Теория литературы: В 2 т. Т. 1 / Под ред. Н.Д. Тамарченко. М., 2004.
- 10. Tихомирова A.В. Жанровые особенности философской сказки в русской литературе второй половины XX начала XXI в.: Дисс. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2011.
- 11. Тюпа В.И. Художественность литературного произведения. Красноярск, 1987.
- 12. Цыферов Г.М. Как лягушонок искал папу: сказки и маленькие сказочки, сказочные истории, рассказы, повесть. М., 2005.
- 13. Шиллер Ф. Собр. соч.: В 7 т. Т. 6. М., 1957.

REFERENCES

- 1. Vachkov I.V. Gennadii Tsyferov: romantik detstva [Gennady Tsyferov: a Childhood Romantic]. *Sovremennoe doshkol'noe obrazovanie. Teoriya i praktika* [Preschool Education Today. Theory and Practice], 2016, no. 6, pp. 58–61. (In Russ.)
- 2. Vyzhletsov G.P. *Estetika v sisteme filosofskogo znaniya* [Aesthetics in the System of Philosophical Knowledge]. Leningrad, Leningrad State University Press, 1984, 175 p. (In Russ.)
- 3. Kovalenko M.M. *Stil' Sergeya Kozlova: obraznyi stroi, zhanr, kontekst* [Sergey Kozlov's style: figurative structure, genre, context]: diss. Ph. D. philol. sciences. Moscow, 2017, 248 p. (In Russ.)
- Koval N.A. Psikhologicheskii analiz krasoty kak esteticheskoi tsennosti v dukhovnoi sfere lichnosti [A Psychological Analysis of Beauty as an Aesthetic Value in a Person's Inner Development]. Vestnik Tambovskogo un-ta. Seriya: Gumanitarnye nauki [Tambov University Review. Series: Humanities], 1996, issue 3–4, pp. 65–71. (In Russ.)
- 5. Kudrjavceva Malenová E. *Literaturnaya skazka v individual'nom stile Gennadiya Tsyferova v kontekste cheshskoi retseptsii russkoi literatury dlya detei i molodezhi vo vtoroi polovine XX veka* [Literary fairy tale in the individual style of G. Cyferov in the context of the Czech perception of Russian literature for children and youth in the second half of the 20th century]. Brno, Muni Press, 2017, 182 p. (In Russ.)
- Meyer A.A. Filosofskie sochineniya [Philosophical writings]. Paris, La Presse Libre, 1982. 490 p. (In Russ.)
- 7. Ovchinnikova L.V. *Russkaja literaturnaja skazka XX veka (istorija, klassifikacija, pojetika)* [Russian literary tale of the XX century (history, classification, poetics)]: diss. Prof. Dr. philol. sciences. Moscow, 2001, 387 p. (In Russ.)
- 8. Solov'ev V.S. *Sochineniya. V 2 t. T. 2* [Writings. In 2 vol. Vol. 2]. Moscow, Mysl Publ., 1988, 824 p. (In Russ.)
- 9. *Teoriya literatury: V 2 t. T. 1* [Theory of Literature: In 2 vol. Vol. 1]. Ed. by N.D. Tamarchenko. Moscow, Academia Publ., 2004, 512 p. (In Russ.)
- 10. Tikhomirova A.V. *Zhanrovye osobennosti filosofskoi skazki v russkoi literature vtoroi poloviny XX nachala XXI v* [Genre features of a philosophical fairy tale in Russian literature of the second half of the XX the early XXI century]: diss. Ph. D. philol. sciences. Yaroslavl, 2011, 181 p. (In Russ.)
- 11. Tyupa V.I. *Khudozhestvennost' literaturnogo proizvedeniya* [Artistry of a Literary Work]. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk University Publishing House, 1987, 219 p. (In Russ.)
- 12. Tsyferov G.M. *Kak lyagushonok iskal papu: skazki i malen'kie skazochki, skazochnye istorii, rasskazy, povest'* [How little frog was looking for his father: big and little fairy tales, fabulous and true stories and a short novel]. Moscow, AST Publ., 2005, 366 p. (In Russ.)
- 13. Schiller F. *Sobranie sochinenii: V 7 t. T. 6* [Collected works: In 7 vol. Vol. 6]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1957, 790 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию 01.02.2022 Принята к публикации 30.08.2022 Отредактирована 21.09.2022

> Received 01.02.2022 Accepted 30.08.2022 Revised 21.09.2022

ОБ АВТОРЕ

Домашнева Вероника Валентиновна — аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; dom.ver@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Veronika Domashneva — PhD Student, Department of the History of Modern Russian Literature and Contemporary Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; dom.ver@mail.ru

ОБРАТНАЯ ПЕРСПЕКТИВА КАК ПРИНЦИП ОРГАНИЗАЦИИ РОМАНА С. СОКОЛОВА «МЕЖДУ СОБАКОЙ И ВОЛКОМ»

Е.И. Вересотская

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; vetakholodnaya@mail.ru

Аннотация: В статье предложен анализ романа С. Соколова с точки зрения живописных принципов организации вербального текста. «Между собакой и волком» рассматривается как роман пространственной формы, в котором развоплощение времени согласуется со стремлением к созданию, а за ним и восприятию художественного образа не в хронологическом, а пространственном измерении. В тексте выявляется живописный код, отсылающий к картине Питера Брейгеля Старшего «Охотники на снегу», при этом на передний план выносятся не столько сюжетные соответствия, тематические и образные созвучия, сколько сами способы создания романного пространства. В фокусе внимания оказывается нарративная стратегия: способы реализации авторской картины мира, запечатленной в сознании рассказчиков. Освещаются особенности авторского синкретизма, обеспечивающего смысловое единство событийного уровня произведения. Особое внимание уделяется технике создания художественного образа Заитильщины, отсылающей как к брейгелевской манере письма, так и авангардным (кубистическим) принципам изображения действительности. В качестве ключевой художественной установки выделяется метод обратной, или совмещенной, перспективы, позволяющий изобразить объекты одновременно с разных сторон, создать объемную модель статичного предзимья, описанного в романе. Именно благодаря аперспективности достигается эффект присутствия читателя внутри картины нидерландского живописца. Корреляция художественного мира «Между собакой и волком» с эстетикой малых голландцев рассматривается как реализация пушкинской метафоры («Фламандской школы пестрый сор»), что позволяет говорить об устремленности Соколова не столько к постижению специфики средневекового мировосприятия, сколько более глубокому осмыслению русской литературы и культуры.

 ${\it Kлючевые}$ слова: Соколов; Брейгель; живописный код; повествовательный ракурс; спациализация; обратная перспектива

Для цитирования: Вересотская Е.И. Обратная перспектива как принцип организации романа С. Соколова «Между собакой и волком» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 5. С. 145–154.

REVERSE PERSPECTIVE AS A KEY DEPICTIVE METHOD IN THE NOVEL BETWEEN DOG AND WOLF BY S. SOKOLOV

Elizaveta Veresotskaya

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; vetakholodnaya@mail.ru

Abstract: This article proposes an analysis of the depictive principles of text organization in S.Sokolov's novel Between Dog and Wolf. Between Dog and Wolf is regarded as the novel of spatial form, in which the spatialization of time is consistent with the intention to create, and then, to perceive an artistic image not in the chronological, but in the spatial sense. There is a specific pictorial code implied in the text of the novel, which refers to the painting *The Hunters in the Snow* by Pieter Bruegel the Elder. Such reference brings to the fore not so much the plot correspondences, as the ways of creating the literary space itself. The focus of attention here is S. Sokolov's narrative strategy and ways of implementing the author's picture of the world, imprinted in the narrators' minds. The features of the author's syncretism, which provides the unity of meaning on the plot level, are also highlighted. Regarding this matter, special attention was paid to the technique of creating an artistic image of Zaitilschina, which refers both to Bruegel's painting style and the avantgarde (Cubist) principles of depicting reality. The method of reverse, or combined perspective is highlighted as the key creative technique. It allows the artist to depict objects at different angles simultaneously and create a three-dimensional model of still pre-winter scenery carried into the novel. Due to such aperspectivity, an effect of the reader's presence inside the painting of the Dutch painter is achieved. Correlation between the literary universe of the novel and the aesthetics of the Lesser Dutchmen is considered as the realization of Pushkin's metaphor ('What prosy ravings strung together, the Flemish painter's motley stuff!') from Eugine Onegin. So it can be asserted that Sokolov's aspiration is to comprehend not so much the specifics of the medieval worldview, but rather a deeper understanding of Russian literature and culture.

 $\textbf{\textit{Key words}} : Sokolov; Bruegel; pictorial code; narrative perspective; spatialization; reverse perspective$

For citation: Veresotskaya E.I. (2022) Reverse perspective as a key depictive method in the novel Between Dog and Wolf by s. Sokolov. Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology, no. 5, pp. 145–154.

Проблема живописного кода в романах Саши Соколова уже не раз оказывалась в поле зрения исследователей. Инициатором появления работ, посвященных данной теме, стал сам автор, подчеркивавший, что текст романа написан «по картине» Питера Брейгеля Старшего «Охотники на снегу»: «сюжет книги протекает в ней, в ней живут мои герои» [Соколов, 1993: 3]. И это неслучайно: фигура Брейгеля была одной из ключевых в искусстве XX в. И Саша Соколов, как истинный представитель своего поколения — поколения

А. Кушнера, И. Бродского, А. Тарковского (вспомним отсылки к произведениям художника в «Андрее Рублеве», «Зеркале» и других фильмах) проявляет живой интерес к эпохе Северного Возрождения и, в частности, к творчеству Питера Брейгеля Старшего.

Диалог Соколова с Брейгелем просматривается не только и не столько на уровне тематических перекличек, сюжетных корреляций (или приема экфразиса как таковом), уже ставших предметом осмысления современного литературоведения [Бакнина, 2015], сколько в сфере поэтики, определяющейся ориентацией автора на живописные принципы организации вербального текста и даже сознательное нарушение неких непреложных законов литературы.

Роман «Между собакой и волком» подпадает под понятие «риторического высказывания» (в терминах Ю. Лотмана [Лотман, 1992]) и требует от читателя умения одновременно находиться в разных системах координат, одна из которых задана живописным кодом, требующим сиюминутного, единовременного восприятия образа, вторая — искусством вербальным, предполагающим протекание текста во времени.

Соколов, безусловно, оказывается преемником модернистского искусства XX в., в корне изменившего представление человека о реальности, которая мыслится теперь как мир, вбирающий не только феноменальное, но и ноуменальное пространство. Ощущение дисгармоничности, децентрированности, неустойчивости жизни, невозможность привести все аспекты образа человека XX в. «к единому центру, одному началу, одной точке зрения» [Рымарь, 2013: 40] привели к появлению нового художественного языка, призванного разрушить ставшие привычными средства создания образа. Одним из основополагающих компонентов художественного языка романа XX в. становится «кубистический принцип» [там же], проявляющийся в том числе и в таком художественном приеме, как спациализация (в терминах Дж. Фрэнка [Frank, 1991]). Пространственная форма, к которой тяготеет роман XX в., стала следствием желания отразить и изобразить некую сверхреальность, к которой неприменим критерий временной протяженности и последовательности.

Тема времени становится ключевой уже в «Школе для дураков», погружающей читателя в поистине бергсонианскую «длительность» — в бесконечное настоящее «внутреннего» времени [Вавулина, 2003]. В своем втором романе Саша Соколов также взрывает время, но использует для этого иные средства. Способом обновления оптики в «Между собакой и волком» становится обращение к средневековой живописной технике, которая выступает у Соколова в качестве основы нарративной стратегии.

Уже название романа и эпиграф, отсылающие к Пушкину «Люблю я дружеские враки / И дружеский бокал вина / Порою той, что названа / Пора меж волка и собаки» (148) настраивают читателя на определенный лад, предопределяя и общую тональность повествования, и способ видения создаваемой картины (импрессионистскую нечеткость, размытость контуров, затушеванность переходов и преобладание полутонов). Неясность ситуации, положенной в основу романа, делает фабулу более чем эскизной. А попытка Соколова самостоятельно познакомить одного из интервьюеров с сюжетом еще больше подтверждает несоизмеримость сложнейшего текста и ситуации, его породившей, не случайно, один из рассказчиков на протяжении всего романа только «пытался собраться с мыслями» (163) и «формулировал» (189). Как и в «Школе для дураков», едва намеченные фабульные линии согласуются с достаточно прихотливой, замысловатой картиной мира, живущей в сознании рассказчиков. Композиционной особенностью романа является чередование трех типов глав, в основе которого лежит смена повествовательного ракурса: рассказ ведется от лица одного из трех героев-повествователей (Ильи Петрикеича Дзынзырелы, Якова Ильича Паламахтерова и лирического героя записок запойного охотника). «Смутность» повествования поддерживается и постоянной сменой точек зрения (фокуса видения событий), а также пространственно-временных координат. Отчетливее всего смена точки или угла зрения (в**ú**дения) проявляет себя в тех фрагментах текста, где читатель встречается с картиной Брейгеля. По словам автора, картина появляется в романе трижды, причем каждый раз мы «смотрим» на нее с разных сторон. Наслаиваясь на изображение русской природы, соединяясь с текстом романа, картина Брейгеля отчасти искажается, смазывается, но одновременно обретает еще одно измерение, перестает быть плоской. Перед читателями появляется некая объемная модель «Охотников на снегу», в которой «протекает» [Соколов, 1993: 3] сюжет романа.

Впервые с картиной Брейгеля читатель сталкивается во второй главе под названием «Ловчая повесть» (рассказчиком в «Ловчей повести» является Яков Ильич Паламахтеров). Читатель вместе с героем-повествователем наблюдает за происходящими событиями или, лучше сказать, «обстоятельствами»², с пригорка, перед фокальным персонажем «давно знакомая панорама» (161): декабрь, сумерки, около дюжины своры собак. Более того, в тексте четко обозна-

¹ Здесь и далее цитаты приводятся по данному изданию [Соколов, 2021], номера страниц указываются в круглых скобках.

¹² Как верно замечает А.А. Карбышев и А.И Куляпин [Карбышев, Куляпин, 2007], для описания статико-динамических ситуаций Соколов использует именно слово «обстоятельства», неоднократно встречающееся в романе.

чена точка в пространстве, с которой открывается вид: перевал большого холма, ведущего в долину (справа от таверны). Вся местность (город, пруды и скалы вдали) покрыта снегом, и фигуры охотников «недурно контрастируют с этим фоном» (162). Чтобы «не снижать картины» (161) своей городской походкой, рассказчик старается держаться в конце процессии, почему не видит ни лиц, ни морд других охотников, «только чей-нибудь профиль мелькнет на миг» (161). Можно разглядеть церковь, мельницу, плотину, возы на улицах и массу катающих на коньках людей. Перед героями предстают «купины оголенных кустарников и дерев» (162), прачки, полощущие белье, «вмерзшие в лед ладьи, и запруды, и птицы — о, масса птиц — и на ветках, и просто в пространстве, пахнущем сельдереем» (162).

В данном фрагменте обращает на себя внимание синкретический способ создания художественного образа. Наблюдая перед собой статичное предзимье, почти полностью дублирующее картину «Охотники на снегу», рассказчик наполняет пространство запахом сельдерея, ассоциативно всплывающим при взгляде на происходящее. Увиденный образ влечет за собой личную обонятельную ассоциацию. За счет смешения зрительных и обонятельных ощущений, синестезии, наполняющей картину запахом, достигается необходимый автору эффект присутствия внутри полотна нидерландского живописца.

Однако самым интересным здесь, пожалуй, является акцент на самой ситуации разглядывания «обстоятельств» — а по сути именно картины, на которую рассказчик смотрит с определенной (пространственной) точки зрения (видения). Последняя может и должна быть проанализирована не только в контексте повествовательного ракурса, но и в соотнесении с понятием перспективы в живописи. Находясь на пригорке, герой видит и описывает открывающиеся перед ним Нидерланды-Заитильщину. Очевидно стремление автора к пространственной (и не только) всеохватности, предполагающей «вынесение точки зрения наблюдателя высоко вверх» [Успенский, 1970: 86]. Позиция смотрящего, находящаяся на высоком переднем плане, позволяет сделать изображение панорамным, передать особенности техники создания «вселенского пейзажа» — пейзажа как образа мира. Соколову, как и Брейгелю, присущ наивный принцип изображения — описание мира путем перечисления. Как толпа на полотнах Брейгеля всегда распадается на множество отдельных лиц, так и микросюжеты, наполняющие роман «Между собакой и волком», перечисляются автором как бы через запятую, как «картинки

с выставки»³. Заволчье Соколова является неким собирательным образом русской глубинки. Скалы, город, река — это изображение не конкретного вида и ландшафта или окрестностей какого-то города, а мира вообще. Это некий микрокосм, вбирающий в себя макрокосм.

Возможно, и в этом Соколов следует за Питером Брейгелем. Известно, что Брейгель много путешествовал, и чем дальше он продвигался, чем свободнее становился его взгляд, тем больше он убеждался, что пейзаж представляет собой нечто текучее, изменчивое, «где одно переходит в другое и не делится» [Львов, 1998: 95]. Вслед за предшественниками, разработавшими технику вселенского пейзажа, Брейгель писал всю планету целиком: «Сферическая перспектива Брейгеля <...> позволяет видеть всю протяженность мира и истории сразу и во все стороны; Брейгель писал, как развивалась история всего человечества — для этого требовалась большая сцена» [Кантор, 2016].

На картине «Охотники на снегу» долина, обрамленная высоким склоном с одной стороны и горами с другой, имеет форму чаши и написана как будто на внутренней части полусферы. Данная форма поддерживается и местонахождением четырех башен внизу долины, которые расположены по углам перевернутой трапеции. Обращают на себя внимание и другие пространственные искажения — очень резкие перспективные сокращения (если взглянуть на деревья на первом плане, то ближайшее к зрителю дерево будет гораздо больше четвертого, несмотря на небольшое расстояние между ними). Очевидно, что такой охват пространства не доступен человеческому глазу, сегодня для этого бы использовали широкоугольный объектив (фиш-ай), тогда пользовались сменой угла зрения. Такой способ изображения действительности в первую очередь связан с тем, что в соответствии с замыслом заказчика «Месяцы» Брейгеля должны были быть «развешаны по кругу, в результате чего зритель как бы оказывался внутри изображаемого пространства» [Лобкова, 2011: 140]. Такая «внутренняя» точка зрения согласуется со средневековым мировосприятием: не человек смотрит на картину — Бог через картину смотрит на человека, или, иначе, человек видит мир глазами Бога. Кроме того, существует мнение, согласно которому «Месяцы» Брейгеля предполагали «прочтение» справа налево, что также поддерживает идею внутреннего, а не внешнего наблюдателя. Для тра-

³ «Картинки с выставки» — название ряда глав романа С. Соколова «Между собакой и волком», рождающее и музыкальную ассоциацию: очевидна отсылка к циклу одноименных пьес («музыкальной прогулке») М.П. Мусоргского, создававшегося по мотивам зарисовок В. Гартмана с сохранением присущего наброскам национального колорита.

диционного восприятия объектов в пространстве характерно линейное прочтение слева направо, тогда как логика, свойственная иконописи и доренессансной живописи, настаивает на противоположном восприятии (заметим, что Андрей Тарковский, цитируя Брейгеля в «Солярисе», пользуется тем же приемом — развешивает картины Брейгеля на вогнутой полукруглой стене, благодаря чему время как будто переходит в пространственную категорию).

Благодаря аперспективности, или технике обратной перспективы (в понимании П.А. Флоренского), которую модернист Соколов «подсматривает» на полотнах нидерландского живописца, читатель вместе с героем вовлекается внутрь самой картины: все происходящее творится вокруг него — местоположение героя становится своеобразной точкой схода. Все эпизоды оказываются равноудалены от наблюдателя, не случайно, «не знаю, как Вы, исследователи, — мы, точильщики и егеря, полагаем Заволчьем такие места, которые за Волчьей лежат, с которого бы берега ни соблюдать» (178).

Данная точка зрения поддерживается и словами автора: вспомним, что герои романа не посторонние наблюдатели, они часть пейзажа, они живут в нем. И это действительно так: в «момент» написания «Записок запойного охотника» меняется точка зрения героя-повествователя, что позволяет обнаружить некоторые погрешности в картине великого живописца. Любуясь в пору «щемящих сумерек» (203) видом из окна, герой не удовлетворен точностью описания местности и ее жителей, «Ибо ловчие в кафтанах / И немодных башлыках Мне по крайней мере странны, А тем более — в чулках» (202).

Одновременно с Яковом Ильичом и запойным охотником за жизнью Заволчья наблюдает Илья Петрикеич Зынзырэла. Если «Записки запойного охотника» позволяют увидеть Заитильщину с расстояния, а позиция Якова Ильича захватывает полностью всю открывающуюся панораму, то именно посредством писем Зынзырэлы читатель перемещается вглубь картины. Как верно замечает Бакнина, «меняется также ракурс, точка, откуда смотрит герой, он смотрит как бы из глубины картины, не с холма, а с долины, поэтому охотников видит не со спины, а в анфас» [Бакнина, 2015: 182]. Не только Яков Ильич Паламахтеров, держась в конце процессии охотников, старается не «снижать картины», к этому стремятся и другие герои, наблюдающие за данной сценой. Если запойный охотник напрямую поэтизирует увиденное, то точильщик Зэнзырэла, описывая возвращение с облавы, использует высокую лексику, напоминающей о принципах создания оды, тональность которой при

 $^{^4}$ См. об этом более подробно [Успенский, 1995].

этом не разрушается и подчеркнутыми прозаизмами и доходящими до грубости «крепкими выражениями». Фразеологическая точка зрения (в терминах Б. Успенского), таким образом, поддерживается и пространственной, позволяя рассуждать о цельности и «стянутости» к некоему центру того «собранья пестрых глав», коим и является текст Соколова: думается, это пушкинское определение основного композиционного принципа «Евгения Онегина» как нельзя более точно характеризует роман «Между собакой и волком». Более того, можно предположить, что и возведение обыденного и ничтожного в ранг высокого искусства осуществляется Соколовым под знаком пушкинского «реализма» (вспомним знаменитое «Порой дождливою намедни / Я, завернув на скотный двор... / Тьфу! прозачические бредни, / Фламандской школы пестрый сор!»)

Однако если в «Евгении Онегине» «фламандской школы пестрый сор» становится синонимом прозы жизни (не желая уходить в длительное перечисление особенностей русской глубинки, Пушкин обращается к готовой и знакомой русскому читателю совокупности образов, характерных для полотен «малых голландцев», которая, по мнению Пушкина, коррелирует с жизнью русской провинции первой половины XIX), то Сколов по сути реализует метафору, создавая эффект «обживания» картины Брейгеля изнутри. Однако, проникая «внутрь» текста и картины Брейгеля, читатель оказывается не в Нидерландах, а в России — в пространстве русской природы и русской культуры в целом. А постоянные аллюзии на русскую классику (в тексте присутствуют отсылки к И.С. Тургеневу, Н.А. Некрасову, Н.В. Гоголю и другим авторам, да и само жанровое определение — «Записки запойного охотника», вынесенное в название некоторых глав, актуализирует целую плеяду «русских записок»), наполняющие роман, только поддерживают это ощущение. Присутствие Брейгеля придает описываемым в романе событиям универсальный, сакральный характер. Образы, краски, настроения, сошедшие с полотен нидерландского живописца, органично сливаются с миром Заитильщины — и Брейгель, таким образом, выступает в роли проводника в мир русской природы и русской классической литературы, того спутника и учителя читателя, который управляет его взглядом и таким образом подталкивает к нужным обобщениям. Как это ни парадоксально, но, сливаясь с художественным миром Брейгеля, текст Соколова вовлекается в роман «Евгений Онегин», и в целом творчество Пушкина, становясь, таким образом, сопричастным всей русской культуре, а уже благодаря ей и культуре мировой: читатель вовлекается внутрь Заитильщины, где протекает река «Волга, она же Лета, впадающая в тюркское море забвения» (596), и читатель, «входя в обстоятельства ее берегов» (596), становится «навсегда причастен к необъяснимому и нездешнешнему — в ней и судьбах ей обреченных» (596).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. *Бакнина Т.В.* Саша Соколов и Питер Брейгель Старший: Диалог культур // Филология и культура. 2015. № 3(41). С. 181–185.
- 2. Вавулина А. Пространственно-временные отношения в русской прозе 1970-х гг. (Саша Соколов «Школа для дураков», Ю. Трифонов «Старик», В. Распутин «Прощание с Матёрой») // Проблемы неклассической прозы / Сост. и гл. ред. Е.Б. Скороспелова. М., 2003.
- 3. *Карбышев А.А., Куляпин А.И.* Проблема адресации и повествуемого мира в романах Саши Соколова // Известия АлтГУ. 2007. № 2 (54) С. 61–66. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-adresatsii-i-povestvuemogo-mira-v-romanah-sashi-sokolova/viewer (дата обращения: 30.11.2021).
- 4. Кантор М. Чертополох. Философия живописи. М., 2016.
- 5. *Лобкова Н.В.* «Двенадцать месяцев» Питера Брейгеля Старшего: к проблеме интерпретации // Артикульт. 2011. № 1 (1-2011). С. 133–140.
- 6. *Лотман Ю.М.* Избранные статьи. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн, 1992.
- 7. Львов С.Л. Питер Брейгель Старший. М., 1998.
- 8. *Рымарь Н.Т.* Проблема аутентичности художественного высказывания в ситуации кризиса языка в XX в. Самара, 2013.
- 9. *Соколов С.* Учитель дерзости в школе дураков. Беседу с писателем записал В. Кравченко // Литературная газета. 1993 (15 февраля). № 7. С. 3.
- 10. Соколов С. Школа для дураков. Между собакой и волком. Палисандрия. Эссе. Триптих. СПб., 2021.
- 11. Успенский Б.А. «Правое» и «левое» в иконописном изображении // Семиотика искусства. М., 1995.
- 12. Frank J. The Idea of Spatial Form. Rutgers, 1991.

REFERENCES

- 1. Baknina T.V. Sasha Sokolov i Pieter Bruegel the Elder: Dialog kul'tur [Sasha Sokolov and Pieter Bruegel the Elder: dialogue among cultures]. Filologiya i kultura [Philology and Culture], 2015, № 3(41), pp. 181–185. (In Russ.)
- 2. Vavulina A. Prostranstvenno-vremennye otnosheniya v russkoi proze 1970-kh gg. (Sasha Sokolov "Shkola dlya durakov", YU. Trifonov "Starik", V. Rasputin "Proshchanie s Materoi") [Spatio-temporal relations in Russian prose of the 1970s. (Sasha Sokolov "School for Fools", Y. Trifonov "Old Man", V. Rasputin "Farewell to Matyora")]. Problemy neklassicheskoi prozy [Problems of non-classical prose]. Comp. and ch. ed. E.B. Skorospelova. Moscow, LLC TEIS, 2003. 300 p.
- 3. Karbyshev A.A., Kulyapin A.I. *Problema adresacii i povestvuemogo mira v romanakh Sashi Sokolova* [The problem of addressing and the narrated world in the novels of Sasha Sokolov]. *Izvestiya AltGU. Filologiya i iskusstvovedenie*. [Izvestiya of Altai State University Journal], 2007, № 2 (54), pp. 61–66. (In Russ.) URL:https://cyberleninka.ru/article/n/problema-adresatsii-i-povestvuemogo-mira-v-romanah-sashi-sokolova/viewer (accessed: 30.11.2021)
- 4. Kantor M. *Chertopolokh. Filosofiya zhivopisi* [Thistle. Painting philosophy]. Moscow, *AST Publ.*, 2016. 480 p.

- 5. Lobkova N.V. "Dvenadcat' mesyacev" Pieter Bruegel the Elder: k probleme interpretacii ["Twelve Months" by Pieter Bruegel the Elder: Towards the Problem of Interpretation]. Artikul't. [Articult], 2011, № 1 (1-2011), pp. 133–140. (In Russ.)
- 6. Lotman Yu.M. *Izbrannye stat'i. Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury* [Selected articles. Articles on semiotics and typology of culture.]. Tallinn, *Aleksandra Publ.*, 1992. 479 p.
- 7. L'vov S.L. *Pieter Bruegel the Elder* [Pieter Bruegel the Elder]. Moscow, *TERRA Publ.*, 1998. 304 p.
- 8. Rymar' N.T. *Problema autentichnosti khudozhestvennogo vyskazyvaniya v situatsii krizisa yazyka v XX v.* [The problem of the authenticity of artistic expression in the situation of the language crisis in the twentieth century]. Samara, *Publ. of Samara National Research University*, 2013. 53 p.
- 9. Sokolov S. *Uchitel' derzosti v shkole durakov*. *Besedu s pisatelem zapisal V. Kravchen-ko* [Teacher of insolence in the school of fools. The conversation with the writer was recorded by V. Kravchenko]. *Literaturnaya gazeta*. 1993 (15 February), № 7, p. 3. (In Russ.)
- 10. Sokolov S. Shkola dlya durakov. Mezhdu sobakoi i volkom. Palisandriya. Ehsse. Triptikh [School for fools. Between a dog and a wolf. Rosewood. Essay. Triptych]. St. Petersburg, Publishing Group Azbooka-Atticus, 2021, 736 p.
- 11. Uspenskij B.A. Semiotika iskusstva [Semiotics of Art]. Moscow, School "Languages of Russian Culture" Publ., 1995, 360 p.
- 12. Frank J. The Idea of Spatial Form, Rutgers, 1991. 201 p.

Поступила в редакцию 25.11.2021 Принята к публикации 30.08.2022 Отредактирована 20.09.2022

> Received 25.11.2022 Accepted 30.08.2022 Revised 20.09.2022

ОБ АВТОРЕ

Вересотская Елизавета Ивановна — аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; vetakholodnaya@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Elizaveta Veresotskaya — PhD Student, Department of History of Modern Russian Literature and Contemporary Literary Process, Lomonosov Moscow State University; vetakholodnaya@mail.ru

ИОСИФ БРОДСКИЙ И ИГНАСИО ДЕ ЛОЙОЛА: ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ МАСКИ АВТОРА В СТИХОТВОРЕНИИ «ПРЕДСТАВЬ, ЧИРКНУВ СПИЧКОЙ, ТОТ ВЕЧЕР В ПЕЩЕРЕ <...>»

О.Э. Хазанова

Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия; mail@mpgu.su

Аннотация: В статье делается предположение о том, что философской основой и источником создания образа автора в рождественском стихотворении Бродского «Представь, чиркнув спичкой, тот вечер в пещере <...>» стала система медитации «Духовные упражнения» испанского святого XVI в., основателя ордена иезуитов Игнасио де Лойолы. Ставится вопрос об интертекстуальных авторских масках в стихотворении Бродского, который, прибегая к художественному вымыслу, использовал прозаический текст де Лойолы. На основе фактов биографии поэта рассматривается возможность знакомства Бродского с произведением де Лойолы, а маски образа автора в стихотворении анализируются на фоне образа автора в «Духовных упражнениях». Исследование показало, что образ автора в стихотворении Бродского реализовался в чередовании двух масок: наставника в медитации, имитирующей авторскую маску в «Духовных упражнениях», и поэта-философа, близкой самому Бродскому. Интертекстуальная маска наставника строится как семантическое и стилистическое подражание тексту де Лойолы с использованием метонимии в качестве главного тропа с характерным для него прозаическим, конкретным смыслом, тогда как маска философа организована как поэтическая, метафоричная речь, ее стиль абстрактный. Сравнение стихотворения И. Бродского с сонетом «Рождество» Дж. Донна, также написанного под влиянием де Лойолы, выявило интертекстуальные особенности масок автора в двух стихотворениях. Исследование показало, что, соединяя разные маски в образе автора, Бродский представил полисемантичную, не поддающуюся однозначной интерпретации мыслительную конструкцию, интертекстуальный символ, вовлекающий читателя в эстетическую игру.

Ключевые слова: И. Бродский; рождественские стихи; И. де Лойола; «Духовные упражнения»; Дж. Донн; В.В. Виноградов; образ автора; авторские маски; Ю.В. Рождественский; интертекстуальность

*Для цитирования: Хазанова О.*Э. Иосиф Бродский и Игнасио де Лойола: интертекстуальные маски автора в стихотворении «Представь, чиркнув спичкой, тот вечер в пещере <...>» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 5. С. 155-168.

JOSEF BRODSKY AND IGNATIUS OF LOYOLA: INTERTEXTUAL MASKS OF THE AUTHOR IN THE POEM IMAGINE — A MATCH STRIKE — THAT EVE IN THE SHELTER <...>

Olga Hazanova

Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia; mail@mpgu.su

Abstract: The article argues that the philosophical set and the image of the author in the poem *Imagine — a match strike — that eve in the shelter <...>* in the Nativity cycle by Josef Brodsky (1989) were derived from Spiritual Exercises, the system of meditation by Ignatius of Loyola, the Spanish saint, founder of the Society of Jesus (16th century). The article considers intertextual author's masks in Brodsky's poem that integrates certain aspects of Loyola's meditation system with poetic imagination. Based on Brodsky's biography, the article justifies his familiarity with the Spiritual Exercises. His poem is analyzed in terms of the 'masks' of the image of the author against the image of the author in the Spiritual Exercises. The study shows that in Brodsky's poem the image of the author is realized through the alternation of two masks: the one of a 'mentor in a meditation' echoing of Loyola's work; and the other of the 'poetic philosopher' related to the personality of Brodsky himself. The intertextual mask of the mentor follows the semantics and style of the Spiritual Exercises and relies on metonymy as the main trope with its prosaic, concrete sense, while the mask of the poetic philosopher is shaped with metaphors, and its style is abstract. A further comparison of Brodsky's poem with the sonnet *Nativity* by John Donne, also influenced by the Spiritual Exercises, demonstrates the specific of the intertextual images of the author created by the two poets. The article argues that by altering two masks in the image of the author Brodsky creates a polysemantic structure — an intertextual symbol open to multitudinous interpretations, which involves readers in an aesthetic play with the poet.

Key words: J. Brodsky; Nativity poem; Ignatius of Loyola; Spiritual Exercises; John Donne; V.V. Vinogradov; an image of the author; author's masks; Y.V. Rozhdestvensky; intertextuality

For citation: Hazanova O. (2022) Josef Brodsky and Ignatius of Loyola: Intertextual masks of the author in the poem Imagine — a match strike — that eve in the shelter <...>. Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology, no. 5, pp. 155–168.

Интертекстуальный подход к изучению творчества Бродского утвердился как один из наиболее плодотворных в науке о поэте, что объясняется высокой степенью аллюзивности и цитатности его произведений.

Изучение рождественского цикла Бродского имеет ту особенность, что произведения рассматриваются выборочно. Из 23 рождественских стихотворений, созданных поэтом в 1961–1995 гг. в СССР и эмиграции, излюбленными для литературоведческого

анализа стали пять: «Рождественский романс», «Рождественская звезда», «Бегство в Египет», «Новый год на Канатчиковой даче», «24 декабря 1971 года». В качестве подтекста исследователи выделяют поэзию Пастернака, Ахматовой [Автухович, 2015; Богомолов, 2002; Йованович,1998; Сергеева-Клятис, Лекманов, 2002], Мандельштама [Лекманов, 2000:171–186], Пушкина, Анненского [Богомолов, 2002], Вата [Артемова, 2017].

Немногочисленные ссылки на стихотворение Бродского «Представь, чиркнув спичкой, тот вечер в пещере <...>» (1989) также касаются межтекстовых параллелей. П. Вайль сравнивает центробежный принцип организации текста в «Рождественской звезде» Пастернака («расширение» Младенца из пещеры в пространство) с центростремительным в этом стихотворении Бродского (сведение пространства к пещере Рождества) [Вайль, 1996]. О.А. Лекманов, вычленяя мотив узнавания Отца и Сына в «Оде Сталину» Мандельштама, указывает, что этот мотив был использован Бродским в стихотворении «Представь, чиркнув спичкой тот вечер в пещере <...>» как сюжетообразующий [Лекманов, 2000].

На наш взгляд, стихотворение представляет особый интерес в рождественском цикле благодаря его двойному подтексту, который до сих пор ускользал от внимания исследователей: эти стихи «выросли» из двух текстов – прозаического И. де Лойолы и поэтического Дж. Донна.

Задача данной статьи — описать образ автора в стихотворении Бродского, продемонстрировав его связь с образом автора в «Духовных упражнениях» Лойолы и сопоставив с авторскими масками в сонете Донна «Рождество», также написанного по мотивам сочинения испанского святого.

Обращение к понятию образа автора (ОА) объясняется тем, что именно он как центральная категория художественного текста реализует все типы содержания — предметное, идейное, символическое и модальное — и индивидуализирует художественный текст на фоне других [Виноградов, 1999]. Мы будем опираться на теорию образа автора В.В. Виноградова в том виде, в котором она обобщена в работах Ю.В. Рождественского [Рождественский, 1996].

Ю.В. Рождественский так определяет образ автора: «Центральной категорией стилевой индивидуализации художественного текста является образ автора — центр художественного произведения, выражающий отношение автора к событиям, составляющим содержание текста, к идейному содержанию текста и проявляющийся в композиционном строении произведения, выборе языковых средств в соответствии с эстетическими канонами художественного текста» [там же: 230].

Создание образа автора приравнивается Виноградовым к своеобразному «актерству»: ОА «создается автором намеренно, наподобие роли актера в театре». Этим объясняются понятия, принятые в теории образа автора: об «актерской игре»; об авторской «актерской маске»; о «необходимости перевоплощения»; о «смене словно собеседующих друг с другом в стилевых репликах разных авторских лиц, ведущих рассказ» [там же: 225–233].

Образ автора в художественных произведениях противополагается образу автора в произведениях других функциональных стилей благодаря особому чередованию масок, которое присуще только художественному тексту и связано с отношением к читателю через текст [там же]. В этом смысле интертекстуальное сравнение образов авторов в произведениях разных функциональных стилей — поэтическом и прозаическом —представляет определенный филологический интерес.

Размышляя о способах создания ОА, Ю.В. Рождественский указывает, что «при формировании образа автора самым главным является отбор материала на основании художественного вымысла» [там же]. Используем этот пункт в качестве отправного.

* * *

Материалом для стихотворения Бродского послужила непосредственно евангельская история и, как показывают композиция и образная система текста, сочинение «Духовные упражнения» Игнасио де Лойолы [Лойола, 2007]. Сюжет Рождества представлен поэтом сквозь призму духовных практик испанского святого XVI в.

Как состоялось знакомство Бродского с текстом Лойолы? Предположительно, Бродский узнал об иезуите во время архангельской ссылки, тогда же, когда открыл для себя Донна. В подарок на день рождения он получил от Л.К. Чуковской «издание Донна "Модерн Лайбрери" ("Современная библиотека")» [Померанцев, 2021]. Книга Donne J. The Complete Poetry and Selected Prose of John Donne / Ed., with an introd. By Charles M. Coffin. N.У., 1952 переиздается в американском издательстве Modern Library и в XXI в. Сборник включает, помимо прочего, «Священные сонеты» (Holy sonnets), написанные Донном, как установлено [Gardner, 1985: 15–29; Горбунов, 1989: 304], под влиянием «Духовных упражнений» Лойолы, и его прозаическое произведение «Игнатий Его конклав» (Ignatius His Conclave). Благодаря этой книге у 24-летнего Бродского возникла возможность включить Лойолу в круг своих мыслей как некий философский образ. Очевидно, что в эмиграции, где было написано стихотворение, доступность самого труда Лойолы не представляла проблемы.

Так образуется любимый Бродским прием «треугольного зрения» [Ахапкин, 2021], или интертекстуального треугольника: «Духовные упражнения» Игнасио де Лойолы — сонеты Джона Донна — его собственное стихотворение. Любопытно проследить связь этих текстов через соотношение образов авторов и авторских масок.

Игнасио де Лойола «Духовные упражнения»

В 1548 г. в Испании были изданы «Духовные упражнения» основателя ордена иезуитов Игнасио де Лойолы — морально-религиозная доктрина ордена, педагогическая система медитации, главная часть духовного наследия Игнасио.

Лойола писал: «Под именем Духовных Упражнений разумеется всякий способ испытания совести, размышления, созерцания, молитвы словесной и мысленной и других духовных действий...» [Лойола, 2007: 1]. «Духовные упражнения» предназначены для глубокого познания «вочеловечившегося ради нас Господа, дабы больше возлюбить Его и совершеннее следовать за Ним» [там же: 104].

Термины «испытание совести», «созерцание», «рассуждение» в первом отрывке, а также термины «воспоминание», «беседа» предполагают применение особых психофизических техник медитации, которые найдут поэтическое преломление в стихах Донна и Бродского.

В трактате Лойола адресуется попеременно то к подразумеваемому руководителю медитации, то к воображаемому ученику, иногда к ним обоим, из-за этого строгая последовательность и дидактизм его инструкций освещается эмоциональной диалоговой модальностью. Лойолов диалог наставника и ученика ляжет в основу драматургии стихов Донна и Бродского.

Центральная роль в системе отведена построению диалогических отношений — так называемых бесед между упражняющимся в медитации и Богом: «Беседа. Представ перед Христом, Господом нашим, распятым на кресте, нужно войти с Ним в сердечную беседу: вопросить Его, каким образом Он, будучи Творцом, умалился до того, что стал человеком, и ради моих грехов из жизни вечной снизошел к временной смерти [и к такой кончине]. Подобным образом обращаясь к самому себе, я должен спросить себя: что я сделал для Христа? что делаю для Него сейчас? что еще должен сделать для Него? ... Беседу нужно вести в собственном смысле, как друг говорит с другом, или как слуга со своим господином... <... > можно совершить либо только одну беседу с Иисусом Христом, либо <... > совершить их три: одну с Богоматерью, другую с [Ее Божественным] Сыном, третью с [Богом] Отцом. В конце нужно прочитать "Отче наш"» [там же: 53, 54].

Как видно из приведенной «беседы», упражняющийся должен построить те самые «личные отношения с Богом» [Померанцев, 2021], которые так поразили Бродского в поэзии Донна и которые у Донна, как показывает анализ текстов, связаны с «Духовными упражнениями» Лойолы («как друг говорит с другом»).

Образ автора, созданный Лойолой в упражнениях, — это образ духовного наставника, связанного с биографической личностью самого Лойолы. ОА объединяет две модально-семантические области: дидактическую, поданную как ряд инструкций с характерными императивами и описанием духовных действий, четким синтаксисом, линейной логикой; и область любовно-эмоциональную, данную в имплицитном тройственном диалоге, несомненно внятном обучающемуся и руководителю, которые, продвигаясь по тексту, мысленно собеседуются, во-первых, друг с другом, во-вторых, с Лойолой, и, в-третьих, с Божественными сущностями. Поскольку трактат относится к религиозно-дидактическому жанру и предназначался для практического использования, а значит, не должен был вызывать разночтений у медитирующих, дидактизм и любовная эмоциональность даны не как меняющиеся маски образа автора, а слитно, когда в каждом отдельно взятом фрагменте текста в ОА соединяются дух дидактизма и любви.

«Второе созерцание» Лойолы относится непосредственно к событию Рождества Христова и, на наш взгляд, именно с ним связаны сонет Донна «Рождество» и стихотворение Бродского «Представь, чиркнув спичкой, тот вечер в пещере <...>».

Поэтапно и подробно, как и следует излагать упражнение, Лойола описывает технику созерцания во время медитации: «...Представление места. Здесь следует обозреть путь «Святой Девы с Иосифом. — О.Х.» от Назарета до Вифлеема, представляя себе его длину, ширину, ровен ли он был или шел по горам и долинам. Точно так же [следует] обозреть место или [точнее] пещеру Рождества, обширная ли она была или маленькая, низкая или высокая, и как была устроена?

Первый пункт: мысленно увидеть [присутствующих] — Святую Деву, Иосифа, служанку и Младенца Иисуса по Его рождении, представляя себя негодным и убогим слугою; созерцать их, приглядываться к ним и с почтением и елико возможным благоговением служа им в их нуждах, как если бы я действительно там присутствовал, будучи как бы последним нищим и недостойным рабом. И затем предаться размышлению, дабы извлечь [из всего этого] пользу.

Второй пункт: внимательно слушать все, что они говорят, а затем предаться внутреннему размышлению, дабы извлечь [из всего этого] пользу.

Третий пункт: внимательно наблюдать за тем, что они делают, то есть как совершают путь, терпят лишения, трудятся, как в крайней нищете рождается Господь, чтобы затем после толиких трудов, испытав голод и жажду, зной и холод, оскорбления и заушения, умереть на кресте, и все это — ради меня. Затем предаться внутреннему размышлению, дабы получить духовную пользу...» [Лойола, 2007: 113–116].

В приведенном созерцании — зрение, слух, обоняние, осязание, вкус — представлены как чувства «внутренние», поскольку предметом их приложения служат метафизические сущности [Хазанова, 2020].

Сонет «Рождество» Джона Донна

Семь сонетов цикла 'La Corona' Донна представляют собой поэтическую медитацию на тему ключевых евангельских эпизодов. Приведем текст третьего сонета «Рождество» [Donne, 1896]:

Nativity

Immensity cloistered in thy dear womb,
Now leaves His well-belov'd imprisonment,
There He hath made Himself to His intent
Weak enough, now into the world to come;
But O, for thee, for Him, hath the inn no room?
Yet lay Him in this stall, and from the Orient,
Stars and wise men will travel to prevent
The effect of Herod's jealous general doom.
Seest thou, my soul, with thy faith's eyes, how He
Which fills all place, yet none holds Him, doth lie?
Was not His pity towards thee wondrous high,
That would have need to be pitied by thee?
Kiss Him, and with Him into Egypt go,
With His kind mother, who partakes thy woe.

Дон изобразил ученика, медитирующего по «Духовным упражнениям» Лойолы. Поэт «моделирует» психические состояния ученика Лойолы на разных этапах медитации как особые маски — созерцание, беседу и размышление: ученик, соприсутствуя Христу, Марии, Иосифу в Вифлеемской пещере, созерцает происходящее (строки 2, 5, 10), «входит в сердечную беседу» с Марией (строки 1–8), осмысляет увиденное, «дабы получить духовный плод» (строки 1, 3, 4, 10–14). Так образуется драматургия сонета, в которой беседа выступает композиционным каркасом: октава представляет беседу ученика с Марией, а секстет — его беседу со своей душой; в обрамлении бесед даны созерцание и размышление.

Стадии медитации (маски) различены у Донна на формальном уровне благодаря использованию разных лексико-семантических, синтаксических, стилистических средств. Для маски размышления характерен высокий метафизический стиль, сформированный посредством абстрактной лексики, сложных синтаксических конструкций с парентезами, метафор-кончетти (Immensity cloister'd in thy dear womb, Now leaves His well-belov'd imprisonment — Беспредельность, сокрытая в твоем драгоценном лоне, Покидает сейчас свое приятное заточение; He Which fills all place, yet none holds Him — Тот, Кто наполняет все, но ничто Его не вмещает).

Для масок созерцания и беседы с Марией, только что родившей миру Иисуса, характерна взволнованная речь в побудительном и вопросительном наклонениях, конкретная семантика, восхищенный стиль. Речь медитирующего — быстрая, богатая модальными оттенками, совещательными, утешительными, предсказательными. Он «подсказывает» Деве, куда положить младенца, «пророчит» приход волхвов и посрамление замыслов Ирода (строки 5–8) — так Донн соединяет сознание христианина XVII в., уже знакомого с евангельской историей, с его психологическим состоянием свидетеля Рождества.

Игра масками созерцания, беседы и размышления, их смена, слияние и разъединение оказываются главным механизмом развития смысла в сонете Донна.

И. Бродский «Представь, чиркнув спичкой, тот вечер в пещере <...>»

Примерно четыреста лет спустя после Джона Донна Бродский обращается к «Духовным упражнениям», используя их, подобно Донну, как философскую и драматургическую основу для своего рождественского стихотворения 1. Анализ стихотворения показывает, что оно вдохновлено текстами обоих авторов XVI и XVII вв. Приведем его полный текст:

Представь, чиркнув спичкой, тот вечер в пещере, используй, чтоб холод почувствовать, щели в полу, чтоб почувствовать голод — посуду, а что до пустыни, пустыня повсюду².

Представь, чиркнув спичкой, ту полночь в пещере, огонь, очертанья животных, вещей ли,

¹ Стихотворение «Рождественская звезда» Бродского, на наш взгляд, также связано с трактатом Лойолы отдельными чертами, в частности, способом описания места действия в первых четырех строках.

² Выделенные фрагменты соотносятся с маской поэта-философа.

 и — складкам смешать дав лицо с полотенцем – Марию, Иосифа, сверток с Младенцем.

Представь трех царей, караванов движенье к пещере; верней, трех лучей приближенье к звезде, скрип поклажи, бренчание ботал (Младенец покамест не заработал на колокол с эхом в сгустившейся сини).

Представь, что Господь в Человеческом Сыне впервые Себя узнает на огромном впотьмах расстояньи: бездомный в бездомном.

[Бродский, 2022]

Если Донн в качестве субъекта высказывания в своем сонете избрал ученика, своей медитацией будто бы отвечающего Лойоле на его поучения, то Бродский создает поэтический текст от лица руководителя медитации, а роль ученика, как и Лойола, отдает читателю. Образ автора в стихотворении проявляется в чередовании маски руководителя медитации и маски поэта-философа, построенных в двух плоскостях, физической и метафизической соответственно. Маска наставника-дидакта создана в духе Лойолова «созерцания», а маска философа отчасти соотносится с его «размышлением».

В первых двух строфах, подобно руководителю у Лойолы, наставник учит использовать материальные объекты для медитации. Через серию метонимических ассоциаций³ он показывает, как повседневные предметы помогут стать свидетелем рождения Христа. Спичка, вспыхнув, вызовет в воображении образ пещеры (ср. совет Лойолы пользоваться во время медитации «светом или темнотой, что лучше подходит» [Лойола, 2007: 130]). Посуда напомнит о чувстве голода Марии и Иосифа, а ветер в комнате медитации — о ночном холоде. Называние повседневных предметов прозаизировало бы ситуацию Рождества, если бы они не приобретали терминологический оттенок, значение инструментов медитации, как и у Лойолы.

В стихотворении, как и в сочинении иезуита, предполагается дискретное восприятие Новозаветной картины зрением, слухом, прикосновением, напряжением всех чувств: «<...> огонь, очертанья

³ Выражение «метонимические ассоциации» точнее, чем «метонимия» в ее узком понимании, отражает прием Бродского в стихотворении, поскольку поэт устанавливает связь между рядовыми предметами, явлениями и новозаветными событиями, но не предлагает результирующего понятия в переносном значении, оставляя метонимию незавершенной. Как писал Вяч. Иванов, «существен не герой, а мир метонимических ассоциаций, с ним связанных» [Иванов, 1987: 17]. То же, на наш взгляд, важно и в стихотворении Бродского. В статье для удобства изложения оба термина используются как синонимы.

животных <...>» метонимически апеллируют к зрению; полотенце — к осязанию, а «<...> складкам смешать дав лицо с полотенцем <...>» означает представить Младенца в пеленах [Хазанова, 2020].

В составе поэтической мысли Бродского метонимия выполняет одновременно несколько функций. Во-первых, самом общем смысле стихотворение метонимично по отношению к религиозному трактату как своей прозаической основе. Во-вторых, метонимия нужна для того, чтобы редуцировать развернутую риторическую топику инструкций трактата в сжатый поэтический текст. В данном случае метонимия на жанровом уровне выполнила «синтагматическую функцию», но не просто на уровне понятий, как писал Якобсон [Якобсон, 1990: 110–132], а связав прозаический и поэтический жанры. В-третьих, метонимия стала для Бродского основным приемом создания одной из масок образа автора в стихотворении — по контрасту с другой маской, построенной, как будет показано ниже, на метафорическом переносе.

Для маски наставника характерна императивная модальность: каждая строфа Бродского начинается с императива «представь», что созвучно модальности «Духовных упражнений» («необходимо увидеть», «нужно вообразить», «необходимо представить», «необходимо вспомнить» и т.д. в трактате). Ритмически параллельные ряды, созданные при помощи анафоры, сродни повторяющимся ступеням упражнений Лойолы.

Сквозь маску наставника первых двух строф лишь однажды проступит другое авторское лицо. В строке «<...> а что до пустыни, пустыня повсюду» происходит смена масок в структуре ОА: вместо наставника выступает поэт-философ, что обозначается переходом от конкретной семантики инструкций к абстрактной философской и от метонимического способа развития мысли — к метафорическому. Метафора пустыни у Бродского (ср. у Донна: «Душа — пустыня...» в сонете «Распятие») выделена синтаксически: ее не предваряет императив «представь», она оформлена при помощи противительного союза «а» как независимая часть сложного предложения, что указывает на ее обособленность в строфе, смысловую контрастность по отношению к предшествующим строкам и принадлежность к другой маске ОА — поэта-философа. Эта маска не наставляет, не инструктирует, а рефлексирует над происходящим в абстрактном виде.

Интересно сравнить рефлексию в философской маске у Бродского с маской- размышлением в сонете Донна. Донн строит размышление как изобретение новых имен (в широком смысле), отражающих природу Христа и Марии (*immensity* — «беспредельность» о Христе, *dear womb* — «драгоценное лоно» о Деве и т.д.), синонимизирует их

и так познает Божественные сущности. Его размышление вращается в кругу созерцаемых событий Рождества. Рефлексия Бродского, в частности, во фразе «<...> а что до пустыни, пустыня повсюду» и в последних трех строках стихотворения, напротив, выплеснута за пределы созерцаемого и сосредоточена на бытийных проблемах человека как брата Иисуса.

В третьей строфе игра масок в образе автора, а, значит, и эстетическая игра автора с читателем, становится динамичнее, ОА «меняет личины» от строки к строке, иногда в пределах одного предложения — благодаря анжамбеману, который служит приемом для смены масок в составе ОА. Начинает строфу наставник. В его речи можно различить отсылку к упражнениям трактата Лойолы: «воспоминанию» новозаветного эпизода о волхвах и «созерцанию», данному через слуховые впечатления от движения каравана с дарами: «<...> скрип поклажи, бренчание ботал <...>». Но уточняющее «верней» уводит читателя от чувственного — к умозрительному, метафорическому восприятию встречи волхвов и Младенца, что указывает на маску философа: «<...> трех царей, трех лучей приближенье к звезде <...>». Парентеза в маске философа «<....> (Младенец покамест не заработал На колокол с эхом в сгустившейся сини) <...>» со смыслом «пока не распят», — взгляд христианина, знающего ход Новозаветной истории (то же в маске размышления у Донна).

Маска философа наиболее полно реализуется в последней строфе стихотворения. Начав с очередного «Представь...» наставника, Бродский вкладывает в его уста развернутое метафизическое кончетто поэта-философа, в котором Бог-Отец узнает Сына по «бездомности» (ср. в Евангелии: «Лисицы имеют норы и птицы небесные — гнезда, а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову» (Евангелие от Матфея, 8:20). На фоне образа «огромного <...> расстояния», «бездомность» приводит и к другому имени Бога — Вездесущий. Так благодаря контрасту актуализированных значений символа возникает структура кончетто в маске философа.

Заключение

Религиозно-дидактическое сочинение «Духовные упражнения» Игнасио де Лойолы (XVI в.) явилось философской основой стихов о Рождестве Дж. Донна (XVII в.) и И. Бродского (XX в.). Идея Лойолы о познании Бога посредством духовных техник, передаваемых от учителя к ученику, была реализована на основании художественного вымысла английским и русским поэтами в их произведениях.

Опираясь на риторическую композицию трактата, поэты создали драматургию и индивидуальный стиль своих произведений с его

центральной категорией — образом автора. В сонете Донна ОА образован игрой масок «созерцания», «беседы», «размышления» ученика, медитирующего по системе Лойолы, который благодаря смене масок выступает то как свидетель Рождества, то как современник Донна — с этим связана многоплановость и интертекстуальность ОА у Донна. В стихотворении Бродского образ автора выразился в чередовании маски наставника в медитации, соотнесенной с образом автора Лойолы, как он явлен в «Духовных упражнениях», и маски поэта-философа, близкой самому Бродскому. Интертекстуальная маска наставника строится как имитация прозаического стиля духовных упражнений с использованием метонимии в качестве главного тропа с характерным для него прозаическим, конкретным смыслом, что создает аллюзию к тексту Лойолы. Маска философа организована в виде поэтической, высоко метафоричной речи, ее стиль абстрактный.

В смене словно собеседующих друг с другом стилевых репликах разных авторских масок заключается стилистико-композиционное своеобразие образа автора в стихотворении. Соединяя разные маски, Бродский представил принципиально многосмысловую и не поддающуюся однозначной интерпретации мыслительную конструкцию образа автора, созданную как символ, вовлекающий читателя в эстетическую игру.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. *Автухович Т.Е.* Рождественская звезда Бориса Пастернака и Иосифа Бродского: Условный экфрасис как интерпретация евангельского сюжета // Acta Universitatis Lodziensis Folia Literaria Rossica. 2015. № 8. С. 99–110.
- 2. *Артемова С.Ю.* Рождество и Пасха: перекличка И. Бродского и А. Вата // Филоlogos. 2017. № 33(2). URL: https://elsu.ru/filologos/issues/123/articles/1777/ (дата обращения: 13.03.2022).
- 3. *Ахапкин Д.Н.* «Источник света» Иосифа Бродского // Звезда. 2018. № 5.
- 4. *Ахапкин Д.Н.* «Теперь меня там нет…»: идеальный город Иосифа Бродского // Звезда. 2001. № 1.
- 5. *Богомолов Н.А.* От Пушкина до Кибирова: Статьи о русской литературе, пре-имущественно о поэзии. М., 2004. С. 478–485.
- 6. Бродский И.А. Рождественские стихи. ИГ Лениздат, 2022.
- 7. Вайль П. Рождество: точка отсчета. Беседа Иосифа Бродского с Петром Вайлем. М., 1996.
- 8. Виноградов В.В. Стиль Пушкина. М., 1999.
- 9. Горбунов А.Н. Английская лирика первой половины XVII века. М., 1989.
- Иванов В.В. Поэтика Романа Якобсона // Роман Якобсон. Работы по поэтике. М., 1987.
- 11. Йованович М. Пастернак и Бродский. (К постановке вопроса): о сходстве двух рождественских звезд // Пастернаковские чтения. М., 1998. Вып. 2. С. 305–323.

- 12. *Лекманов О. А.* Сталинская «ода». Стихотворение Мандельштама «Когда б я уголь взял для высшей похвалы…» на фоне поэтической сталинианы 1937 года // Новый мир. 2015. № 3. С. 171–186.
- 13. Лекманов О.А. «Рождественская звезда»: текст и подтекст // НЛО. 2000. № 5.
- 14. *Лойола И*. Духовные упражнения // Орден иезуитов: правда и вымысел. М., 2007.
- 15. Померанцев И. Радиоинтервью с Иосифом Бродским. М., 2021. URL: http://mspu.org.ua/pulicistika/116-intervyu-s-iosifom-brodskim.html (дата обращения: 13.03.2022).
- 16. Рождественский Ю.В. Общая филология. М., 1996.
- 17. Сергеева-Клятис А.Ю., Лекманов О.А. «Рождественские стихи» Иосифа Бродского. Тверь, 2002.
- 18. *Хазанова О.Э.* Метафора духовного упражнения в рождественском стихотворении Иосифа Бродского // Материалы VII Международной научной конференции филологического ф-та МГУ «Русская литература XX–XXI веков как единый процесс». М., 2020. С. 148–155.
- 19. Якобсон Р. Два аспекта языка и два типа афатических нарушений // Теория метафоры. М., 1990. С. 110–132.
- 20. Donne J. Poems of John Donne. Vol. 1. L., 1896.
- 21. Gardner H. Introduction // The metaphysical poets. Penguin Classics, 1985.

REFERENCES

- 1. Avtuhovich T.E. Rozhdestvenskaja zvezda Borisa Pasternaka i Iosifa Brodskogo: Uslovnyj jekfrasis kak interpretacija evangel'skogo sjuzheta [Naitivity star of Boris Pasternak and Josef Brodsky: Symbolic ecphrasis as an interpretation of the episode of the New Testament]. *Acta Universitatis Lodziensis Folia Literaria Rossica*, 2015, № 8, pp. 99–110. (In Russ.)
- 2. Artemova S.Ju. Rozhdestvo i Pasha: Pereklichka I. Brodskogo i A. Vata [Naitivity and Easter: Parallels in I. Brodsky and A. Vat]. *Filologos*, 2017, № 33(2). URL: https://elsu.ru/filologos/issues/123/articles/1777/ (accessed: 13.03.2022). (In Russ.)
- 3. Ahapkin D.N. "Istochnik sveta" Iosifa Brodskogo ["The source of light" of Joseph Brodsky]. *Zvezda*, № 5. 2018.
- 4. Ahapkin D.N. *Teper' menja tam net...: ideal'nyj gorod Iosifa Brodskogo* ["Now I am not here...": The ideal town of Joseph Brodsky]. *Zvezda*, № 1, 2021.
- Bogomolov N.A. Ot Pushkina do Kibirova: Stat'i o russkoj literature, preimushhestvenno o pojezii [From Poushkin to Kibirov: Articlea on Russian literature, mostly on poetry]. M., NLO, 2004.
- 6. Brodskij I.A. Rozhdestvenskie stihi [Naitivity poems]. IG Lenizdat, 2022.
- 7. Vajl' P. Rozhdestvo: tochka otscheta. Beseda Iosifa Brodskogo s Petrom Vajlem [Naitivity: The starting point. An interview of Joseph Brodsky to Peter Wail]. M., 1996.
- 8. Vinogradov V.V. Stil' Pushkina [The style of Poushkin]. M., 1999.
- 9. Gorbunov A.N. *Anglijskaja lirika pervoj poloviny XVII veka* [The English lyrics of the first half of the 17th century]. M., 1989.
- 10. Ivanov V.V. *Pojetika Romana Jakobsona* [Poetics of Roman Jacobson]. Roman Jakobson. Raboty po pojetike. M., 1987.
- 11. Jovanovich M. *Pasternak i Brodskij.* (*K postanovke voprosa*): o shodstve dvuh rozhdestvenskih zvezd [Pasternak and Brodsky: On likeness of the two Nativity stars]. Pasternakovskije chtenija. [Readings on Pasternak] Issue 2. M., 1998.
- 12. Lekmanov O.A. Stalinskaja "oda". Stihotvorenie Mandel'shtama "Kogda b ja ugol' vzjal dlja vysshej pohvaly..." na fone pojeticheskoj staliniany 1937 goda [Stalin ode.

- The poem of Mandelshtam "If I took charcoal for to praise ..." on the background of staliniana of 1937]. *Novyj mir.* 2015. № 3, pp. 171–186.
- 13. Lekmanov O.A. "Rozhdestvenskaja zvezda": tekst i podtekst ["Nativity star": Text and implications]. *NLO*, 2000. № 5.
- 14. Lojola I. Duhovnye uprazhnenija [Spiritual Exercises]. Orden iezuitov: pravda i vymysel. M., *AST*, 2007.
- 15. Pomerancev I. Radiointerv'ju s Iosifom Brodskim [Radio interview with Joseph Brodsky]. M., 2021. URL: http://mspu.org.ua/pulicistika/116-intervyu-s-iosifombrodskim.html (accessed: 13.03.2022). (In Russ.)
- 16. Rozhdestvenskij Ju.V. Obshhaja filologija [General Philology]. M., 1996.
- 17. Sergeeva-Kljatis A.Ju., Lekmanov O.A. "Rozhdestvenskie stihi" Iosifa Brodskogo [Nativity poems by Joseph Brodsky]. Tver', *TGU*, 2002.
- Hazanova O.Je. Metafora duhovnogo uprazhnenija v rozhdestvenskom stihotvorenii Iosifa Brodskogo [The metaphor of a spiritual exercise in a nativity poem by Joseph Brodsky]. Materialy VII mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii filologicheskogo f-ta MGU "Russkaja literatura XX–XXI vekov kak edinyj process". M., 2020, pp. 148–155.
- 19. Jakobson R. Dva aspekta jazyka i dva tipa afaticheskih narushenij [Two aspects of language and two types of aphatic disorders]. Teorija metafory. M., 1990, pp. 110–132.
- 20. Donne J. Poems of John Donne. Vol. 1. London, 1896.
- 21. Gardner H. Introduction. The metaphysical poets. L., Penguin Classics, 1985.

Поступила в редакцию 13.03.2022 Принята к публикации 30.08.2022 Отредактирована 24.09.2022

> Received 13.03.2022 Accepted 30.08.2022 Revised 24.09.2022

ОБ АВТОРЕ

Хазанова Ольга Эдуардовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры контрастивной лингвистики Института иностранных языков Московского педагогического государственного университета; olga_edwards@inbox.ru

ABOUT THE AUTHOR

Olga Hazanova — PhD, Associate Professor, Department of Contrastive Linguistics, Institute of Foreign Languages, Moscow Pedagogical State University; olga_edwards@inbox.ru

ЛИТЕРАТУРА, КИНО, АДАПТАЦИЯ: РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРЕПОДАВАНИИ КИНО ФИЛОЛОГАМ

Д.О. Немец-Игнашева

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия;

Carleton College, Northfield, Minnesota, USA; dignashe@carleton.edu

Аннотация: Филологи уже не оспаривают медийность литературы. Сегодня обсуждаются возможные подходы к исследованию и преподаванию медийности будущим специалистам. Безусловно плодотворной сферой для изучения медийности литературы является киноадаптация. Однако, помимо базовых навыков анализа словесных текстов и знания истории литературы, для изучения адаптационных практик необходимо знакомство с историей кино в его художественном и техническом аспектах. Оперируя многолетним опытом преподавания кино и киноадапции филологам и не-филологам, автор статьи рассматривает ряд вопросов, возникающих при создании вводных курсов по кино и киноадаптации для филологов, в частности, двух курсов бакалавриата: «Введение в язык кино» и «Введение в анализ киноадаптации». В рамках первого курса слушатели-филологи на базе мировой киноклассики знакомятся с языком кинематографа, методами анализа фильмов и соответствующей терминологией. Цель курса — приобретение базовых навыков прочтения и описания широкого спектра фильмов, принадлежащих разным режиссерам, эпохам и культурным традициям. Второй курс посвящается изучению киноадаптации литературы путем сравнительного анализа различных экранных версий произведений классической прозы, преимущественно малой. По ходу курса слушатели знакомятся с базовыми инструментами для анализа кино-текстов, со различными возможными методами «перекодирования» словесного в кинематографическое, открывают для себя необходимость среди прочего учитывать в анализе факторы технической эволюции кинематографа, исторический контекст, в котором фильм был создан, и влияние предшествующих адаптаций. В статье приводятся примеры последовательного анализа различных киноадаптаций двух повестей — «Белых ночей» Достоевского и «Шинели» Гоголя.

Ключевые слова: адаптация; киноадаптация; киноведение; медийность; медиология; экранизация

Для цитирования: Немец-Игнашева Д.О. Литература, кино, адаптация: размышления о преподавании кино филологам // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 5. С. 169–182.

LITERATURE, FILM, ADAPTATION: RUMINATIONS ON TEACHING FILM FOR PHILOLOGISTS

Diane Nemec Ignashev

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; Carleton College, Northfield, Minnesota, USA; dignashe@carleton.edu

Abstract: Philologists no longer debate literature's mediality. Today's discussions focus on studying and teaching it. An undeniably fertile sphere for this is adaptation. But, in addition to analyzing verbal texts and knowledge of literary history, adaptation studies require familiarity with cinema's history and technologies. Drawing on years of experience teaching film studies and adaptation, the author addresses various complexities of constructing introductory courses, here illustrated specifically by two undergraduate courses: "Introduction to the Language of Cinema" and "Introduction to Film Adaptation." In the former, students acquire basic skills for analyzing film through an introduction to film classics. The course aims to teach students how to read and analyze films from different directors, eras, and cultural traditions. The latter course addresses adaptation through comparative analyses of multiple screen versions of literary classics, primarily short prose. Students acquire basic analytical instruments gradually as they investigate various means of "recoding" the literary into the cinematographic. Simultaneously they discover, among other things, the need to consider factors such as cinema's technological evolution, the historical context in which a film was created, and the influence of prior adaptations. Examples are provided through analyses of two sets of adaptations of Russian literary classics: Dostoevsky's "White Nights" and Gogol's "Overcoat"

Key words: adaptation; film adaptation; literary adaptation; film studies; media studies; mediality

For citation: Nemec Ignashev D.O. (2022) Literature, Film, Adaptation: Ruminations on Teaching Film for Philologists <...>. *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*, no. 5, pp. 169–182.

...если режиссер начинает следить за каждой подробностью экранизируемого текста, то он становится его пленником.

Юрий Норштейн

Киноведение вышло из шинели филологии. Его фундамент заложили литературоведы Эйхенбаум, Тынянов, Шкловский, работы которых легли в основу мировой науки о кино. В статье, написанной в 1975 г., литературовед-киновед Пол Шмидт писал о потенциале теорий формалистов и ранних структуралистов для развития теории кинематографа: «...их понимание фильма как литературы, если ее развить, приводит нас к концепции, о которой мы сейчас очень хорошо осведомлены — о фильме как о «литературе» [Schmidt, 1975: 336]. «Отец» висконсинской школы киноведения Дэвид Бордуэлл

посвятил немало страниц теориям формалистов и структуралистов, в том числе и проблемам упрощенного применения этих теорий к анализу кино. Отметив, что В.Я. Пропп уже многими признан «Аристотелем кинонарратологии», Бордуэлл призвал киноведов внимательнее изучать наследие «русской школы» [Bordwell, 1988: 5]. Сегодня «почти на каждом вводном курсе по кино в США используется четко сформулированный, явно формалистический подход» [Richmond, 2015].

Среди ведущих российских киноведов немало филологов (в том числе выпускников филологического факультета МГУ): от А.В. Брагинского, В.В. Шитовой, А.Г. Образцовой и М.И. Туровской до поколения З.К. Абдулаевой и А.В. Долина. Сегодня связь киноведения и филологии укрепляется. Нельзя не заметить растущего интереса филологов к медийности литературного текста и в целом — к медиологии. Не случаен и тот факт, что в весеннем семестре 2021–2022 гг. на курс «Введение в язык кино» (КПВ на иностранном — английском — языке) записалось свыше сорока третьекурсников русского отделения филологического факультета МГУ, в том числе восемь слушателей из филиала в Шэньчжэне. В анонимном опросе, недавно проведенном на этом курсе, на вопрос, думали ли респонденты написать курсовую или ВКР по медиа, более половины ответили положительно. Для сегодняшнего филолога визуальная грамотность — уже отнюдь не роскошь.

Да и возможности для изучения кино изменились. Многие из нас еще помнят, как, просматривая фильмы в кинотеатрах, мы не имели возможности ни остановить проекцию, чтобы поближе изучить детали мизансцены, ни надеть наушники, чтобы уловить нюансы саундтрека. С изобретением персонального компьютера филологикиноведы все шире стали использовать цифровые технологии и программное обеспечение (например, Adobe Premiere Pro CS5.5 и Apple Final Cut Pro X), позволяющие провести подробнейший анализ аудио- и видеорядов любой «киноленты». При этом сформулированные еще Шкловским «законы кино» не изменились, новые технологии лишь увеличили нашу способность в них разбираться. Закономерно, что цифровая революция последней четверти XX в. сопровождалась «бумом» в развитии кинотеории.

Сближение литературоведения и киноведения можно увидеть в научной биографии исследователей. Сошлюсь на собственный опыт. По образованию я филолог, но моей первой любовью было кино, и в аспирантуре я использовала все возможности, чтобы одновременно получить филологическое и искусствоведческое образование. Однако заниматься профессионально теорией кино — и конкретнее, написать на кафедре славистики диссертацию о связи между кино

и литературой в те дремучие времена было невозможно. Пришлось «смириться» с филологической темой: структура нарратива в малой прозе В. Шукшина [Nemec Ignashev, 1984].

Впоследствии мое второе образование и интерес к междисциплинарным подходам нашли применение, как в американской академической среде (Carleton College, Northfield, Minnesota), так и в российской (филологический факультет МГУ, кафедра общей теории словесности). Поначалу мои попытки сочетать филологию с киноведением ограничивались курсами на кафедре славистики, посвященными советскому и, чуть позже, российско-советскому кинематографу, для студентов-бакалавров самых разных специальностей — от физиков и экономистов до филологов и будущих кинорежиссеров (аналог сегодняшних «межфакультетских курсов» в российских вузах). Позже к этим курсам добавились курсы по теории и истории мирового кино, — тут и пригодилась теоретическая подготовка на стыке филологии и искусствоведения, полученная в аспирантуре. Сейчас у меня за плечами сорокалетний опыт преподавания киноведения и теории адаптации в США и в РФ как филологам, так и не-филологам.

Постепенная моя миграция в киноведение скорее типична, чем исключительна. В 1980–1990-е годы новые стратегии анализа поэтики кино разрабатывали именно филологи, — тому примером работы Ю.М. Лотмана, К. Меца, С. Чэтмена, Ю. Цивьяна, Т. Элсейсера, Р. Стама и Р. Альтмана. Со своей стороны, киноведы, постепенно отходя от преимущественно социологического подхода, стали придавать большее значение формальным структурам фильмов и применять методы лингвистики и литературоведения к анализу кино. В связи с этим стоит отметить Н. Бёрча, Э. Бранигана, Д. Бордуэлла.

Пожалуй, главным бенефициаром технического прогресса и миграции филологов в киноведение была и остается теория киноадаптации. Что касается российского кино, благодаря открытию архивов, внедрению новых технологий и усилиям реставраторов, зрителям было возвращено множество ранее «потерянных» лент, снятых по мотивам литературных произведений в предреволюционной России. В их числе две «Пиковые дамы» (1910, П. Чардынина; 1916, Я. Протазанова), «Страшная месть» и «Ночь перед Рождеством» В. Старевича (1913), «Роман с контрабасом» К. Газена (1911), «Злой мальчик» Чардынина (1918) и др. 1

¹ По-своему замечателен первый художественный фильм, созданный российскими кинематографистами, «Понизовая вольница» (1908), — экранизация фрагмента пьесы В. Гончарова «Понизовая вольница», написанной по мотивам песни Д. Садовникова «Из-за острова на стрежень». На премьере фильма действие на экране сопровождалось исполнением песни хором.

«Возвращение» кинопродукции целой эпохи сделало возможной периодизацию киноадаптационных практик. Оставаясь пока в пределах российско-советского кинематографа, заметим, что советское кино 1920-х годов было значительно беднее на адаптации литературных произведений, чем дореволюционное: с помощью новых кинотехнологий такие новаторы, как Д. Вертов, С. Эйзенштейн, Г. Козинцев, стремились освободить кино от «буржуазной» привязанности к литературной и театральной классике в пользу «кино-вещи» (Щербенок). Тем не менее и двадцатые годы подарили зрителям шедевры адаптации: это «Аэлита» Протазанова (1924), «Шинель» Л. Трауберга и Г. Козинцева (1925) и «Мать» В. Пудовкина. В 1930-е годы на советском экране формальные эксперименты уступили место голливудским наработкам. Основой киноадаптаций стали квазибиографические произведения о героях революции, гражданской войны и коллективизации: «Тихий Дон» О. Преображенской и И. Правова (1930), «Чапаев» братьев Васильевых (1934), «Как закалялась сталь» М. Донского (фильм задуман еще до войны, но вышел в 1942). Из немногих адаптаций литературной классики заслуживают внимание «Пышка» (1934) М. Ромма по мотивам рассказов Мопассана; «Петербургская ночь» (1934) Г. Рошаля и В. Строевой по мотивам повестей Достоевского; «Поручик Киже» (1934) Протазанова, пьесы А. Островского «Бесприданница» того же режиссера (1936) и «Гроза» (1932) В. Петрова. В период Великой Отечественной войны в кинопроизводстве СССР наблюдался резкий спад. Но после войны, когда ожидалось, что каждый советский фильм станет шедевром, и режиссеры коротали ночи в ожидании вызова от недовольного «зрителя номер один» [Kenez, 2001: 187-221], появился особый жанр — киноспектакль. Кинозаписи театральных постановок производились тем более охотно, что, как казалось режиссерам, гарантировали им отсутствие цензурных нареканий и обвинений в формализме.

Паттерны производства кино-адаптаций литературных произведений в СССР отражали политическую реальность. «Оттепель» открыла дорогу лирическому кино — появился новый взгляд на классику. Бесспорными шедеврами стали «Шинель» А. Баталова (1959), «Дама с собачкой» И. Хейфица (1960), «Гамлет» Г. Козинцева (1963), «Война и мир» С. Бондарчука и В. Соловьева (1967), «Анна Каренина» А. Зархи (1967). И все же в процентном отношении адаптации 1960–1970-х годов составляют мизерную долю от общего объема кинопродукции: зритель явно испытывал большую потребность в фильмах, обращенных к актуальным проблемам современности.

Как видно из этого краткого обзора, история киноадаптаций в советско-российском кино имеет свои белые пятна и крутые виражи. Но это богатый материал, ценность которого многократно увеличивается при сравнительном анализе с киноадаптациями, произведенными в Голливуде, Берлине, Будапеште, Варшаве, Лондоне, Париже, Токио, Шанхае и Болливуде (Мумбае). Вместе с тем богатство выбора порождает и неизбежные трудности в составлении учебного курса по этой тематике.

Дизайн любого курса начинается с двух вопросов: 1) Кто его потенциальные слушатели? 2) Каковы цели и задачи курса? Как видно из опыта коллег В.Б. Катаева и П.Ю. Рыбиной, при создании курса для литературоведов следует исходить из того, что слушатели знакомы с традициями мировой литературы, до какой-то степени владеют иностранными языками и имеют опыт формального анализа литературных текстов. Но на каком аналитическом языке обсуждать с ними структуру фильмов? Большинство из тех, кто интересуется киноадаптациями, не имеет опыта такого разбора. Иными словами, необходимо начинать с азов формального анализа кино.

Ответ на вопрос о целях и задачах зависит от ряда «локальных» факторов — в том числе от направления и потребностей конкретной кафедры, факультета или вуза, от уровня (года обучения) слушателей и места предполагаемого курса в учебном плане, от профессиональной подготовки и научных интересов преподавателя. Мои курсы адресованы двум контингентам: филологам и не-филологам. Следовательно, и цели их разные.

Далее мы поговорим о двух курсах для филологов: «введение в язык кино» и «киноадаптация: теория и анализ».

На вводном курсе по языку кино главное — научить слушателей «видеть» и «слышать» и на базе увиденного и услышанного разбирать фильмы разных эпох, жанров и стилей. Программа курса базируется на том, что третьекурсники уже владеют языком анализа литературных текстов. Для этой аудитории отсутствие подходящего пособия по анализу кино на русском языка можно компенсировать презентациями, через которые вводятся базовые аналитические критерии и терминология. Обсуждаемые фильмы — классика мирового кино: они иллюстрируют принципы киноформы и служат дополнительной цели курса — дать слушателям представление о кинематографическом каноне. Вышеупомянутый опрос показал, что 76% респондентов впервые соприкоснулись с такими шедеврами, как «Поездка на луну» Ж. Мельеса, «Гражданин Кейн» О. Уэллса, «Дневник сельского священника» Р. Брессона, «Короткие встречи» К. Муратовой и «Русский ковчег» А. Сокурова.

В отличие от вводного курса, на курсе по киноадаптации мы изучаем исключительно фильмы, созданные по мотивам литературных произведений. Изрядное число экспериментов и просчетов привело меня к следующим выводам: прежде чем говорить об адаптации, нужно проанализировать литературный оригинал и фильм по отдельности; аналитический лексикон для киноведческой дискуссии должен вводиться постепенно; отбор фильмов следует проводить с учетом технического развития кинематографа; целесообразно строить курс на отборе всего нескольких литературных оригиналов, предпочтительно малых жанров; имеет смысл представить две-три адаптации каждого текста. Что до учебных пособий по литературному анализу, можно выбрать любое из тех, которые соответствуют опыту слушателей, жанрам адаптированных текстов и целям курса. Учебного пособия по киноадаптации на русском языке еще нет, поэтому так же, как на вводном курсе, приходится читать небольшие лекции-презентации. Знакомство с теорией киноадаптации ограничивается самыми последними источниками. На английском языке это R. Stam "Literature and Film: A Guide to the Theory and Practice of Film Adaptation" (2005) и L. Hutcheon "A Theory of Adaptation" (2012).

Обратимся к конкретным примерам киноадаптаций, отобранных для курса с учетом всех этих соображений. Речь идет о сравнительном анализе фильмов по двум произведениям русской литературы: «Белые ночи» и «Шинель».

Первую экранизацию «Белых ночей» — фильм «Петербургская ночь» — создали Рошаль и Строева, интегрировавшие эпизоды повести в фабулу «Неточки Незвановой». Режиссеры искали в классике следы революционного движения и не особенно заботились о верности оригиналу. Тем не менее фильм представляет интерес с точки зрения истории кино. Документальные кадры «мест» Достоевского, снятые при естественном вечернем свете, прекрасно передают поэтическую «атмосферу» петербургских белых ночей. Но от примитивности тогдашних средств освещения в павильоне фильм явно пострадал. Атмосферный эффект разрушен также новинкой тех лет — звуком. Авторы с чрезмерным энтузиазмом прибегали к озвучиванию речей, которым навязан политизированный смысл. В фильме присутствуют и другие следы того времени: интертитры, театральная манера актерской игры, механическая смена планов и монтаж. Все это в сочетании с душераздирающими мотивами фоновой музыки («Импровизация для скрипки и фортепиано», Ор.21, Д. Кабалевского, 1934) делает фильм почти невыносимым для неискушенного зрителя. Разумеется, начинать обзор адаптаций

«Белых ночей» с этой ленты не стоит, но клипы пригодятся для обсуждения последующих киноверсий.

После «Петербургской ночи» новые экранизации Достоевского появились лишь к концу 1950-х годов. Для изучения адаптационных практик этого периода показательно прочтение повести Достоевского в одноименном фильме И. Пырьева (1959). Здесь, на первый взгляд, всё в порядке: наррация идет от первого лица; сюжет отличается от повести лишь добавлением еще одной ночи, персонажи отвечают описаниям Достоевского и вписаны в систему амплуа столь любимой писателем оперы: тут есть герой-любовник, шут, инженю, субретка, комическая старуха. Но на этом соответствия кончаются.

Пырьев пришел в кино через мюзикл и Достоевским увлекся только к концу жизни. Отпечаток мюзикла и умаляет ценность его адаптации. Петербургский туман, реальный и метафизический, выветривается в плохо закамуфлированных картонных декорациях павильона. Костюмы персонажей почти карикатурны; игра актеров вычурно-сентиментальна. За кадром не умолкает поток не созвучных эпохе мелодий Рахманинова, Скрябина и Глазунова [Шадронов, 2018]. Вероятно, из мюзикла пришло и досадное решение изобразить разочарованного мечтателя в роли клоуна, который топит свое горе в бутылке водки. Между тем режиссер придумал, казалось бы, остроумный ход для представления грез героя в стиле приключенческого кино: мечтатель появляется сначала в облике всадника на быстром коне, затем средневекового рыцаря, потом паладина, спасающего невольницу в гареме, после — красавца-аристократа [Шадронов, 2018]. Неувязка лишь в том, что мечтатель Достоевского никак не мог бы вообразить себя в рамках клише, сформировавшихся в кинематографе только полвека спустя.

За два года до Пырьева свою адаптацию повести Достоевского предложил Л. Висконти: "Le notti bianche" (1957) с Марчелло Мастроянни и Марией Шелл в главных ролях и с музыкой Нино Роты. Место действия своей туманно-вечерней атмосферностью напоминает фильм Рошаля и Строевой. Эффект нереальности Висконти смог передать, воссоздав в павильоне римского «Киночитти» район города-порта Ливорно. При этом он не только не скрывал, но и подчеркивал искусственность декораций: «Всё должно выглядеть так, как будто это подделка, это должно выглядеть так, как будто это подлелка, это должно выглядеть так, как будто это настоящее» [Faldini, 1979: 379].

Висконти строит сюжет о безнадежной любви между уставшим от жизни мечтателем Марио и Натальей — жизнерадостной эмигранткой из обедневшей благородной семьи. Рассказ Натальи о

возлюбленном занимает всего пятнадцать минут из девяноста семи — ровно столько, сколько нужно, чтобы психологически оправдать ее привязанность к нему. Все приемы Висконти служат созданию портрета «мечтателя», изображению его драмы. И через образ Марио, осознающего свою не-судьбу в тишине под летящим снегом, Висконти завершает адаптацию емким символом стоицизма лишнего человека из русской традиции. Рассказ от первого лица, единственный структурный элемент повести, который Висконти не использовал, только нарушил бы цельность образа и переживания.

После "Le notti bianche" задаешься вопросом: стоит ли в курсе по киноадаптации даже упоминать работу Пырьева? Не лучше ли сосредоточиться на поэтике фильма Висконти? Ответ — едва ли: пренебрежение — привилегия зрителя, а не исследователя. Но дело не только в этом. Спустя полвека псевдо-мюзикл Пырьева вдохновит индийского режиссера Санджая Лилу Бхансали на создание фильма "Saawariya" [Возлюбленная] (2007) — тоже по мотивам «Белых ночей», но в стиле болливудского мюзикла. В фильме сюжет повести легко прочитывается; узнаваемы и персонажи, хотя одеты они в дхоти и сари. Как и положено, в фильме Бхансали действие делится на несколько ночей, и рассказ ведется от первого лица — только теперь уже не мечтателя, а проститутки (не подсмотренной ли у Висконти?) Она рассказывает о простодушном одиноком бродягемузыканте Ранбире Радже. Во время прогулки вдоль каналов, которые здесь похожи скорее на бассейны, Радж знакомится с девушкой Сакиной. С каждой новой встречей его чувство к ней усиливается, но в один из вечеров Сакина рассказывает ему о своем тайном избраннике, в которого она влюбилась, когда тот снимал комнату у бабушки. С этого момента имя возлюбленного (Имаан) повторяется с загадочной настойчивостью, причина которой станет ясной только в конце фильма: Имаан — мусульманин, соединение возлюбленных нарушает запрет на браки между исповедующими разную веру.

«Возлюбленная» — классический болливудский мюзикл для массового зрителя. Костюмы — яркие, локации — подчеркнуто неестественные, актеры — звезды эстрады и экрана. Чем не Пырьев? Более того, на фабульный каркас повести навешаны роскошные хореографические номера; в центральном — участвует кордебалет из нескольких десятков индийских «проституток». Может ли адаптация в поисках контакта с «новым» зрителем более удалиться от оригинала? Но вот парадокс: фильм, по всем критериям обещавший стать блокбастером, провалился, и причина, как объясняют критики, — отсутствие традиционного «хэппи-энда». По правилам Болливуда, Сакина должна была выбрать Раджа. Разочаровывающая концовка, объясняют те же критики, это результат неудачной по-

пытки совместить европейскую ментальность и шаблоны индийского коммерческого кино (Rotten Tomatoes). Получается, что фильм провалился не потому, что исказил оригинал, а потому, что был слишком ему верен.

Итак, с опорой на одну повесть Достоевского нам удается помимо литературоведческих заданий: 1) посмотреть три по-своему увлекательных фильма; 2) проанализировать их формальные компоненты; 3) освоить базовый инструментарий для анализа кино, и 4) исследовать, как на адаптации влияют такие факторы, как законы жанра, опыт режиссера, историко-политическая реальность эпохи создания фильма и фильмы-предшественники². Понимание повести Достоевского от всего этого, надо надеяться, только выигрывает.

Второй пример сравнительного анализа киноадаптаций — четыре интерпретации повести Гоголя: «Шинели» Трауберга и Козинцева, Баталова, "Il cappotto" А. Латуады (1952) и "The Girl in the White Coat" [Девушка в белом пальто] (2011) канадского режиссера Даррелла Васика.

Анализ и здесь начинается с «инвентаризации» особенностей гоголевского текста, которые должны присутствовать в фильме, чтобы он считался адаптацией. Затем каждый из фильмов анализируется как самостоятельный текст. О «Шинели» Трауберга и Козинцева заметим, что сценарий, написанный Тыняновым, содержит сюжетные элементы двух повестей — «Шинели» и «Невского проспекта». В стилевом плане преобладает немецкий экспрессионизм с характерными резкими контрастами и эксцентричными ракурсами в духе «Кабинета доктора Калигари» Р. Вина (1920). Акакий Акакиевич подозрительно похож на Носферату Ф. Мурнау. Признанный шедевр раннего кинематографа, для молодых зрителей фильм может оказаться первым опытом просмотра немого кино, и прежде, чем оценить его как адаптацию гоголевской прозы, необходимо разобраться в особенностях кинематографа той эпохи, когда камеры не двигались, не наклонялись и не вращались, апертуры линз были статичны и монтажные склейки были именно «склейками» (куски кинопленки фиксировались клеем). Разговор о фильме будет также неполным без комментария к актерской игре: в картине Трауберга и Козинцева исполнители работали с опорой на биомеханику Мейерхольда.

«Шинель» Баталова совершенно другая. Фильм прекрасно иллюстрирует лирическую настроенность советского кино времен «от-

 $^{^2}$ K названным выше фильмам можно добавить "Quatre nuits d'un reveur" («Четыре ночи мечтателя» Р. Брессона (1971) и «Кафе Нуар» корейского режиссера Юнга Сон-иля (2009)).

тепели»: освещение мягкое; павильонные локации реалистические; в музыке ненавязчиво звучат мотивы литургического канона; численное соотношение сцен, снятых на улицах Петербурга и в интерьерах, перевернуто. Всё это добавляет действию интимности. Акакий Акакиевич в интерпретации Ролана Быкова приобретает личность; зритель не может не сочувствовать этому «маленькому человеку», который стесняется раздеваться в присутствии шинеливозлюбленной. Если Акакий Трауберга и Козинцева был уродцем, Акакий Быкова и Баталова — юродивый.

Фильм Латтуады "Il cappotto", определенно стоит включить в список анализируемых адаптаций, но и здесь возникают осложнения: картина снята в стиле итальянского неореализма, и это потребует дополнительных объяснений.

Самой впечатляющей из интерпретаций гоголевской «Шинели» для сегодняшнего зрителя, скорее всего, окажется «Девушка в белом пальто» Д. Васика. Режиссер имел минимальное финансирование и снял фильм преимущественно ручной камерой, в реальных локациях, в костюмах, как будто взятых из гардероба самих актеров. Действие перенесено в Монреаль. Башмачкин Васика — это Элиз, франкоговорящая канадка-провинциалка. Как и ее прототип, Элиз работает «с бумагами» (она упаковщица на бумажной фабрике) и еле справляется с работой. Она также существует в обстоятельствах крайней нужды: большая часть ее мизерной зарплаты уходит на содержание парализованного отца. Оставшихся денег едва хватает на оплату комнаты у сварливой старушки-славянки. Элиз унижена не только бедностью — она подвергается дискриминации со стороны англоговорящих. На работе сотрудники издеваются над ней, особая потеха — ее изношенное грязное пальто, подаренное когда-то отцом. Однажды Элиз решается отдать пальто на починку. Добрый портной вместо лохмотьев возвращает ей белое чудо. Заметив обновку, сотрудница приглашает Элиз на вечеринку, но, боясь оставлять пальто без присмотра, владелица шинели уходит. Дальше Васик вводит в сюжет поворот, на который его несомненно вдохновил Баталов. В его версии приободренный своей «новой» шинелью Башмачкин-Быков выходит на Невский. Там его берет за руку девушка в белом пальто — проститутка, избегающая встречи с полицейскими. Польщенный ее жестом Башмачкин уходит с ней в темный переулок, где на него нападают воры. В фильме Васика на следующий день после вечеринки вдруг осмелевшая Элиз, как и Акакий, «выходит в свет» в кафе. Там пальто, оставленное на секунду без присмотра, исчезает. Увидев через окно девушку в белом пальто, Элиз выбегает из кафе и срывает его с девушки. Но пальто оказывается чужим. Ночью измученная совестью Элиз едет по темным пустынным улицам по адресу, найденному в кармане, чтобы отдать его хозяйке. Оказывается, что «девушка в белом пальто» была проституткой, и Элиз попадает в руки ее «клиентов»-садистов. Избитая, изнасилованная, из последних сил Элиз добирается до автобуса и там «испускает дух».

Помимо сюжетного поворота с проституткой, фильм Васика напоминает «Шинель» Баталова множеством деталей и даже физическим портретом Элиз. Во всех отношениях она — одно из «этих забитых существований в нашей действительности», которое Белинский нашел в Акакии Гоголя [Белинский, 1955: 551]. Без интерпретации Баталова, однако, мы вряд ли увидели бы, насколько «вольное» прочтение Васика, по существу, связано с оригиналом. Этот пример свидетельствует о том, что для анализа адаптации как феномена киноискусства традиции кинематографической интерпретации не менее важны, чем литературный оригинал.

Предложенный здесь подход к преподаванию языка кино и киноадаптаций не претендует на исключительность. Медийное измерение литературы — пища для многих умов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. Белинский В.Г. Петербургский сборник // Белинский В.Г. Собр. соч.: В 3 т. Т. III. М., 1948. С. 61–100.
- 2. *Катаев В.Б.* Русская классика и интермедиальность: опыт создания курса // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 3. С. 59–72.
- 3. Лотман Ю.М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин, 1973.
- 4. Лотман Ю.М., Цивьян Ю. Диалог с экраном. Таллин, 1994.
- 5. Норштейн Ю.Б. Снег на траве // Искусство кино. 2003. № 2.
- 6. Поэтика кино (2-е изд.): Перечитывая "Поэтику кино". СПб., 2001.
- 7. *Рыбина П.Ю.* «Литература на экране»: адаптация читательского воображения // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 3. С. 73–82.
- 8. *Тынянов Ю.Н*. Поэтика. История Литературы. Кино // Подг. изд. и комментарии Е.А. Тоддеса, А.П. Чудакова, М.О. Чудаковой. М., 1977.
- 9. *Шадронов С.* «Белые ночи», реж. Иван Пырьев, 1959; «Белые ночи», реж. Леонид Квинихидзе, 1992. URL: https://users.livejournal.com/-arlekin-/3926469.html
- 10. Шкловский В.Б. О законах кино // Новое литературное обозрение. 2014. № 4. С. 149–157.
- 11. *Щербенок А.* Дзига Вертов: диалектика киновещи // Искусство кино. 2012. № 1. № 76–86.
- 12. Altman R. Film/Genre. L., 1999.
- 13. Bordwell D. Poetics of Cinema. N.Y., 2007.
- 14. Bordwell D., Thompson K. Film Art: An Introduction. 11th ed. N.Y., 2011.
- 15. Branigan E. Narrative Comprehension and Film. N.Y., 1992.
- 16. Burch N. In and Out of Synch: The Awakening of a Cine-dreamer. Aldershot, 1991.
- Chatman S. Coming to Terms. The Rhetoric of Narrative in Fiction and Film. Ithaca; N.Y., 1990.
- 18. Elsaesser T. Early Cinema: Space, Frame, Narrative. L., 1990.
- 19. *Faldini F., Fofi G.* (eds.). L'avventurosa storia del cinema italiano raccontata dai suoi protagonisi 1935–1959. Milan, 1979.

- 20. Hutcheon L. A Theory of Adaptation. N.Y., 2012.
- 21. *Kenez P.* Cinema and Soviet Society: From the Revolution to the Death of Stalin. L.; N.Y., 2001.
- 22. *Melville D.* Meet Me Tonight in Dreamland Luchino Visconti and White Nights. Senses of Cinema. URL: https://www.sensesofcinema.com/2017/cteq/29173/
- 23. Metz C. The Imaginary Signifier. [Significant imaginaire] Bloomington, 1982.
- 24. Nemec Ignashev D. Song and confession in the short prose of Vasilij Makarovič Šukšin: 1929–1974. PhD dissertation. University of Chicago, 1984.
- 25. *Richmond S.* The Persistence of Formalism. Open Set, 2015. URL: http://www.open-set.com/s-richmond/essay-clusters/o-s-form-issue/the-persistence-of-formalism/
- Saawariya. Rotten Tomatoes. URL: https://www.rottentomatoes.com/m/10008748-saawariya
- 27. Schmidt P. First Speculations: Russian Formalist Film Theory // Texas Studies in Literature and Language. A Special Russian Issue. 1975. P. 327–336.
- 28. *Stam R*. Subversive Pleasures: Bakhtin, Cultural Criticism and Film. Baltimore, MD, 1996.
- 29. Stam R., Raengo A. (eds.). Literature and Film: A Guide to the Theory and Practice of Film Adaptation. N.Y., 2004.
- 30. Tsivian Iu. Cherchi Usai P. (ed.). Silent Witnesses: Russian Films, 1908–1919. L., 1989.

REFERENCES

- 1. Belinskii V.G. Peterburgskii sbornik. [The Petersburg Collection] *Sobranie sochine-nii v trekh tomakh [Collected Works in Three Volumes]*. V. 3. Moscow: OGIZ, State Publishing House for Literature, 1948, pp. 61–100.
- 2. Kataev V. (2022) Russian Classics and Intermediality: A Course-Building Experience. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 9. Philology, 3, pp. 59–72.
- 3. Lotman Yu.M. Semiotika kino I problem kinoestetiki [The Semiotics of Cinema and Problems of Cinema Aesthetics]. Tallinn: Eesti Raamat, 1973.
- 4. Lotman Yu., Tsyvian Iu. Dialog s ekranom [A Dialogue with the Screen]. Tallinn, "Aleksandra", 1994.
- 5. Norshtein Yu.B. "Sneg na trave." [Snow on the Grass]. Iskusstvo kino. 2003. No. 2.
- 6. "Poetika kino" [The Poetics of Cinema]. 2nd edition. *Perechitivaia "Poetiku kino"* [Rereading the "Poetics of Cinema]. Ed. R.D. Kopylova. SPb, RIIII, 2001.
- 7. Rybina P. (2022) "Li terature on Screen": Adapting the Reader's Imagination. *Vestnik Moskovskogo Universiteta*. *Seriya 9. Philology*, 3, pp. 73–82.
- 8. Tynianov Iu. *Poetika. Istoriia literatury. Kino.* Comp. with commentary E.A. Toldesa, A.P. Chudakov, M.O. Chudakova. Moscow: Nauka, 1977.
- 9. Shadronov S. "Belye nochi", rezh. Ivan Pyr'ev, 1959; "Belye nochi", Leonid Kvini-khidze, 1992. URL: https://users.livejournal.com/-arlekin-/3926469.html
- 10. Shkolovskii V.B. O zakonakh kino [On the Laws of Cinema]. *New Literary Review*. 2014. No. 4, pp. 149–157.
- 11. Shcherbenok A. Dziga Vertov: dialektika knoveshchi [Dziga Vertov: The Dialectics of the Cine-thing]. *Ikusstvo kino*. 2012. No. 1.
- 12. Altman Rick. Film/Genre. London: British Film Institute, 1999.
- 13. Bordwell David. Poetics of Cinema. NY: Routledge, 2007.
- 14. Bordwell David, Thompson, Kristen. Film Art: An Introduction. 11th ed. NY: McGraw Hill, 2011.
- 15. Branigan Edward. Narrative Comprehension and Film. NY: Routledge, 1992.
- 16. Burch Noël. *In and Out of Synch: The Awakening of a Cine-dreamer.* Trans. Ben Brewster. Aldershot, England: *Scolar*, 1991.

- 17. Chatman Seymour. *Coming to Terms. The Rhetoric of Narrative in Fiction and Film.* Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1990.
- 18. Elsaesser Thomas. *Early Cinema: Space, Frame, Narrative*. London: British Film Institute, 1990.
- 19. Faldini Franca, Fofi Goffredo. (eds.). L'avventurosa storia del cinema italiano raccontata dai suoi protagonisti 1935–1959. Milan: Fetrinelli, 1979.
- 20. Hutcheon Linda. A Theory of Adaptation. 2nd ed. N.Y.: Routledge, 2012.
- 21. Kenez Peter. Cinema and Soviet Society: From the Revolution to the Death of Stalin. L.; N.Y.: I.B. Tauris, 2001.
- 22. Melville, David. "Meet Me Tonight in Dreamland Luchino Visconti and White Nights." Senses of Cinema. URL: https://www.sensesofcinema.com/2017/cteq/29173/
- 23. Metz, Christian. *The Imaginary Signifier.* [Significant imaginaire.] Bloomington, IN: Indiana University Press, 1982.
- 24. Nemec Ignashev, D. Song and Confession in the Short Prose of Vasilij Makarovič Šukšin: 1929–1974. PhD dissertation. University of Chicago, 1984.
- Richmond Scott C. "The Persistence of Formalism." Open Set, 2015. URL: http://www.open-set.com/s-richmond/essay-clusters/o-s-form-issue/the-persistence-of-formalism/
- 26. "Saawariya." Rotten Tomatoes. URL: https://www.rottentomatoes.com/m/10008748-saawariya
- 27. Schmidt Paul. "First Speculations: Russian Formalist Film Theory. *Texas Studies in Literature and Language. A Special Russian Issue.* 1975, pp. 327–336.
- 28. Stam Robert. *Subversive Pleasures: Bakhtin, Cultural Criticism and Film*. Baltimore, MD: The Johns Hopkins University Press, 1996.
- 29. Stam Robert, Raengo Alessandra (eds.). Literature and Film: A Guide to the Theory and Practice of Film Adaptation. N.Y.: Wiley-Blackwell, 2004.
- 30. Tsivian Iu. Cherchi Usai P. (ed.). *Silent Witnesses: Russian Films*, 1908–1919. London: British Film Institute, 1989.

Поступила в редакцию 29.04.2022 Принята к публикации 30.08.2022 Отредактирована 20.09.2022

> Received 29.04.2022 Accepted 30.08.2022 Revised 20.09.2022

ОБ АВТОРЕ

Немец-Игнашева Диана — PhD, Class of 1941 Professor of Russian and the Liberal Arts, Carleton College; кафедра общей теории словесности филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; dignashe@carleton.edu

ABOUT THE AUTHOR

Diane Nemec Ignashev — PhD (University of Chicago), Class of 1941 Professor of Russian and the Liberal Arts, Carleton College (Northfield, MN, USA); Department of Communication Studies, Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University; dignashe@carleton.edu

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЭПИТЕТОВ ФОРМУЛ ПРИВЕТСТВИЯ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ПИСЬМАХ XVIII в.

М.А. Геращенко

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; gerashemar@gmail.com

Аннотация: Формулы приветствия являются одной из структурообразующих и самой формализованной частью письма. Эта статья посвящена анализу эпитетов (атрибутивов), входящих в состав приветствия, в немецкоязычных письмах XVIII в., относящихся к жанру научной переписки. В качестве материала использованы письма немецких преподавателей Московского Императорского Университета XVIII в. и их корреспондентов. В центре внимания исследования оказываются структурно-семантические особенности формулы приветствия и роль эпитетов в формировании структуры формулы приветствия. Целью статьи является классификация эпитетов на группы в соответствии с их семантикой и установление структурной позиции каждой из этих групп. Исследование проведено с опорой на научные работы в области изучения немецкой эпистолографической традиции, а также в соответствии со структуралистской методологией. В качестве результата статьи предлагается семантическая классификация эпитетов формул приветствия, обращенных к образованному дворянину. Кроме того, выявлены принципы расположения эпитетов в формуле приветствия относительно друг друга. Приведены некоторые статистические данные, касающиеся возможного количества эпитетов в формулах приветствий. Результаты данного исследования являются необходимой базой для структурно-семантического анализа формул приветствий с учетом всех компонентов, а также для выявления внутренней структуры формул приветствия.

Ключевые слова: эпистолография; жанр письма; формула приветствия; эпитеты; структурный анализ

Для цитирования: *Геращенко М.А.* Структурно-семантические особенности эпитетов формул приветствия в немецкоязычных письмах XVIII в. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 5. С. 183-192.

STRUCTURAL-SEMANTIC FEATURES OF THE EPITHETS IN GREETING FORMULAS IN GERMAN LETTERS OF THE 18TH CENTURY

Maria Gerashchenko

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; gerashemar@gmail.com

Abstract: The greeting formula is an obligatory part of the letter located before the body text. It has a structure-forming function and is one of the most formalized letter parts. The study, based on German letters of the 18th century, exchanged between teachers of Moscow University and their correspondents and related to the genre of scientific correspondence, focuses on the structural and semantic features of greeting formulas and the role of epithets in shaping the structure of the greeting formula. The purpose of the study is to classify epithets according to their semantics and to establish the structural position of each of these groups. The study was carried out based on works in the field of studying German epistolographic tradition and the structuralist methodology. As a result of the study, I can propose a semantic classification of epithets in greeting formulas addressed to an educated nobleman. Furthermore, the analysis shows that epithets from different groups are arranged in regular order according to their semantics. This paper also contains several statistical data concerning the possible number of epithets in greeting formulas.

Key words: epistolography; epistolary genre; greeting formula; structural analysis

For citation: Gerashchenko M.A. (2022) Structural-semantic features of the epithets in greeting formulas in German letters of the 18th century. *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*, no. 5, pp. 183–192.

Формулы приветствия — важная обязательная часть письма, располагающаяся перед его содержательной частью. Наравне с формулами прощания [Schröter, 2016: 26] формулы приветствия являются структурообразующими частями письма, выделяющими письмо в отдельный жанр. Именно такие части подчиняются наиболее строгим правилам этикетной традиции [Wiesinger, 2004: 5–24] и являются наиболее формализуемыми. Помимо структурообразующей функции формулы приветствия обладают и важной коммуникативной функцией: они обозначают взаимное положение адресата и адресанта внутри социальной иерархии, в том числе и внутри академической среды.

Объектом исследования являются эпитеты формул приветствия в немецкоязычных письмах XVIII в., относящихся к научной переписке; предметом исследования — структурно-семантические особенности таких эпитетов. Под эпитетами понимаются атрибутивы, согласующиеся с существительными, обозначающими адресата. Цель работы — классифицировать эпитеты в соответствии с их

семантикой и выявить принципы взаимного расположения эпитетов в формуле приветствия. В научно-исследовательской литературе до сих пор не было представлено исчерпывающего описания структурно-семантического устройства формул приветствия. Попытка такого рода частично представлена в этой работе, которая является первой ступенью исследования структурно-семантического анализа формул приветствий, конечная цель –предложение обобщающей структурной модели формул приветствия. В качестве материала для статьи использованы письма преподавателей Московского университета и их корреспондентов. Для исследования использованы 126 писем, девять из которых цитируются в статье.

Формула приветствия традиционно состоит из двух компонентов: именования адресата (титул, должность и т.п.) и эпитетов, предваряющих его [Patt, 1978: 120]. Например, в формуле "HochEdelgeborner Hochgelarter Herr Professor" Письмо И.И.Ю. Роста Г.Ф. Миллеру. 12 ноября 1761 г.] Herr Professor («Господин профессор») является именованием адресата, т.е. обозначением лица, к которому обращено письмо, а HochEdelgeborner («Высокородный») и Hochgelarter («Высокоученый») — уточняющими эпитетами. Список эпитетов сложился еще в Средневековье и был закреплен в титуляриях [Richardson, 2007: 52]. В них излагаются правила выбора обращений для тех или иных групп адресатов в зависимости от их социального статуса, а также внутри этих групп. В более ранних риториках выделяются также и разные группы среди дворянства [Patt, 1978: 138], к представителям которых нужно обращаться поразному. К рубежу XV-XVI вв. наметилась тенденция к упрощению и унификации формулировок, более того — с XVI в. приветствие постепенно отделялось от остального текста, что касалось как официальных, так и частных писем [Rössler, 2007: 65-90], и поэтому выбор языковых средств, используемых в приветствии, не был связан с тематикой самого письма. К XVIII в. конкретное положение на иерархической лестнице полностью теряет свое значение, более важным оказывается сам факт принадлежности к благородному сословию [Wand-Wittkowsky, 2000: 32]. Формулы приветствия могут также указывать не только на благородное происхождение адресата, но и на его индивидуальные качества или ученость [Murphy, 1981: 210].

Состав эпитетов, используемых в немецкоязычных письмах XVIII в., достаточно велик и разнообразен, что создает возможности

¹ Здесь и далее фрагменты источников печатаются с сохранением авторской орфографии и пунктуации, которые могут отличаться в зависимости от текста, так как в рассматриваемый период еще не была завершена деятельность грамматистов по нормализации литературного языка [Polenz, 2020: 101].

для вариативности формул приветствий [Just, 2015: 341–366]. В исследованных письмах при оформлении приветствия, как правило, используется три эпитета, однако допустимо использование до четырех эпитетов. В имеющемся корпусе текстов 73 из 126 формул приветствия (57,9%) содержит три эпитета, 31 (24,6%) — два эпитета, 22 (17,5%) — четыре эпитета. Использование более четырех эпитетов, вероятно, является невозможным, либо чрезвычайно редким и не зафиксировано в имеющемся корпусе текстов. Исследование корпуса писем позволяет заключить, что выбор эпитетов для конкретной формулы приветствия зависит от личных предпочтений адресанта, но сам эпитет обусловлен эпистолографической традицией, о чем свидетельствует их повторяемость в письмах разных авторов.

Анализ корпуса писем показал, что внутри единого списка эпитетов, использующихся в формулах приветствия, возможно выделить несколько семантических групп. В каждую из них входят эпитеты со схожей семантикой и их варианты, образованные в соответствии с разными словообразовательными моделями (например, однокоренные прилагательные в разных формах сравнения или вариант прилагательного с Hoch- «Высоко-» и без него).

Если говорить о письме, обращенном к образованному дворянину, то на основании анализа текстов можно выделить пять семантических групп эпитетов: 1) указание на благородное происхождение: (Hoch)Wohlgeborner «Высокоблагородный» или Hochedelgeborner «Высокородный»; 2) указание на ученость: (Hoch)gelahrter «Высокоученый»; 3) выражение почтения: Hochzuehrender/Hochgeehrter/Hochgeehrtester «Высокоблагородный/ейший»; 4) указание на личные качества адресата, релевантные для адресанта: (Hoch)geneigter «Высокомилостивый», Gütiger «Благосклонный» и др.; 5) указание на важность адресата для адресанта: Hochzuschätzender / Hochgeschätzter «Высокоценимый» и др. Особенности их функционирования будут рассмотрены ниже (см. примеры 1–9).

При обращении к образованному светскому лицу дворянского происхождения в первую очередь используется эпитет, указывающий на его благородное происхождение. В имеющемся корпусе текстов не зафиксировано свидетельств того, что формула приветствия может существовать без эпитета из этой группы, в связи с чем можно говорить об обязательности этого эпитета.

В качестве эпитета, указывающего на благородное происхождение адресата, обычно используются прилагательные Wohlgeborner или Hochedelgeborner. Анализ текстов показывает, что принципиальных различий между ними нет и они могут использоваться как синонимы при одних и тех же адресанте и адресате. Например, И.И.Ю. Рост при обращении к Г.Ф. Миллеру использует оба этих эпитета:

- (1) HochEdelgeborner $_{|1|}$ Hochgelarter $_{|2|}$ Herr Professor, Hochzuehrender $_{|3|}$ Gönner ^{2} «Высокоблагородный, высокоученый господин профессор, высокопочтенный благодетель!» ^{3} [Письмо И.И.Ю. Роста Г.Ф. Миллеру. 10 февраля 1760 г.]
- (2) Wolgeborner $_{|1|}$ Insonderst Hochzuehrender $_{|3|}$ Herr Professor, Hochzuschätzender $_{|5|}$ Gönner «Благородный, особенно высокопочтенный господин профессор, высокоценимый господин благодетель» [Письмо И.И.Ю. Роста Г.Ф. Миллеру. 26 декабря 1760 г.]

Выбор эпитета обусловлен личными предпочтениями пишущего. И.И.Ю. Рост предпочитает Wohlgeborner (в двадцати девяти письмах 1757–1761 гг. Wohlgeborner встречается 28 раз, а Hochedelgeborner — лишь один). Учитель немецкого языка гимназии Московского университета З.А. Линберг обращается к Г.Ф. Миллеру с помощью этого же эпитета в восьми из восьми своих писем, имеющихся в корпусе:

(3) Wohlgeborner_{|1|} Herr! Insonders Hochzuehrender_{|3|} Herr Professor, und Hochgeneigter_{|4|} Gönner «Благородный господин, особенно высокопочтенный господин профессор и высокоблагосклонный благодетель» [Письмо З.А. Линберга Г.Ф. Миллеру. 13 января 1757 г.].

В то же время профессор Г. Гейнзиус предпочитает эпитет Hochedelgeborner и использует его во всех шестнадцати своих письмах из корпуса:

(4) HochEdelgebohrner $_{|1|}$ Hochgeehrtester $_{|3|}$ Herr Professor Hochgeneigster $_{|4|}$ Gönner «Высокоблагородный, высокопочтенный господин профессор, высокоблагосклоннейший благодетель». [Письмо Г. Гейнзиуса Г.Ф. Миллеру. 21 сентября 1757 г.]

Этот же эпитет использует и профессор И.К. Готтшед из Германии при обращении к Г.Ф. Миллеру:

(5) Hochedelgebohrner $_{|1|}$, insonderst Hochzuehrender $_{|3|}$ Herr, Hochgeschätzer $_{|5|}$ Gönner «Высокоблагородный, особенно высокочтимый господин, высокоценимый благодетель» [Письмо И.К. Готтшеда Г.Ф. Миллеру. 3 ноября 1757 г.].

Таким образом, указание на благородное происхождение адресата можно считать обязательной составляющей формулы приветствия, однако выбор конкретного эпитета является личным выбором адресанта в каждом конкретном случае. Допустимо как использование разных эпитетов одним адресантом (см. примеры 1 и 2), так

³ Здесь и далее перевод автора.

² Здесь и далее примеры размечены в соответствии со способом описания формул приветствия, предложенном в статье. Все обозначения будут разъяснены в последующем тексте статьи. Превентивное использование еще не разъясненных обозначений необходимо, так как в дальнейшем приведенные примеры будут служить иллюстративным материалом.

и использование разных эпитетов по отношению к одному адресату (см. примеры 1–5). Допустимо также использование разных эпитетов одним адресантом по отношению к одному и тому же адресату (см. примеры 1 и 2). Возможности такого использования эпитетов показывают, что выбор того или иного эпитета не зависит от нюансов сословного положения адресанта или адресата относительно друг друга.

Помимо обязательного эпитета, демонстрирующего благородное происхождение, в письмах используются и другие эпитеты, указывающие на иные аспекты личности адресата: его положительные качества по отношению к адресанту, интеллектуальные и нравственные достоинства. Как было замечено выше, в одной формуле приветствия не употребляется больше четырех эпитетов, в то время как выделяемых семантических групп пять. По этой причине использовать в одной формуле приветствия эпитеты из каждой группы вряд ли возможно. У автора письма, таким образом, появляется свобода выбора: эпитеты из какой группы использовать, а из какой — нет. Несмотря на эту свободу, избранные им эпитеты должны быть упорядочены определенным образом.

Анализ материала показывает, что, во-первых, в формуле приветствия не принято использовать несколько эпитетов из одной семантической группы: во всех письмах корпуса в формулах приветствия используются исключительно эпитеты из разных групп. Во-вторых, можно выявить строгий порядок, в котором располагаются эпитеты разных групп. Если предположить, что в письме, обращенном к образованному дворянину, будут использованы эпитеты из всех возможных групп, последовательность эпитетов окажется такой:

- [1] Указание на благородное происхождение;
- [2] Указание на ученость;
- 3 Выражение почтения;
- [4] Указание на личные качества адресата, релевантные для адресанта;
  - [5] Указание на важность адресата для адресанта.

Эпитеты, используемые в каждой конкретной формуле приветствие, располагаются именно в таком порядке, что было выявлено при анализе текстов корпуса. Например, если в формуле приветствия есть эпитет из группы [5], то он всегда будет на последнем месте и не сможет предшествовать эпитетам из других групп. Другими словами, эпитет, относящийся к группе с меньшим номером, всегда будет располагаться ближе к началу формулы приветствия, чем эпитет из группы с большим номером.

Тенденция к подобному расположению эпитетов наблюдается в письмах различных авторов. Рассмотрим конкретные примеры функционирования эпитетов:

(6) Х.Г. Келлнер — Г.Ф. Миллеру: Hochedelgebohrner_{|1|}, Hochgelahrter_{|2|}, Insonders Hochgeehrtester_{|3|} Herr Professor! «Высокоблагородный, высокоученый, особенно высокопочтеннейший господин профессор!» [Письмо Х.Г. Келлнера Г.Ф. Миллеру. 4 января 1758 г.]

В этой формуле использовано три эпитета в следующем порядке: указание на благородное происхождение [1], указание на ученость [2], указание на почтение [3], пункты [4] и [5] отсутствуют.

(7) Г. Гейнзиус — Г.Ф. Миллеру: Hochedelgebohrner $_{|1|}$ Herr, Hochzuehrender $_{|3|}$ Herr Professor, Hochgeneigtester $_{|4|}$ Gönner «Высокоблагородный господин, высокопочтенный господин профессор, высокоблагосклоннейший благодетель!» [Письмо Г. Гейнзиуса Г.Ф. Миллеру. 9 мая 1758 г.]

В этой формуле также использовано три эпитета: указание на благородное происхождение |1|, эпитет |2| отсутствует, поэтому на втором месте оказывается эпитет |3| — указание на почтение адресата, на третьем месте располагается эпитет |4|, пункт |5| отсутствует.

(8) ^{1} И.И.Ю. Рост — Г.Ф. Миллеру: Wolgeborner $^{[1]}$ Insonderst Hochgeehrter $_{[3]}$ Herr Professor Geneigter $_{[4]}$ und Hochgeschätzter $_{[5]}$ Herr Vatter «Благородный, особенно высокоученый господин профессор, милостивый и высокоценимый господин отец» [Письмо И.И.Ю. Роста Г.Ф. Миллеру. 12 ноября 1761 г.]

В этом случае использовано четыре эпитета: указание на благородное происхождение |1|, пункт |2| отсутствует, указание на почтение |3|, указание на милость |4|, указание на ценность адресата для адресанта|5|.

(9) И.К. Готтшед — Г.Ф. Миллеру: Hochedelgebohrner $_{|1|}$ und Hochgelahrter $_{|2|}$ insonders Hochzuehrender $_{|3|}$ Herr Professor, Hochgeneigter $_{|4|}$ Gönner «Высокоблагородный и высокоученый, особенно высокопочтенный господин профессор, высокомилостивый благодетель» [Письмо И.К. Готтшеда Г.Ф. Миллеру. 9 мая 1758 г.]

В этой формуле использованы четыре эпитета — |1|, |2|, |3|, |4|.

Приведенные примеры показывают, что эпитеты образуют систему, определяющую их положение в структуре формулы приветствия. Формулы приветствия из имеющегося корпуса писем, следуют единому принципу взаимного расположения эпитетов и демонстрируют одну и ту же последовательность эпитетов разных семантических групп. В то же время строго исполняется принцип «из одной группы — один эпитет». Ни в одной из проанализированных формул приветствия не было обнаружено использование нескольких эпитетов из одной семантической группы.

Несмотря на строгое исполнение этих двух принципов, при составлении формулы приветствия допустима некоторая вариативность. Так, анализ материала позволяет предположить, что количество эпитетов, выбор той или иной семантической группы (помимо обязательного указания на благородное происхождение), выбор конкретного эпитета из каждой семантической группы, выбор словообразовательной модели определяется личным предпочтением автора.

Итак, приветствие — самая формализованная часть письма, подчиняющаяся строгим правилам, и выбор эпитетов в ней обусловлен сложившейся традицией. Все зафиксированные в материале исследования эпитеты можно разделить на несколько групп, исходя из их семантики. В одной формуле приветствия, как правило, используется не более одного эпитета из семантической группы. При этом эпитеты из соответствующих групп располагаются в строго определенном порядке: 1) указание на благородное происхождение; 2) указание на ученость; 3) указание на почтение; 4) указание на личные качества адресата, релевантные для адресанта; 5) указание на важность.

Материал показывает, что в одной формуле приветствия не используются эпитеты из сразу всех возможных групп. Возможно использование до четырех эпитетов, чаще всего используется три. Наличие эпитета из группы 1 является обязательным, однако адресант может выбирать конкретный эпитет из этой группы. Остальные эпитеты – личный выбор адресанта, не имеющий строгой корреляции с темой письма и нюансами отношений адресата и адресанта. Проведенный анализ позволяет предположить, что в зависимости от своих предпочтений адресант может использовать или не использовать эпитеты той или иной группы.

Таким образом, автор формулы приветствия обладает достаточно большой свободой в выборе эпитетов из разных семантических групп, а также в выборе конкретных лексических единиц, но общая структура формул приветствия подчиняется достаточно твердым принципам.

источники

Источником материала является собрание Российского государственного архива древних актов (г. Москва), фонд № 199 (Портфели Г.Ф. Миллера).

- 1. Письмо З.А. Линберга Г.Ф. Миллеру. 13 января 1757 г.
- 2. Письмо Г. Гейнзиуса Г.Ф. Миллеру. 21 сентября 1757 г.
- 3. Письмо И.К. Готтшеда Г.Ф. Миллеру. 3 ноября 1757 г.
- 4. Письмо Х.Г. Келлнера Г.Ф. Миллеру. 4 января 1758 г.
- 5. Письмо Г. Гейнзиуса Г.Ф. Миллеру. 9 мая 1758 г.
- 6. Письмо И.К. Готтшеда Г.Ф. Миллеру. 9 мая 1758 г.

- 7. Письмо И.И.Ю. Роста Г.Ф. Миллеру. 10 февраля 1760 г.
- 8. Письмо И.И.Ю. Роста Г.Ф. Миллеру. 26 декабря 1760 г.
- 9. Письмо И.И.Ю. Роста Г.Ф. Миллеру. 12 ноября 1761 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. Wand-Wittkowski Ch. Brief in Mittelalter. Der deutschsprachige Brief als weltliche und religiöse Literatur. Herne, 2000.
- 2. Polenz P. Geschichte der deutschen Sprache. 7. Auflage. De Gruyter. Berlin, 2020.
- 3. Schröter Ju. Abschied nehmen. Veränderungen einer kommunikativen Kultur im 19. und 20. Jahrhundert. Berlin u. Boston, 2016.
- Wiesinger P. Zur Pragmatik in österreichischen Adeligenbriefen des 16. Jahrhunderts am Beispiel von Anrede- und Grußweisen // Sprachgebrauch von Frauen in ihren eigenen Texten. Bausteine zu einer Geschichte des weiblichen Sprachgebrauchs. Bd. 6. Hg. v. Gisela Brandt. Stuttgart, 2004. S. 5–24.
- 5. Patt W.D. The Early Ars Dictaminis as Response to a Changing Society // Viator (9), 1978.
- Richardson M. The Ars dictaminis, the Formulary and Medieval Epistolary Practice // Letter-writing Manuals from Antiquity to the Present / Ed. C. Poster, L. Mitchell. Columbia, 2007. P. 52–67.
- Rössler P. Makrostrukturen in österreichischen Adeligenbriefen vom 16. bis ins 18. Jahrhundert // Textsorten und Textallianzen vom 16. bis zum 18. Jahrhundert. Beiträge zum Internationalen Sprachwissenschaftlichen Symposion in Wien, 2007.
- 8. Murphy J.J. Rhetoric in the Middle Ages: A History of Rhetorical Theory from St. Augustine to the Renaissance. Berkeley; Los Angeles; London, 1981.
- 9. Just A. Stilistische Konstanz und Varianz von Frauenbriefen aus dem 16. und 17. Jahrhundert am Beispiel der Salutatio // Wirksame Rede im Frühneuhochdeutschen: Syntaktische und textstilistische Aspekte. Hg. v. Dana Dogaru u. Britt-Marie Schuster. Hildesheim u. a., 2015. S. 341–366.

LETTERS

- 1. S. Linberg G.F. Müller. January 13, 1757
- 2. G. Heinsius G.F. Müller. September 21, 1757
- 3. J.Ch. Gottshed G.F. Müller. November 3, 1757
- 4. Ch.G. Köllner G.F. Müller. January 4, 1758
- 5. G. Heinsius G.F. Müller. Müller. May 9, 1758
- 6. J.Ch. Gottshed G.F. Müller.. May 9, 1758
- 7. J.J.J. Rost G.F. Müller. February 10, 1760
- 8. J.J.J. Rost G.F. Müller. December 26, 1760
- 9. J.J.J. Rost G.F. Müller. November 12, 1761

REFERENCES

- Wand-Wittkowski Ch. Brief in Mittelalter. Der deutschsprachige Brief als weltliche und religiöse Literatur. Herne, 2000.
- 2. Polenz P. Geschichte der deutschen Sprache. 7. Auflage. De Gruyter, Berlin, 2020
- 3. Schröter, Juliane. Abschied nehmen. Veränderungen einer kommunikativen Kultur im 19. und 20. Jahrhundert. Berlin u. Boston, 2016.
- 4. Wiesinger P. Zur Pragmatik in österreichischen Adeligenbriefen des 16. Jahrhunderts am Beispiel von Anrede- und Grußweisen. Sprachgebrauch von Frauen in ihren ei-

- genen Texten. Bausteine zu einer Geschichte des weiblichen Sprachgebrauchs. Bd. 6. Hg. v. Gisela Brandt. Stuttgart, 2004, ss. 5–24.
- 5. Patt W.D. The Early Ars Dictaminis as Response to a Changing Society. Viator (9), 1978.
- 6. Richardson M. The Ars dictaminis, the Formulary and Medieval Epistolary Practice. Letter-writing Manuals from Antiquity to the Present. Ed. C. Poster, L. Mitchell. Columbia, 2007, pp. 52–67.
- 7. Rössler P. Makrostrukturen in österreichischen Adeligenbriefen vom 16. bis ins 18. Jahrhundert. Textsorten und Textallianzen vom 16. bis zum 18. Jahrhundert. Beiträge zum Internationalen Sprachwissenschaftlichen Symposion in Wien, 2007.
- 8. Murphy J.J. Rhetoric in the Middle Ages: A History of Rhetorical Theory from St. Augustine to the Renaissance. Berkeley; Los Angeles; London, 1981.
- 9. Just A. Stilistische Konstanz und Varianz von Frauenbriefen aus dem 16. und 17. Jahrhundert am Beispiel der Salutatio. Wirksame Rede im Frühneuhochdeutschen: Syntaktische und textstilistische Aspekte. Hg. v. Dana Dogaru u. Britt-Marie Schuster. Hildesheim u. a., 2015, ss. 341–366.

Поступила в редакцию 15.06.2022 Принята к публикации 30.08.2022 Отредактирована 21.09.2022

> Received 15.06.2022 Accepted 30.08.2022 Revised 21.09.2022

ОБ АВТОРЕ

Геращенко Мария Александровна — аспирант кафедры германской и кельтской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; gerashemar@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Maria Gerashchenko — PhD Student, Department of Germanic and Celtic Philology, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; gerashemar@gmail.com

ИЗ АРХИВА

ПИСЬМО АННЫ ВАСИЛЬЕВНЫ ГОГОЛЬ ВЛАДИМИРУ ИВАНОВИЧУ ШЕНРОКУ

А.Л. Лифшиц

Высшая школа экономики, Москва, Россия; alifshits@hse.ru

Аннотация: Статья посвящена письму, обнаруженному в сборнике-конволюте из собрания Научной библиотеки Московского государственного университета. Анализ содержания позволяет установить автора и адресата послания, дату и обстоятельства его написания. В статье публикуется текст письма с подробными комментариями. Делаются выводы о существовании переписки между биографом Гоголя В.И. Шенроком и Анной Васильевной Гоголь — сестрой писателя, о характере их отношений, об особенностях работы Шенрока над биографией Гоголя, в частности – о поездке к потомку и хранителю архива Трощинских и о небрежности историка при проверке сведений. А.В. Гоголь показана как хранитель семейной памяти. Благодаря письму устанавливаются отдельные факты биографии родственников Гоголя, подробности частной жизни двоюродного дяди писателя — генерала А.А. Трощинского. Делаются предположения о пути попадания эпистолярного документа в книгу, в связи с чем рассматривается частный случай из истории формирования фондов библиотеки Императорского Московского университета.

Ключевые слова: Н.В. Гоголь; Анна Васильевна Гоголь; В.И. Шенрок; биография писателя; история науки; история Московского университета

Финансирование: Работа выполнена в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики» в рамках проекта «Семиотика книжного и некнижного текста – славянский мир между Западом и Востоком».

Для цитирования: Лифшиц А.Л. Письмо Анны Васильевны Гоголь Владимиру Ивановичу Шенроку // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 5. С. 193–204.

A LETTER FROM ANNA VASILIEVNA GOGOL TO VLADIMIR IVANOVICH SHENROK

Alexander Lifshits

National Research University HSE University, Moscow, Russia; alifshits@hse.ru

Abstract: The article is devoted to a letter found in a volume from the collection of the Scientific Library of Moscow State University. Ten small editions and offprints

dedicated to Gogol were enclosed in one binding at the beginning of the 20th century. As a result of the analysis of the content, it was possible to establish the author and the addressee of the message, as well as the date and circumstances of its writing. Nikolai Gogol's sister Anna responds to the writer's biographer Vladimir Shenrok after receiving a magazine with his article "Gogol's Parents" (1889). The letter contains previously unknown facts about the writer's relatives: household nicknames, the name of the writer's aunt's husband, etc. The letter shows that there was a correspondence between Shenrock and Anna Gogol: the writer's sister acts as a keeper of family memory, helps the biographer in collecting materials, notes inaccuracies and errors in his work. Anna Vasilievna remembers many details of past life, which seem important to her, but not to her correspondent: Shenrock sometimes refrains from correcting obvious mistakes in his opus. The article also touches upon the history of the letter getting into the book. The biographer's son, Aleksey Shenrok, worked at the Moscow University library in the 1920s and probably put the letter in the book in the hope that one day the letter would be found by the reader. The letter is published with detailed comments.

Key words: Nikolai Gogol; Anna Vasilievna Gogol; V.I. Shenrock; biography of the writer; history of science; history of Moscow University

Funding: The work was performed at the National Research University Higher School of Economics within the project "Semiotics of book and non-book text — the Slavic world between East and West".

For citation: Lifshits A.L. (2022) A Letter From Anna Vasilievna Gogol To Vladimir Ivanovich Shenrok. *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*, no. 5, pp. 193–204.

Среди находок, которые могут быть сделаны в библиотеке, не последнее место занимают разнообразные вложения в книгах. Все они — свидетельства минувшей жизни, но некоторые бывают весьма примечательны и могут рассказать многое о владельце или читателе¹. Редкие же — оказываются ценнейшими источниками, имеющими самостоятельное значение.

В собрании Научной библиотеки МГУ хранится конволют², включающий десять частей, каждая из которых посвящена Н.В. Гоголю, чем и оправдано их соединение под одним переплетом³. Зна-

¹ См., например: [Ленчиненко, 2018].

² Шифр 5Qi 1538.

³ В состав конволюта входят следующие издания и журнальные вырезки: Кирпичников А.И. Опыт хронологической канвы к биографии Н.В. Гоголя и приложения к ней. М., 1902; Каллаш В.В. Н.В. Гоголь и его письма. М., 1902; Н.В. Гоголь. Речи, посвященные его памяти, в Публичном соединенном собрании Отделения русского языка и словесности, Разряда Изящной словесности Императорской Академии наук и Историко-филологического факультета Императорского С.-Петербургского университета, 21 февраля 1902 года. СПб., 1902; Ги-

чительная часть включенных в том изданий была напечатана в 1902 г., когда широко отмечалось 50-летие со дня смерти писателя. На труде Д.И. Тихомирова есть дарственная надпись автора филологу, профессору Московского университета Николаю Ильичу Стороженко (1836–1906)⁴. Владельческая подпись самого Стороженко стоит на титульном листе работы В.А. Гиляровского и над статьей А.Н. Веселовского. Известно, что университетская библиотека активно пополнялась за счет разного рода пожертвований, среди которых было и книжное собрание Н.И. Стороженко, переданное после его смерти в дар наследниками профессора⁵.

На титульных листах некоторых частей, в том числе и на изданиях, принадлежавших Н. И. Стороженко, стоит овальный фиолетовый штамп «Библіотека филологических семинарій $\mathbb{N}^{\circ}$ », которые нередко можно видеть на книгах старого (дореволюционного) фонда Научной библиотеки МГУ. Похоже, что в библиотеке учебного заведения для большей сохранности разрозненные брошюры и вырезки сходной тематики были сшиты вместе и заключены в простой картонный переплет.

В том оказалось вложено письмо⁶, написанное на четырех небольших страничках (двойной листок) отнюдь не каллиграфическим почерком второй половины XIX в., но вполне читаемое, с обилием восклицательных знаков там, где они, как кажется, вовсе не требуются. Письмо не имеет даты, оно адресовано Владимиру Ивановичу и подписано одной буквой А. Однако фамилии, имена и годы, названные в письме, не оставляют сомнений по поводу содержания послания и его автора.

ляровский В.А. На родине Гоголя (Из поездки по Украйне). М., 1902; Н.В. Гоголь в русской поэзии: Сб. стихотворений / Сост. В.В. Каллаш. М., 1902; Кирпичников А.И. М.П. Погодин и Н.В. Гоголь (1832–1852) // Русская старина. 1901. Т. 105. Январь. С. 79–96; Веселовский А.Н. «Мертвые души»: глава из этюда о Гоголе // Вестник Европы. 1891. № 3. С. 68–102; Тихомиров Д.И. О жизни Николая Васильевича Гоголя и его бессмертных сочинениях: Чтение для школ и народа / Сост. Д.И. Тихомиров. М., 1902; Кирпичников А.И. Сомнения и противоречия в биографии Гоголя (Комментарий к биографической канве). [Вып.] ІІ. СПб., 1901; Я. [Языков Д.Д.] О памятнике Н.В. Гоголю в Москве // Русская мысль. 1890. Кн. VII (Июль). С. 108–112 (2-й пагинации).

⁴ Вице-президент Нового Шекспировского общества Н.И. Стороженко был любим учениками и коллегами; он удостоился множества прочувствованных некрологов, а также посвященного ему сборника; Памяти Н.И. Стороженка. М., 1909.

⁵ Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1906 год. Ч. 1. М., 1907. С. 71.

 $^{^6}$ В настоящее время письмо хранится в Отделе редких книг и рукописей НБ МГУ и имеет шифр: Рук. 891.

На л. 1 об. имя Дмитрий Прокофьевич⁷ соседствует с не самой распространенной фамилией Косяровская⁸ (в письме — Косировская), и этого уже достаточно, чтобы предположить, что текст письма касается окружения Николая Васильевича Гоголя. Упоминание Марии Ильиничны Косяровской как «матери матери» и указание на даты жизни не названного в письме по имени брата: смерть в 1852 (л. 1) и рождение в 1809 году (л. 2) – окончательно рассеивают все сомнения, а заодно позволяют установить автора письма. Буквой А могла подписаться только Анна Васильевна Гоголь (1821–1893), одна из сестер писателя.

Обстоятельства появления письма восстанавливаются из содержания документа. Они же позволяют со всей определенностью назвать его адресата: подробности, которые касаются семьи Н.В. Гоголя, предполагаемая заинтересованность в них получателя послания, публикация, послужившая поводом к написанию письма, — позволяют установить, что Владимир Иванович, к которому письмо обращено, это В.И. Шенрок (1853–1910), автор важных работ, посвященных биографии писателя.

О том, как письмо попало в книгу, можно лишь гадать. Очевидно только, что конволют, в котором было обнаружено письмо, не принадлежал биографу Гоголя. Правдоподобным кажется, что письмо мог вложить в книгу кто-то из читателей, кто имел отношение к университету и Владимиру Ивановичу Шенроку. На филологическом отделении с разницей в три года учились сыновья историка: Сергей (1891–1918)⁹ и Алексей (1893–1968) — оба по-своему незаурядные люди. При этом — Алексей Владимирович Шенрок по окончании филологического отделения до принятия диаконского сана и последовавших в 1932 году ареста и ссылки¹⁰ некоторое время был

⁸ Отставной поручик лейб-гвардии Измайловского полка, впоследствии почтмейстер и надворный советник Иван Матвеевич Косяровский — дед Гоголя по матери.

⁷ Это имя носил самый известный, наверное, представитель рода — Дмитрий Прокофьевич Трощинский (1749–1829), кабинет секретарь Екатерины II, министр юстиции в царствование Александра I, крупный землевладелец.

⁹ Алфавитный список студентов и сторонних слушателей Императорского Московского университета за 1912–1913 академический год. М., 1913. С. 536. Сергей Шенрок был участником «Ритмического кружка» Андрея Белого [Малмстад, 2004: 138].

¹⁰ База данных «За Христа пострадавшие». URL: http://martyrs.pstbi.ru/bin/code.exe/frames/m/ind_oem.html/charset/ans (дата обращения: 27.04.2022); Соль земли / Сост. С.В. Фомин. М., 1998. С. 281, 298. В течение долгого времени диакон Алексей Шенрок служил и похоронен в Самарканде, где он одновременно преподавал немецкий язык и латынь в Узбекском государственном университете. История храма св. вмч. Георгия Победоносца. URL: http://hram-alekseevskii.ru/istoriya-xrama-sv-vmch-georgiya-pobedonosca/ (дата обращения: 27.04.2022).

сотрудником библиотеки Московского университета, занимая в том числе должность заведующего отделом периодических изданий имел, кажется, больше, чем кто бы то ни было, возможностей вложить письмо в книгу, чтобы оно могло быть найдено заинтересованным читателем.

Само же письмо оказывается ценным свидетельством по истории семьи Н.В. Гоголя, сообщая нам некоторые неизвестные ранее факты, и по истории изучения биографии писателя в конце XIX столетия.

Текст документа приводится в современной графике с сохранением орфографических особенностей оригинала; отражены авторские подчеркивания; двумя косыми чертами отмечаются границы листов, сокращенные части слов даны в угловых скобках (замечу, что некоторые слова и сокращения удалось прочесть только после установления общего контекста письма):

Многоуважаемый

Владимир Иванович.

Сей час получила Ист<орический> Вест<ник> и, прочтя, сейчас же пишу вам под первым впечатлением! Портрет вышел очень дурно! Разве нельзя было делать фотографический снимок? Впрочем, это, вероятно, дорого стоит?

Потом подписано — 1852 год, но это не было в год смерти брата, а позднее года на два! Важных неточностей нет, а мелочи. На пр<имер>, белянкой назвала мать не тетка, а Трощ<инская> Ольга Дмитриевна, которая любила давать названия своим близким // На пр<имер>, Дмитрия Прокофьевича звала жемчужиной, оттого что у него были седые белые волосы. Мужа звала гранаткой (смуглый брюнет) и целова<ла>его кокетливо свозь кружево!

Потом, по словам А.С. Дан<илевского>, отец был красивее сына, но я слышала, что он очень некрасив, оттого и дети все были некрасивые, особенно я на него похожа, по словам матери.

В одном месте упоминается мать матери, назв<анная> Марья Алекс<еевна> Шостак, а надо Марья Ильинична Косировская, рожд<енная> Шост<ак>. Потом по поводу Коси//ровских, Петра и Павла: у них был еще брат Иван и сестра Варвара Петровна, которая была замуж<ем> за Березиным. И теперь ея сын в 50 лет начал писать, прислал мне три тома стих<ов>, пов<естей> и романов. И потом еще сказано, что родители венчались в 1808 г. Но у них было двое не живых детей, и только оттого они переехали в Сороч<инцы> к доктору при рождении брата в 1809 году. Стало быть, они венчались в 6-м или 1807 году. Потом // сказано, что хотя любил мать, но был резок иногда, но это только в письмах! Но это не важно, а я просто вздумала при чтении

 $^{^{11}}$ Отчет 1-го Московского Государственного университета за 1925–26 г. М.: Изд. 1-го МГУ, 1927. С. 36.

сделать эти заметки, авось это вам пригодится. Не знаю, писала ли я вам, что Дмит<рий> Анд<реевич> Трощинский, у которого были с вами, недавно умер в Ялте! В точности не знаю его болезни!

Извините за обыкновенную небрежность письма, лень переписывать. Искрено(!) преданн<ая> и всегда готовая к услугам А.

Текст письма нуждается в комментариях.

В 1889 г. в двух первых номерах журнала «Исторический вестник» были опубликованы материалы о семье и родителях Н.В. Гоголя [Шенрок, 1889]. Судя по содержанию письма, Анна Васильевна получила и январский, и февральский номера журнала и незамедлительно откликается на них.

В январском выпуске в качестве фронтисписа был помещен портрет матери Гоголя Марии Ивановны Гоголь-Яновской, урожденной Косяровской (1791–1868), которым Анна Васильевна осталась недовольна. Под портретом действительно указано: «С портрета, сделанного в 1852 году», и обозначено цензурное «дозволение» от 28 декабря 1888 г. Напечатанный портрет М.И. Гоголь был выполнен Василием Васильевичем Матэ (1856–1917), известнейшим гравером и педагогом, автором многочисленных работ, печатавшихся в журналах и популярных хрестоматиях¹². Портрет, вероятно, гравировался с фотографии Марии Ивановны, но также нельзя вовсе исключить, что оригиналом послужил неизвестный нам живописный портрет¹³.

Анна Васильевна замечает, что прозвище «белянка» Мария Ивановна получила не от «тетки», как пишет Шенрок ¹⁴, а от Ольги Дмитриевны Трощинской (1805–??), урожденной Кудрявцевой ¹⁵, которая была замужем за племянником Дмитрия Прокофьевича Трощинского Андреем Андреевичем. Несмотря на замечания Анны Васильевны Гоголь, в последующей публикации В.И. Шенрок изменил лишь последовательность слов [Шенрок, 1892: 39], сочтя, вероятно, возражения несущественными. Однако генерал-майор Андрей Андреевич Трощинский (1774–1852) в действительности приходился Марии Ивановне двоюродным братом: мать Андрея Андреевича Анна (Ганна) Матвеевна была родной сестрой деда Гоголя

 $^{^{12}}$ См.: *Лазаревский И.И.* Василий Васильевич Матэ, 1856–1917. М.; Л., 1948; Федорова В.И. В.В. Матэ и его ученики. Л., 1982.

¹³ Среди портретных изображений матери писателя, представленных на выставке, приуроченной к 50-летию со дня его смерти, живописного портрета М.И. Гоголь не было [Каталог, 1902: 10].

¹⁴ «...получившая впоследствии от тетки своей Трощинской за нежный цвет лица прозвание белянки...» [Шенрок, 1889: 122].

¹⁵ Ольга Дмитриевна приходилась родной внучкой последнему польскому королю Станиславу Августу Понятовскому; см.: [Ореус, 1882: 683, примеч.].

Ивана Матвеевича Косяровского. Таким образом, Ольга Дмитриевна Трощинская могла быть названа теткой Гоголя, но никак не теткой Марии Ивановны.

Прозвище «гранатка», которым Ольга Дмитриевна наградила своего мужа, в отличие от понятного и вполне комплиментарного «названия», присвоенного Дмитрию Прокофьевичу Трощинскому, требует объяснений. К сожалению, ни одно не кажется мне в настоящее время безупречным. *Гранаткой* могли называть гранатовое дерево — Punica granatum ¹⁶, но его сложно связать с цветом волос и смуглостью лица А.А. Трощинского, который на миниатюрном двойном портрете с супругой действительно предстает выразительным брюнетом [Портретная миниатюра, 1986: 304; Кибовский, 2007: 150]. Как и название «алтайского репейника», которое приводит Петр Паллас¹⁷. Слово *гранатка* может быть деминутивом от *грана*та— 'чугунный разрывной снаряд' 18. В этом случае Анна Васильевна ассоциирует прозвище с цветом черного чугуна. Вполне возможно, впрочем, что традиционно приписываемый брюнетам взрывной темперамент также мог иметься в виду. Гранаткой, или гренадкой называлось также изображение воспламененной гранаты на кокардах, пуговицах и других предметах воинской амуниции, которые Ольга Дмитриевна могла видеть на мундире своего мужа¹⁹. Едва ли значение 'куриное яйцо', которое с пометой «рязанское» указывает В.И. Даль²⁰, или 'воздушный змей' и 'зонтичное растение', добавляемые Словарем русских народных говоров²¹, подходят лучше.

Александр Семенович Данилевский (1809–1888), на чьи слова, приведенные В.И. Шенроком, ссылается Анна Васильевна [Шенрок, 1889: 135], — однокашник Гоголя по Нежинскому лицею, с которым Гоголь вел переписку на протяжении всей жизни. Как общее место, слова о некрасивом отце повторяет другая сестра Гоголя — Ольга Васильевна [Гоголь-Головня, 1909: 4]. Косвенно о справедливости слов о сходстве с «очень некрасивым» отцом свидетельствует тот факт, что Анна Васильевна никогда не была замужем, а среди пор-

²¹¹ Словарь русских народных говоров. Вып. 7. Л., 1972. С. 113.

 $^{^{16}}$ Ср.: «Гранатка — Пусть радости тебя ласкают в светском круге, / Но вспомни иногда об отдаленном друге» (Ознобишин Д.П. Селам или Язык цветов. СПб., 1830. С. 68).

 $^{^{17}}$ Паллас ПС. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. 2, кн. 2. СПб., 1788. С. 281.

¹⁸ Словарь русского языка XVIII века. Вып. 5. Л., 1989. С. 220.

¹⁹ Гулевич С.А. История Лейб-гвардии Финляндскаго полка, 1806–1906 гг. Ч. 1. СПб., 1906. С. 52, 119, примеч. В этом же издании (с. 41) помещен портрет полковника А.А. Трощинского, командовавшего Лейб-гвардии Финляндским батальоном.

ном. ^{20} *Даль В.И.* Словарь живого великорусского языка. Т. IV. СПб.; М.: М.О. Вольф, 1882. С. 696.

третов членов «семьи Н.В. Гоголя» в «Московском листке» лишь она запечатлена в профиль и едва ли может быть названа миловидной ²². На выставке 1902 г. экспонировалась фотография Анны Васильевны из собрания В.И. Шенрока [Каталог, 1902: 11], но в описи небольшого архивного фонда биографа Гоголя в Российской Государственной библиотеке такой портрет не значится ²³.

Марьей Алексеевной бабушка Гоголя ошибочно названа в журнальном материале один раз [Шенрок, 1889: 132, примеч. 3]. В то же время правильное отчество указывается при цитировании записок Марии Ивановны Косяровской, матери писателя [Шенрок, 1889: 123]. В последующей публикации ошибка так и осталась не исправленной [Шенрок, 1892: 52, примеч. 1].

Двоюродные братья Марии Ивановны Петр и Павел Петровичи Косяровские Шенроком упоминаются вскользь как дети Петра Матвеевича Косяровского и корреспонденты Николая Васильевича Гоголя в юности [Шенрок, 1889: 124, примеч. 1; Шенрок, 1892: 117]. Его письма к одному из дядьев — Павлу Петровичу — были опубликованы уже П.А. Кулишом [Гоголь, 1857: 61–63, 64–67]. Письма Петру Петровичу также известны [Гоголь (10): 107–108, 111–113, 131–135, 241].

Анна Васильевна называет еще одного их брата — Ивана Петровича [Ильин-Томич, 1994: 107-108]²⁴, который был автором двух стихотворных сочинений²⁵, и сестру — Варвару Петровну, которой Гоголь также писал и которую нередко упоминает в своих письмах²⁶.

Сведений о Березине — муже Варвары Петровны найти не удалось. Комментаторы не называют даже его имени. Однако, благодаря упоминанию их сына, ставшего писателем в весьма зрелом возрасте, устанавливается, что его звали Петром. Владимир Петрович Березин (1839 — не ранее 1897) [Войналович и др., 1989: 249]

²⁶ *Гоголь Н.В.* Сочинения и письма Н.В. Гоголя. Т. 5: Письма с 1820 по 1842 г. / Изд. П.А. Кулиша. СПб., 1857. С. 76–77, 33, 37, 41 и др.

²² Московский листок: иллюстрированное прибавление.1902. № 14. С. 5.

²³ РГБ. Ф. 419; см.: Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР. Т. 3. — Москва: Книга, 1980. С. 434.

²⁴ Сведения об Иване Петровиче фрагментарны: возможно, письма Гоголя к нему не сохранились.

²⁵ Косяровский И.П. Нина: Стихотворная повесть / Соч. Ивана Косяровского. — Санкт-Петербург: тип. А. Смирдина, 1826; Он же. Переметчик: Историческая повесть, относящаяся ко 2 половине прошлого столетия / Соч. И. Косяровского. Одесса, 1832. Первую поэму Иван Петрович отправил племяннику с дарственной надписью; см.: Чаговец В.А. Дополнения и поправки // Памяти Гоголя: Научно-литературный сборник, изданный Историческим обществом Нестора-летописца. Киев, 1902. С. 10 (6-й пагинации).

выпустил как раз три тома своих сочинений в 1888 году²⁷, т.е. почти в 50 лет, как и пишет Анна Васильевна.

Сведения о венчании родителей Гоголя в 1808 г. [Шенрок, 1889: 126] не соответствуют действительности, но повторены В.И. Шенроком в книге [Шенрок, 1892: 44]. Это тем более странно, что в обеих публикациях биограф страницей ранее приводит свидетельство самой Марии Ивановны: «Когда мне было четырнадцать лет, нас перевенчали в местечке Яресках...» [Шенрок, 1889: 125; 1892: 43]. Из сохранившихся документов известно, что венчание состоялось на Покров (1 октября) 1805 г., в день, когда Марии Ивановне исполнилось четырнадцать лет [Виноградов, 2017: 201–202].

О резкости Гоголя по отношению к матери В.И. Шенрок пишет: «Иногда Гоголь говорил с матерью резким, раздражительным тоном, но это составляло исключение, а не общее правило» [Шенрок, 1889: 384]. В следующей публикации замечания Анны Васильевны были учтены, и биограф предлагает более мягкую формулировку: «...встречаем у Гоголя в письмах к матери иногда суровый, местами, пожалуй, раздражительный тон...» [Шенрок, 1892: 109].

После восклицательного знака, которым заканчивается последнее замечание, Анна Васильевна примирительно пишет о неважности своих «заметок» и выражает надежду, что они могут пригодиться. Как видим, В.И. Шенрок весьма выборочно прислушался к соображениям своего корреспондента.

Кончается письмо сведениями о сыне Андрея Андреевича Трощинского Дмитрии ^{28} , скончавшегося в Ялте «недавно» — т.е. в 1888 или, возможно, в начале 1889 г. По воспоминаниям Ольги Васильевны Гоголь, она с сестрами должна была «занимать» 14-летнего Дмитрия, во время визитов семьи Трощинских к Гоголям Гоголь-Головня, 1909: 23]. В 1850 г. Гоголь рекомендовал юного Дмитрия Андреевича в письме к Алексею Михайловичу Трахимовскому [Гоголь (14): 211-212, 422]. В дальнейшем единственный наследник состояния Трощинских «считался миллионером», но со временем остался без средств и вынужден был, по словам Ольги Васильевны, снимать у нее комнату [Гоголь-Головня, 1909: 23]. По данным, которые обнаруживаются в официальных источниках, Дмитрий Андреевич Трощинский в 1887 г. в чине коллежского асессора занимал должность секретаря Полтавского губернского статистического комитета и управляющего канцелярией Полтавского губернатора Е.О. Янковского²⁹.

 $^{^{27}}$ Сочинения В.П. Березина. Т. 1–3. СПб., 1888.

²⁸ Дмитрий Андреевич Трощинский родился в 1831 г.

²⁹ Памятная книжка и адрес-календарь Полтавской губернии. 1888 год (високосный). — Полтава, 1887. С. 1 (1-й пагинации).

Как видно из публикации в журнале «Русская старина» [Ореус, 1882: 682], у Д.А. Трощинского оставался семейный архив, что объясняет интерес к нему со стороны В.И. Шенрока. Других известий о поездке биографа Гоголя к потомку Трощинских не найдено.

Судя по извинениям за «обыкновенную небрежность письма», мы можем сделать вывод о том, что переписка В.И. Шенрока с сестрой Гоголя не ограничилась одним письмом. Ссылка на лень свидетельствует о доверительности отношений, возникших между Анной Васильевной и биографом писателя, который по возрасту годился бы ей в младшие сыновья. Она едет с ним к Дмитрию Андреевичу Трощинскому, становясь своеобразным проводником в мир Гоголя; множество будто бы ненужных подробностей, которые возникают в письме, обнаруживают цепкость семейной памяти и актуальность множества существовавших связей между Анной Васильевной и упоминаемыми людьми – живыми и умершими. Можно не сомневаться, что и Гоголь принадлежал к той же архаической отчасти традиции превращать весь мир в подобие большой семьи.

Это восприятие мира, весьма важное для понимания писателя, крайне сложно вписывается в биографические очерки или биографические схемы.

Мы видим, что письмо Анны Васильевны Гоголь к В.И. Шенроку обнаруживает порой неготовность Владимира Ивановича менять что-то в один раз написанном тексте, даже если справедливость критики не вызывает сомнений. Это по-человечески объяснимое пренебрежение точностью за недосугом, рассеянностью или ленью едва ли достойно ученого, но Гоголь, так любивший разного рода мистификации, как кажется, предопределил любовь к красивому нарративу в ущерб истине у многих своих биографов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. *Виноградов И.А.* Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя, 1809–1852. Т. 1: 1809–1828: С родословной летописью, 1405–1808. М., 2017.
- 2. Войналович $\hat{E}.B.$, Кармазинская М.А. (при участии Л.Н. Ивановой). Березин Владимир Петрович // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 1. М., 1989. С. 249.
- 3. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: [В 14 т.]. М., 1937–1952.
- 4. *Гоголь Н.В.* Сочинения и письма Н.В. Гоголя. Т. 5: Письма с 1820 по 1842 г. СП6, 1857.
- 5. *Гоголь-Головня О.В.* Из семейной хроники Гоголей (Мемуары Ольги Васильевны Гоголь-Головни) / Ред. и примеч. В.А. Чаговца. Киев, 1909.
- 6. *Ильин-Томич А.А.* Косяровский Иван Петрович // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 3. М., 1994. С. 107–108.
- 7. Каталог Выставки в память Н.В. Гоголя и В.А. Жуковского / О-во любителей рос. словесности. 1852–1902. М., 1902.

- 8. Кибовский А.В. «Все счастливые семьи счастливы одинаково...» (О переатрибуции миниатюрного портрета четы Кудрявцевых в портрет А.А. Трощинского и О.Д. Кудрявцевой) // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи: Материалы X Международной научной конференции. М., 2007. С. 146–151.
- 9. «Кожебак!.. Да ведь это хуже, чем гусак!!!»: Письма Андрея Белого к А.М. Кожебаткину / Предисловие, публикация и комментарии Джона Малмстада // Лица: биографический альманах. Кн. 10. М., 2004. С. 127–176.
- 10. Ленчиненко М.В. «Цветок засохший, безуханный...»: ландыш в книге В.С. Сопикова «Опыт российской библиографии» из библиотеки Н.М. Муравьева // Пушкин и книга. Т. 2. М., 2018. С. 185–196.
- 11. [*Ореус И.И.*] Дмитрий Прокофьевич Трощинский. 1754–1829 // Русская старина. 1882. № 6. С. 641–682.
- 12. Портретная миниатюра в России XVIII— начала XIX века из собрания Государственного Эрмитажа. Л., 1986.
- 13. Шенрок В.И. Материалы для биографии Гоголя. Т. 1. М., 1892.
- 14. *Шенрок В.И.* Родители Гоголя // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. 1889. Т. XXXV. Январь. С. 119–140; Февраль. С. 380–394.

REFERENCES

- Vinogradov I.A. Letopis' zhizni i tvorchestva N.V. Gogolia, 1809–1852 [Chronicle of N. Gogol's life and work, 1809–1852]. Vol. 1. IMLI RAN, 2017. 734, [1] p.
- 2. Voinalovich E.V., Karmazinskaia M.A. (pri uchastii L.H. Ivanovoi). Berezin Vladimir Petrovich. In *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskii slovar*'. T. 1. *Sovetskaia entsiklopediia.* 1989, p. 249.
- 3. Gogol' N.V. *Polnoe sobranie sochinenii: v 14 tomakh* [Complete works: in 14 volumes]. *Academy of Science of the USSR*. 1937–1952.
- 4. Gogol' N.V. Sochineniia i pis'ma N.V. Gogolia [N. Gogol's writings and letters]. T. 5. P.A. Kulish. 1857. [6], 508 pp.
- 5. Gogol'-Golovnia O.V. *Iz semeinoi khroniki Gogolei (Memuary Ol'gi Vasil'evny Gogol'-Golovni)* [From the family chronicle of the Gogols (Memoirs of Olga Vasilyevna Gogol-Golovnya)]. *Kievskaia mysl'*. 1909. VIII, 81 p.
- 6. Il'in-Tomich A.A. Kosiarovskii Ivan Petrovich. In Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskii slovar'. T. 3. Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia. 1994. P. 107–108.
- 7. Katalog Vystavki v pamiat' N.V. Gogolia i V.A. Zhukovskogo [Catalog of Exhibition in memory of N. V. Gogol and V. A. Zhukovsky]. A.I. Mamontov. 1902, 85 p.
- 8. Kibovskii A.V. "Vse schastlivye sem'i schastlivy odinakovo..." (O pereatributsii miniatiurnogo portreta chety Kudriavtsevykh v portret A.A. Troshchinskogo i O.D. Kudriavtsevoi) ["All happy families are equally happy..." (On the reattribution of a miniature portrait of the Kudriavtsevs into a portrait of A.A. Troshchinskii and O.D. Kudryavtseva)]. In Epokha napoleonovskikh voin: liudi, sobytiia, idei: materialy 10 Mezkhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Kutchkovo pole. 2007, pp. 146–151.
- 9. Malmstad, John, publ. "Kozhebak!.. Da ved' eto khuzhe, chem gusak!!!": Pis'ma Andreia Belogo k A.M. Kozhebatkinu ["Kozhebak!.. But it's worse than a goose!!!": Letters from Andrei Belyi to A.M. Kozhebatkin]. In Litsa: biograficheskii al'manakh. 2004: 10, pp. 127–176.
- 10. Lenchinenko M.V. "Tsvetok zasokhshii, bezukhannyi...": landysh v knige V.S. Sopikova "Opyt rossiiskoi bibliografii" iz biblioteki N.M. Murav'eva ["A flower withered, odorless...": may-lily in the book by V. S. Sopikov "The attempt of Russian bibliography" from the library of N.M. Murav'ev]. In Pushkin i kniga. T. 2. IKAR Moscow. 2018, pp. 185–196.

- 11. Oreus I.I. Dmitrii Prokof'evich Troshchinskii. 1754–1829. In *Russkaia starina*. 1882. 6, pp. 641–682.
- 12. Portretnaia miniatiura v Rossii XVIII nachala XIX veka iz sobraniia Gosudarstvennogo Ermitazha [Portrait miniature in Russia in the 18th early 19th centuries from the collection of the State Hermitage Museum]. Khudozhnik RSFSR. 1986. 334, [2] p.
- 13. Shenrok V.I. *Materialy dlia biografii Gogolia* [Materials for the biography of Gogol]. T. 1. *A.I. Mamontov.* 1892. [8], 387 p.

Поступила в редакцию 07.05.2022 Принята к публикации 30.08.2022 Отредактирована 24.09.2022

> Received 07.05.2022 Accepted 30.08.2022 Revised 24.09.2022

ОБ АВТОРЕ

Лифшиц Александр Львович — кандидат филологических наук, доцент Школы филологических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; alifshits@hse.ru

ABOUT THE AUTHOR

Alexander Lifshits — PhD, Associate Professor, School of Philological Studies, Faculty of Humanities, National Research University "Higher School of Economics"; alifshits@hse.ru

РЕЦЕНЗИИ

K L U G E R.-D. F.M. DOSTOJEVSKIJ. EINE EINFÜHRUNG IN LEBEN, WERK UND WIRKUNG / Red. Dorothea Scholl: WBG Academic (Wissenschaftliche Buchgesellschaft). Darmstadt, 2021. 352 pp.

А.Б. Криницын

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; derselbe@list.ru

Аннотация: Монография профессора Р.-Д. Клюге о Достоевском актуальна как для немецкой современной славистики, так и для отечественной науки о Достоевском. В рецензии отмечается обзор идеологии Достоевского, его творческих связей в европейских литературах, рецепции творчества Достоевского в европейской философии и искусстве XX и XXI вв.

Ключевые слова: Р.-Д. Клюге; Ф.М. Достоевский; русская литература XIX в.; европейское искусство XIX и XX вв.; русское революционное движение; национализм; христианское мировоззрение

Для цитирования: Криницын А.Б. К l u g e R.-D. F.M. Dostojevskij. Eine Einführung in Leben, Werk und Wirkung / Red. Dorothea Scholl: WBG Academic (Wissenschaftliche Buchgesellschaft). Darmstadt, 2021. 352 pp. // Вестн. Моск. унта. Сер. 9. Филология. 2022. № 5. С. 205–211.

K L U G E R.-D. F.M. DOSTOJEVSKIJ. EINE EINFÜHRUNG IN LEBEN, WERK UND WIRKUNG / Red. Dorothea Scholl: WBG Academic (Wissenschaftliche Buchgesellschaft). Darmstadt, 2021. 352 pp.

Alexander Krinitsyn

Abstract: Professor R.-D. Kluge's monograph on Dostoevsky is relevant to both German modern Slavistics and domestic scholarship on Dostoevsky. The review notes an overview of Dostoevsky's ideology, his creative connections in European literatures, and the reception of Dostoevsky's work in European philosophy and art in the twentieth and twenty-first centuries.

Key words: R.-D. Klughe; F.M. Dostoevsky; Russian literature of XIX century; European art of XX and XXI centuries; the Russian revolutionary movement; nationalism; the Christian world view

For citation: Krinitsyn A.B. (2022) Kluge R.-D. F.M. Dostojevskij. Eine Einführung in Leben, Werk und Wirkung / Red. Dorothea Scholl: WBG Academic (Wissenschaftliche Buchgesellschaft), Darmstadt, 2021. 352 pp. Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology, no. 5, pp. 205–211.

Профессор Р.-Д. Клюге — один виднейших современных немецких славистов, всю свою жизнь посвятивший изучению русской классической литературы XIX в., которая стала центральным пунктом его научных интересов и которую он долгие годы преподавал в Тюбингенском, а затем в Варшавском университетах. Сразу после начала перестройки он активно вошел в российскую научную среду и уже несколько десятилетий является почетным профессором Московского университета, поддерживая тесные связи с кафедрой истории русской литературы филологического факультета, благодаря совместным проектам по изучению творчества Чехова, совместным русско-немецким семинарам («Чехов и Германия» — Москва/Тюбинген, 1994; «Вагнер в России» — Москва/Тюбинген, 1997), научному руководству над аспирантами и преподавателями К.О. Смолой, А.Б. Криницыным и Р.Б. Ахметшиным и многолетней дружбе, связывающей его с заведующим кафедрой профессором В.Б. Катаевым.

Будучи широко известным в международных ученых кругах исследователем Тургенева и Чехова, Р.-Д. Клюге в связи с 200-летним юбилеем Достоевского обобщает свой многолетний опыт анализа и раздумий о его творчестве, в контексте всего русского литературного процесса и европейской культуры XIX–XX вв.

Монография профессора Клюге обращена прежде всего к немецкому читателю и найдет непосредственное практическое применение при преподавании русской литературы в немецкой высшей школе, представляя собой курс лекций о Достоевском. Исследователь примыкает к традиции систематических обзоров творчества писателя, представленных Л.П. Гроссманом, В.В. Набоковым, К.В. Мочульским и др.

Предисловие к монографии насыщено полемически и концептуально. Подчеркивается актуальность идеологии Достоевского (например, его решительное осуждение террористических методов антиправительственных группировок). Не менее злободневны попытки Достоевского осмыслить культурное своеобразие России и ее национальную идентичность: «Россия еще сегодня, уже более чем тридцать лет после падения СССР и коммунистической идеологии, находится на распутье переломной эпохи — в глубоком кризисе идентичности. При поисках национального и духовного самоопре-

деления, при задавании перспективы Достоевский как политический мыслитель оказывается даже важнее Достоевского-писателя» (с. 23).

Отмечается, что Достоевский «как идеолог и публицист был острейшим критиком современной ему западной культуры, не ценившим ее цивилизаторские достижения и социальные реформы, русским националистом, иногда борцом за идеи общерусского мессианизма, не в последнюю очередь также антисемитского толка» (с. 23). Признается, что «проблематичная актуальность идеологического наследия Достоевского, однако, ни в коей мере не может умалить бесспорной актуальности его литературных достижений» (с. 25).

Оригинальность обзора Клюге обусловливается прежде всего апелляцией к контексту немецкой культуры в целом и к немецкой классической философии в частности.

Так, в знаменитом «символе веры» Достоевского из письма Н.Д. Фонвизиной 1954 г., где Христос провозглашается как идеал человечества («верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но с ревнивою любовью говорю себе, что и не может быть») Клюге подчеркивает влияние протестантского теолога Д.Ф. Штрауса: «Лостоевский воспринимает Христа с далекой опорой на Д.Ф. Штрауса как воплощение абсолютного человеческого живого совершенства, красоты и моральной чистоты <...> Он есть ставший действительностью идеал, совокупность всех способностей и потенций человека. <...> Такой идеальный пример земного бытия сверхчеловечен и сверхисторичен. Идея Христа как совершенного человека — будь она даже фантазией или вымыслом — не могла быть порождена человеческим сознанием, она величественнее и прекрасней любого мыслимого человеческого существования или его идеализации» (с. 63-64).

Мы привели столь большую цитату ввиду того, что в отечественной науке склонны пренебрегать влиянием протестантской богословской традиции на Достоевского или вовсе его замалчивать, а Штраус активно критикуется православными теологами. Идея Достоевского изобразить князя Мышкина как христоподобного «положительно прекрасного человека» традиционно возводится к увлечению книгой Ренана «Жизнь Иисуса», поэтому констатация влияния Штрауса на Достоевского исправляет очевидное искажение перспективы.

Высказанное в том же письме желание Достоевского «оставаться скорее с Христом, нежели с истиной», даже если «действительно было бы, что истина вне Христа», Клюге сопоставляет с максимой

Лессинга о том, «что он предпочел бы вечный поиск истины ее обладанию» (с. 64).

Даже система идей почвенничества выстраивается Клюге в духе диалектической триады Гегеля: русская религиозность в качестве тезиса при объединении с европейской просвещенностью как антитезисом дают синтез — мессианскую роль России в Европе. Это представляется полностью обоснованным.

Связям Достоевского с Германией в монографии посвящена отдельная глава, где они прослеживаются в самых разнообразных аспектах: начиная с истории пребывания писателя в немецких городах до рецепции немецкой литературы, прежде всего Гофмана и Шиллера. Раскрываются поздние взгляды Достоевского на политико-культурную роль Германии в Западной Европе, где Германия издавна противостояла тоталитарной централизующей власти католицизма. Протестантизм воплощает в таком случае свободу веры и оказывается куда ближе к пониманию Христа Достоевским в поэме о Великом Инквизиторе. Это новый, неожиданный взгляд на столь, казалось, обстоятельно изученный текст!

Второй своеобразной чертой монографии являются часто проводимые сравнения Достоевского с творчеством Тургенева и Чехова. Так, «Белые ночи» сравниваются с любовными повестями Тургенева. Выдвигается мысль, что сама тема *отказа от любви*, разрабатываемая в тургеневских повестях 1850-х годов, могла быть заимствована из «Белых ночей», написанных гораздо раньше. Заостряется внимание на эпиграфе к повести, который был взят из тургеневского стихотворения «Мотылек». Клюге приходит к мысли об имплицитном творческом диалоге Тургенева с Достоевским, демонстрирующим целостность литературного процесса XIX в. Неожиданные, мало акцентируемые ранее черты сходства проявляются у обоих писателей, по мнению Р.-Д. Клюге, не только в мотиве отречения от любви, но и в изображении ее зачастую как фатальной и катастрофичной.

Умение Р.-Д. Клюге на кратком объеме глав раскрыть проблематику сложнейших романов Достоевского, с выверенными, точными акцентами, заставляет пожалеть, что книга выходит пока только на немецком языке.

Так, впервые, насколько нам известно, оказались точно сформулированы три проблемы раннего творчества Достоевского: 1) раздвоение сознания и личности; 2) исследование человеческих свойств в их крайностях, вплоть до их мутации: отказ становится самоотрицанием («Белые ночи»), сострадание — глупостью («Слабое сердце»), любовь к ближнему — человеческой слабостью («Бедные люди») (с. 46).

При анализе каждого из произведений и периодов жизни Достоевского удается сделать оригинальные наблюдения. Остановимся лишь на некоторых из них, показавшихся нам особенно примечательными.

Отдельный интерес представляет анализ повести «Белые ночи», которую Клюге видит ключевой для всего последующего творчества Достоевского, отмечая «мечтательный» петербургский субстрат в генезисе героев «Преступления и наказания» и «Подростка».

При разборе «Двойника» предпринимается целое исследование поэтики Достоевского и вводится новый термин — «перспективное повествование»: «Автор является всезнающей и всевидящей инстанцией, но отличной от самого автора. Он ведет повествование исключительно из перспективы Голядкина, не становясь идентичным герою, чей разум постепенно деградирует. <...> Так объясняются многочисленные казусы и нелепости, как, например, присутствие в департаменте одновременно двух Голядкиных, не замеченное никем из окружающих. Как раз это и есть перспективное повествование» (с. 41).

В противоположность многим современным исследователям, пытающимся противопоставить «революционные» взгляды Достоевского конца 1840-х годов его последующим религиозным убеждениям, Р.-Д. Клюге указывает на их преемственность, подчеркивая христианскую природу идей ранних социалистов. По точному замечанию Клюге, Фурье, Сен-Симон и Ламеннэ «проектировали христианский социализм, предполагавший, что Бог призывает людей к сотрудничеству для завершения своего земного Творения» (с. 49): «Социализм был для утопистов не поводом к насильственному перевороту, но чем-то вроде осовремененной Нагорной проповеди, с целью вновь вернуть максимализм ее постулатов в "рыночное" общество и поставить любовь к ближнему выше соперничества за власть и деньги. По Сен-Симону, главный Божий закон — призыв ко всем людям стать братьями, и в этом высшем принципе заключена основа христианства. Этим пафосом проникнуты "Бедные люди" и вдохновлены образы мечтателей и страдающих "маленьких людей" раннего творчества Достоевского, в чем и была его точка соприкосновения с Белинским» (с. 50). Таким образом, следует говорить не о переломе, но о последовательной эволюции христианских взглядов Достоевского. Этот постулат принципиально важен для современного осмысления творчества писателя.

В главе о романе «Идиот» отметим подробный и многосторонний разбор образа князя Мышкина. Приводятся аргументы как за, так и против его аналогии с Христом: особенно интересна приводимая схема выстраивания данного образа в полном соответствии с запо-

ведями блаженств из Нагорной проповеди («Блаженны нищие духом... Блаженны кроткие...» и т.д.). Одновременно значительно расширяется контекст литературных параллелей к образу Мышкина: помимо указанных самим Достоевским Дон Кихота, Пиквика и Жана Вальжана, вводятся в научное поле немецкие прообразы: Фауст и Парсифаль. Большое внимание уделено образам Аглаи Епанчиной (что ценно ввиду обычного игнорирования русскими исследователями этого до конца не проясненного автором образа) и Рогожина, что позволяет исследователю углубиться в психологию и философию любви у Достоевского. Единственно хотелось бы отметить, что говорящая фамилия Рогожина вызывает у русского читателя ассоциацию не столько с корнем «рог» (фаллический символ, по мнению Р.-Д. Клюге), сколько с корнем «рогожа», что должно указывать на происхождение героя из крестьянства. Но упоминание при комментировании фамилии героя раскольничьего Рогожского кладбища совершенно правомерно, поскольку Достоевский, подчеркивая ментальную укорененность героя в низовой народной стихии, упоминает о симпатиях его отца к старообрядцам.

В главе о «Бесах» центральное место занимает описание идеологии русских революционеров и анализ образа Ставрогина. К сожалению, при этом ничего не говорится об истории с исключением главы «У Тихона», без чего нельзя понять генезис образа Ставрогина и его эволюцию. В то же время совершенно правильно выделен стержень образа – идея самообожествления (человекобожества).

В главе о «Братьях Карамазовых» обращает на себя внимание интерпретация философии старца Зосимы. Р.-Д. Клюге обращает внимание на то, что духовное преображение Зосимы происходит вследствие его искушения грехом (готовности к убийству на дуэли). Из этого делается вывод, что «глубинный опыт (Urerfahrung) христианской этики дается не разумом и не христианским учением, но душевным потрясением вследствие совершения несправедливости. Этому должно было бы воспрепятствовать тотально «справедливое» государство Великого Инквизитора, но несвободные граждане его были бы лишены внутреннего опыта моральной ответственности. Трагическое познание Зосимы гласит: без греха, без «переступления» моральных законов не пробудится совесть, не будет покаяния, а также и искупления» (с. 233). Иными словами, без вины не придет ощущения, что «все за всех виноваты». Таким образом, по мнению Р.-Д. Клюге, Зосима становится «адвокатом» существования в мире зла — при наличии Бога и веры в него, в то время как Иван, восставая на Бога из-за наличия зла в мироздании, приходит к мысли, что на самом деле Бога нет и потому «все дозволено» — то есть, желая отрицать зло, отрицает саму мораль. Неожиданная логика анализа Клюге выдержана в лучших традициях немецкой диалектики и является ценным вкладом в осмысление сложнейшего момента философии Достоевского.

Целая глава посвящается поэме о Великом Инквизиторе, где делается попытка спроецировать ее содержание на современность.

Заключительная глава посвящена рецепции творчества Достоевского в Европе с конца XIX в. и далее вплоть до современности. Она представляет особую ценность, в том числе для автора этих строк, который читает курс о взаимосвязях русской классической литературы с европейской. При всей неохватности данной темы и очевидности многих имен, любой исследователь откроет для себя в этом обзоре новые сюжеты и персоналии, хотя бы потому, что это взгляд европейского исследователя, по-иному, изнутри ощущающего духовные процессы европейской культуры.

В заключение рецензии нам остается засвидетельствовать, что монография Р.-Д. Клюге уже заняла свою уникальную нишу в мировой науке о Достоевском как факт единства русской и европейской культуры, благодаря одновременно своей оригинальности и классичности, научной и учебно-методической ценности, и пожелать скорейшего перевода ее на русский язык.

Поступила в редакцию 16.05.2022 Принята к публикации 30.08.2022 Отредактирована 23.09.2022

> Received 16.05.2022 Accepted 30.08.2022 Revised 23.09.2022

ОБ АВТОРЕ

Криницын Александр Борисович — доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; derselbe@list.ru

ABOUT THE AUTHOR

Alexander Krinitsyn — Prof. Dr., Department of Russian Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; derselbe@list.ru

НОРМА И ОТКЛОНЕНИЕ В ЛИТЕРАТУРЕ, ЯЗЫКЕ И КУЛЬТУРЕ / Под ред. Т.Е. Автухович. Гродно: Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, ЮрСаПринт, 2021. 402 с.

И.В. Монисова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; monisova2008@yandex.ru

Аннотация: Представлен научный труд, подготовленный филологами из Гродно. В нем разносторонне осмысливается проблематика культурной (в том числе литературной и языковой) нормы на материале широкого корпуса текстов и иных артефактов, разнесенных хронологически. В рецензии отмечается специфика композиции книги, богатство подходов к анализу материала, демонстрирующего разрыв шаблонов и поиск нового слова в разных областях гуманитарной деятельности, анонсируются статьи авторов, подчеркивается справедливость основного вывода о том, что «диалектическое взаимодействие нормы и отклонений от нее регулирует преемственность культуры и устойчивость человеческого сообщества».

Ключевые слова: СМИ; норма; шаблон; табу; границы; преемственность; отклонение; белорусская культура

Для цитирования: *Монисова И.В.* Норма и отклонение в литературе, языке и культуре / Под ред. Т.Е. Автухович. Гродно: Гродненский государственный университет имени Янки Купалы; ЮрСаПринт, 2021. 402 с. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 5. С. 211–221.

NORM AND DEVIATION IN LITERATURE, LANGUAGE AND CULTURE / ED. BY T.E. AVTTUKHOVICH. Yanko Kupala State University of Grodno, 2021, 402 p.

Irina Monisova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; monisova2008@yandex.ru

Abstract: The review covers a research paper published by philologists from Grodno. The research tackles the issues of cultural (including literary and linguistic) norms comprehensively and is based on the material of an extensive corpus of texts and other chronologically varying artifacts. The review deals with the specific structure of the book, the variety of approaches to the analysis of the material that demonstrates out-of-the box thinking and the search for a new word in different areas of humanitarian activity. The authors' articles are announced, the review highlights the validity of the main conclusion — that "the dialectical interaction of the norm and deviations from it regulates the continuity of culture and sustainability of the human community".

Key words: media; norm; pattern; taboo; boundaries; continuity; deviation; Belarus culture

For citation: Monisova I.V. (2022) Norm and Deviation in Literature, Language and Culture / Ed. by T.E. Avttukhovich. Janko Kupala Grodno State Univ., 2021, 402 p. *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*, no. 5, pp. 211–221.

В коллективной монографии рассматриваются вопросы, связанные с проблематизацией нормы и табу в разных областях культуры, а также с эволюцией взглядов писателей, их творческого метода и литературного языка — в контексте индивидуально-авторских интерпретаций нормы и отклонений от нее. Статьи объединяет тематика перемен, экспериментов и прорывов в искусстве, изменений в языке (в том числе СМИ), связанных с переосмыслением устоявшихся границ и пределов, особенно в переходные эпохи истории культуры. Авторы сборника — исследователи из Беларуси, России и Украины — стремятся отрефлексировать само понятие нормы как поведенческой, идеологической, психологической, эстетической категории и охарактеризовать сущность процесса установки и преодоления границ: «Что такое норма — насилие, ограничение свободы или необходимое условие существования человека в мире?»

Публикации обладают выраженной актуальностью, обусловленной стремительным изменением отношения в обществе и искусстве к норме и табу. Современный период характеризуется релятивизмом, понятие нормы становится более зыбким, зависимым от контекста, включающим широкий спектр обстоятельств и условий. Анализ трансформаций таких представлений в различные исторические эпохи и в разных национальных культурах позволяет проследить динамику в отношении к норме и влияние этих процессов на состояние культуры и общества. Значительная часть статей обращена к Серебряному веку, когда литературный процесс характеризовался поиском новых форм и творческих подходов. Рассматриваются и многие другие культурные феномены и исторические периоды, отмеченные преодолением традиций и созданием переходных культурных моделей, в том числе современный литературный процесс (включая творчество писателей русского мира).

Первый раздел сборника «Феномен переходности и его отражение в стратегиях письма» посвящен различным аспектам и формам переосмысления нормы в искусстве разных эпох и индивидуальных творческих практиках. В первом подразделе «Закономерности литературного процесса» рассматриваются особенности переходных периодов в истории культуры и творческих революций. В частности, Е.Д. Алимпиева и Н.С. Зелезинская анализируют трансформацию фольклорных образов в драматические на примере комедии Шекспи-

ра «Сон в летнюю ночь». Авторы сравнивают образы фей в елизаветинской литературе, отражающие совокупность народных представлений об этих существах, с образами, созданными Шекспиром и закрепившимися в последующей литературе. Предполагается, что в рассматриваемый период в целом происходит трансформация идеи колдовства и сверхъестественного. Образы Пака и фей у Шекспира являются свидетельством разрыва с традицией елизаветинской литературы. Авторы отмечают, что эти трансформации существенно повлияли даже на современную ситуацию, стали во многом определяющими для детской литературы и массовой культуры.

И.Б. Кравчук («Отклонения от античного риторического канона в риториках XVIII в. как маркер социокультурных и эстетических изменений») рассматривает системные различия в изложении риторического учения, проводит сравнительный анализ учебников Д. Деколонии и П. Эстки с античными и западноевропейскими источниками. Большое внимание уделяется учению об инвенции, которое показывает изменение задач риторики: от того, чтобы «говорить красиво», к тому, чтобы «говорить правильно», а также учению об элокуции, в контексте которого автор отмечает перемены в использовании средств художественной выразительности, а также в формализации правил. Приводится вывод о выраженном влиянии барокко на учебные пособия по риторике, о воздействии новых коммуникационных практик и потребностей социума периода их создания.

И.О. Ивашко осмысливает интерпретацию переходных явлений в литературе рубежа XVII–XVIII вв. в литературоведении и в современной литературной критике. В белорусских журналах обсуждаются проблемы терминологии, причины формирования переходных явлений в культуре. Автор выявляет противоречивость представлений, которые транслирует литературно-художественная критика, их несовпадение с достижениями профессиональной науки и ставит вопрос о том, что публицистическая тенденциозность может привести к формированию в сознании читателей некорректного представления об истории культуры.

Е.В. Тырышкина на примере стихотворения «Афродитка» А. Крученых рассматривает трансформацию женских образов и женской натуры в литературе авангарда. Исследование существенно дополняет работы, связанные с этой проблематикой, в частности, анализ иконографии Венеры, проведенный И.М. Сахно. Большое внимание уделяется проблеме редукции женского образа и доминированию мужского образа Поэта, который «узурпирует силу творения». Л.Л. Авдейчик («Предсимволизм Вл. Соловьева как явление пере-

Л.Л. Авдейчик («Предсимволизм Вл. Соловьева как явление переходного характера») рассматривает творчество поэта и философа в контексте литературного процесса начала XX в., выявляя сопряже-

ние романтизма и реализма и воздействие модернистской парадигмы. В творчестве Соловьева как явления предсимволизма выделяются такие его уникальные черты, как софийность, особенная философская направленность, стремление к синтезу культур, циклизация и широкая интертекстуальность. Обращение к теме позволяет не только актуализировать творчество одного из наиболее значительных деятелей культуры прошлого рубежа веков, но и проанализировать специфику художественной мысли, по-новому взглянуть на соотношение нормы и традиции в переходные времена.

О.А. Гриневич («Эстетическая норма и ее нарушение в структуре сверхтекста») также касается особенностей литературного творчества в транзитивный культурно-исторический период. В качестве главной особенности автор выделяет трансгрессию — размывание границы как в структуре топоса, так и в структуре текста. Сделан вывод о том, что сверхтекст является индикатором эстетических трансформаций в периоды перемен. О.А. Гриневич рассматривает проблематику эстетической нормы на базе усадебного текста, который представляет собой сложное семиотическое образование и длительное время развивавшийся феномен.

И.И. Плеханова («Лирика Алексея Сальникова: непредсказуемость против неопределенности») рассматривает особенности поэзии современного писателя, более знакомого аудитории в качестве прозаика. Автор утверждает, что поэтическое творчество Сальникова направлено на обновление восприятия реальности посредством аномальной речи, что дает большую свободу для формирования ассоциаций. Рассматриваются особенности композиции поэтических текстов, даются ключевые характеристики образа мышления писателя, отличающегося крайней интуитивностью и иррациональностью.

Второй подраздел «Жанр» открывается статьей Т.В. Божко «Женский панегирик "Dies Aeternitatis <...>"» в культурно-исторической перспективе», где проводится качественный и количественный анализ текстов, относящихся к жанру панегирика, анализ формирования и изменения идеального образа женщины XVII в., а также особенностей восприятия нормы в Великом Княжестве Литовском позднего периода его существования. Автор приходит к выводу, что панегирики представляют собой герметичный текст, который обладает сложной структурой и комплексными историческими условиями формирования.

У.Ю. Верина («Классик Максим Богданович, улучшенный и исправленный») рассматривает случаи исправления произведений белорусского поэта в процессе приведения его незавершенных текстов к «правильной» и «завершенной» версии. Сама же исследо-

вательница показывает, что творчеству Богдановича свойственна принципиальная незавершенность.

А.А. Липинская анализирует феномен готической новеллы на примере творчества Э.Ф. Бенсона, которое, как отмечает автор, является «действующей моделью данного жанра» и представляет ценность для исследования его природы и механизмов создания, подразумевающих выход за пределы пространственной нормативности и физического бытия.

В статье А.А. Житенева «Экфрасис незримого как норма и отклонение» рассматривается особый тип текста, предметом которого является абстрактная живопись. На примере цикла стихотворений А. Сен-Сенькова, изданных в 2000–2010-е годы, показано, что они представляют собой парадоксальное представление внутреннего мира автора, эксперимент по выработке стратегий рецепции. Это позволяет говорить о бесконечно разнообразных формах поэтической условности и типах переживания эстетического и эмоционального опыта. Тематику экфрасиса затрагивает и Т.Е. Автухович, обращаясь к

Тематику экфрасиса затрагивает и *Т.Е. Автухович*, обращаясь к книге «Мои живописцы» Э. Лимонова. В условиях поиска нового художественного языка писатель осуществляет анализ произведений живописи через осмысление жизненного пути художников, выражая собственные впечатления и представления о живописцах и формируя таким образом диалогическое повествование. Автор статьи, представляющей высокую научную ценность для специалистов по литературе конца XX — начала XXI в., предлагает многогранное исследование проблематики эксфрасиса, а также контекста и подтекста творчества Э. Лимонова и завершает исследование тезисом о том, что книга писателя является отражением эстетических и концептуальных установок конца XX в.

Т.В. Черкес («Жанрообразующие (константные) жанровые маркеры баллады и факторы эволюции жанра») прослеживает путь трансформации баллады в XVIII–XXI вв. В частности, одной из констант баллады называется свадебный сюжет, который с течением времени редуцируется, но сохраняет свое место в хронотопе произведений. Указывается на двоемирие и раздвоенность сознания героев как устойчивые признаки жанра. Важной характеристикой современной баллады, по мнению исследователя, является диффузия, которая проявляется в синтезе и взаимозаменяемости миров.

В статье Е.В. Муслиенко предлагается новый подход к осмыслению абсурдистского текста. Прослеживая эволюцию представлений о литературе абсурда от отрицания смысла к пониманию иных форм воссоздания смысла, автор статьи показывает, что смысл в таких текстах формируется в пустотах, лакунах между словами, на семиотической границе.

Е.М. Лепишева («Мелодраматизация террора: отклонение от жанровой нормы в романе Гузель Яхиной "Зулейха открывает глаза"») анализирует жанровые парадоксы современного романа, тематически попадающего в нишу «военной» и «лагерной» прозы, однако написанного с применением иных эстетических стратегий, которые исследователь убедительно сближает с языком драмы. Автор также касается проблематики формирования национальной литературной традиции и соответствующей идентичности и указывает, что романы Г. Яхиной не вписываются в татарский литературный контекст.

Н.Б. Король обращается к творчеству Е. Водолазкина в контексте теории полифонического романа. Анализируя композиционную структуру, нарративную интригу, выделяя житийные и романные черты, автор отмечает, что модернистские модели взаимодействуют здесь с древнерусской традицией. Это подводит читателя к пониманию времени как вечности, в которой рамки между эпохами отсутствуют.

Е.А. Шубкина выявляет две основные тенденции развития современного французского романа — тенденцию к минимализму, которая выражается в доминировании сюжета и редукции средств художественной выразительности, и тенденцию к максимализму — использованию различных «гибридных форм», гиперболизации стиля, языковых игр. В обоих случаях происходит пересмотр жанровой и стилистической норм, исследователь особенно подчеркивает новаторство «минималистов», которые бросают вызов привычным представлениям о построении сюжета и отражении реальности в романной форме.

Третий подраздел «Ценностные представления» открывается статьей, в которой *А.И. Иваницкий* анализирует фильм С. Эйзенштейна «Иван Грозный» с точки зрения постулирования и анатомирования культурной нормы, сформированной в сталинский период, через непосредственно публичный и приватный диалог между режиссером и лидером государства. Исследователь показывает, как современность подвергалась деформации и толкованию через идеологические доктрины, адаптировалась «под норму».

Е.В. Локтевич анализирует песенную поэзию Эма Калинина, лидера российской группы «Аффинаж». Автор отмечает признаки новаторского стиля, проявляющиеся в совмещении нескольких жанров для формирования самобытной экзистенциальной пограничности. Это проявилось, в частности, в так называемом разрыве дифференциации между автором, героем и реципиентом. Предметному рассмотрению в статье подверглись философско-концептуальная уникальность творчества, характеристики нуарного хронотопа, семантика трансцендентного в поэзии позднего постмодернизма.

- Т.А. Снигирева («Поэтика "слишком" в литературе современного поколения писателей Урала») показывает тенденцию отклонения от нормы в творчестве уральских писателей на различных уровнях текста: проблемно-тематическом, касающемся отдельных аспектов мировоззрения и сознания современного человека. Отмечается значительное жанровое и родовое разнообразие в текстах, при этом объединяющихся выходом за границы дозволенного и привычного, использованием гротескных приемов усиления, нагнетания и избыточности.
- Т.А. Алпатова анализирует образ врача в русской литературе XIX в. в контексте трансформации нормативных моделей отношений между врачом и пациентом. Отмечено, что в ряде текстов пациент из объекта становится субъектом повествования это не типично для более ранних произведений на эту тему. Эмпирическим материалом выступили упоминания гомеопатии в творчестве Л.Н. Толстого. Важным аспектом трансформации восприятия отношений врача и пациента в рассматриваемых литературных произведениях стало позиционирование медицины и литературы как полицейских институтов, которые не в силах помочь человеку.
- М.В. Михайлова и Чэн Лян приводят новую интерпретацию романа Скитальца «Дом Черновых», в которой болезни героев рассматриваются как метафоры, позволяющие увидеть новые аспекты в поведении и характеристике персонажей. Особое внимание уделяется рассмотрению болезни как социального, психологического и мифопоэтического явления в последнем значении она представляет собой переход в новое состояние, своего рода инициацию.
- И.В. Банах рассматривает идеологический миф о счастливом детстве в литературе советского периода. Выделяются такие особенности произведений о детстве, как бинарность нарративной структуры, новое представление о положении ребенка в социалистическом обществе и об освоении им окружающего мира. На широком эмпирическом материале автор прослеживает продолжительную эволюцию мифа о счастливом советском детстве от ребенка-взрослого, который является непосредственным выразителем догматов коммунизма, до признания автономного характера жизни ребенка и его самоценности.
- Е.С. Стрельникова анализирует феномен пограничности в творчестве Маяковского на примере соотношения ночного и дневного (дионисийского и аполлонического) пространств, которое порождает пограничность как самого героя, так и окружающего его мира. В произведениях Маяковского граница между мирами преодолима, лирический герой находится в состоянии вечного перехода и его вечного неосуществления на своем пути поиска гармонии.
- Э.Г. Шестакова на примере романа А. Мариенгофа «Циники» показывает эволюцию этики цинизма, ее исторические и философ-

ские истоки и отражение процесса формирования нового социума. Автор убеждает в том, что роман Мариенгофа как часть литературного процесса показывает роль и сущность личностного и нравственного начал при формировании новой социальной нормы.

В статье О.Б. Никифоровой рассматривается книга стихов В. Короткевича «Был. Есть. Буду», в которой очевидны мотивы «ереси», подчеркивается внимание писателя к личности «еретика» Каспара Бекеша. По мнению автора статьи, в этом проявляется скрытая проекция на современность, ориентация Короткевича на национальнопатриотические идеи.

Ē.В. Гулевич, говоря о рассказе американского писателя III. Алекси «Не сдавайся», анализирует особенности репрезентации понятия нормы и девиации, которые заключаются в постулировании необходимости независимого взгляда и отказа от стереотипного восприятия окружающего мира и социума, так как оно притупляет когнитивную и эмоциональную сферу человека.

А.С. Смирнов исследует проявления «пушкинского (Татьянина) текста» в романе В. Пелевина «Числа», что позволяет глубже понять проблематику нормы и отклонения от нормы в постмодернистской литературе. Устойчивость репрезентации наследия Пушкина подтверждается посредством анализа функционирования цитат, отсылок и аллюзий и количественной оценкой их употребления.

Р.Г. Житко рассматривает особенности репрезентации категорий «ничто» и «пустота» у белорусских поэтов XX–XXI вв. и приходит к выводу, что в белорусской поэзии находят отражение как модернистские, так и постмодернистские черты, и рассматриваемые категории оказывают выраженное влияние на стилистическое и образное оформление текста.

Второй раздел «Норма и отклонение в языке медиапространства» открывается статьей М.В. Загидуллиной, в которой анализируются агитационные видеоролики, опубликованные в преддверии выборов президента Российской Федерации и голосования по поправкам в Конституцию 2020 года. Применяя инструменты медиаэстетического анализа, автор рассматривает вопросы «нормы» и «не-нормы» в современном политическом дискурсе. В частности, рассматриваются аспекты отношения к гей-культуре.

А.С. Мирошниченко, анализируя широкий круг источников, описывает особенности функционирования стереотипа «нормального человека» в белорусских средствах массовой информации.

К.В. Куликова рассматривает категории «нормы» и «отклонения» в белорусских детских периодических изданиях, которые играют значительную роль в формировании системы ценностей и желаемых моделей поведения у детей.

Е.Т. Костюшко описывает особенности репрезентации нормы на примере культуры «чиллинга» в белорусской рекламе. Приводится вывод о том, что рекламные тексты ориентированы в первую очередь на молодежную аудиторию и пропагандируют свободу от обязанностей, обязательств и авторитетов.

Н.И. Наседкина на примере интернет-форумов говорит о формировании разнообразных табу, присущих белорусскому этническому и культурному пространству, и прежде всего о проблематике принудительного коммуникативного табуирования посредством модерации и администрирования в онлайн-сообществах. Доказывается актуальность совершенствования лингвистической экспертизы при анализе интернет-коммуникации.

Третий раздел «Маркеры переходности в речевой коммуника- ции» начинается со статьи A.B. *Никитевич*, посвященной некоторым специфическим чертам диалектной деривации, связанным с валентностью корневых морфем.

- А.Э. Мамедова рассматривает диалектные глаголы с семой «эмоция» в деривационных сочетаниях. Отмечается, что просторечная лексика как заполняет «пустые семантические клетки», так и позволяет формировать иную комбинаторику морфем.
- Ю.Р. Филипчик исследует феномен окказионализмов в интернет-коммуникации, показывая особенности их функционирования и выявляя сущностные отличия окказионализмов от других форм языковых инноваций. Рассматриваются особенности отхождения от языковой нормы для демонстрации индивидуального отношения к явлениям и сущностям окружающего мира.

А.И. Дереченик анализирует случаи отклонения от литературной нормы как прием в романе Д. Рубиной «На солнечной стороне улицы».

С.А. Горская приводит случаи применения паралингвистических средств коммуникации при передаче эмоционального состояния героев в рассказе Паустовского «Телеграмма» и делает вывод о том, что Паустовский посредством использования этих средств показывает глубинную связь с русской национальной культурой. В другой статье автор снова касается применения паралингвистических средств, но уже на примере рассказа Я. Брыля «Галя», и, сравнивая Паустовского и Брыля, показывает связь последнего с белорусской крестьянской культурой.

К творчеству Паустовского обращается и *Тао Жань*, рассматривая невербальное поведение его персонажей: различные особенности жестов, мимики и других аспектов невербальной коммуникации, которые являются важнейшим элементом творчества Паустовского. Здесь происходит расширение границ нормы за счет более широкого

использования паралингвистических средств для адаптации сюжета к особенностям восприятия окружающего мира у детской аудитории.

Е.А. Коваль представляет классификацию и подробный анализ типов греческо-русской безэквивалентной лексики при переводе духовной литературы. Отмечается, что пространство для перевода создается вследствие общности богослужебной практики и духовного опыта в целом.

Коллективная монография «Норма и отклонение в литературе, языке и культуре» свидетельствует о многогранности и чрезвычайной научной перспективности темы, заставляя по-новому взглянуть на представления о «(не)нормальности» в разных сферах жизни и культуры, в том числе в современном мире. Общетеоретическая значимость исследования связана с уточнениями и коррективами в представлениях о норме в сфере методологии литературного анализа. Осмысление авторами разнообразного и разновременного материала показывает всегдашнее стремление человека как сформировать нормы жизни, обозначить необходимые границы, так и преодолеть их, пойти на эксперимент, на прорыв, напоминает о том, что многие творческие практики и культурные жесты, осознававшиеся поначалу как «ересь», со временем сами становились нормой. Вспоминаются слова А. Зиновьева о том, что «прогресс общества есть борьба против своего нормального состояния».

Книга свидетельствует о постепенном расширении сферы дозволенного, ослаблении «культурных запретов, табуированных тем, форм поведения, способов высказывания». В итоге, как справедливо отмечается в предисловии, мы понимаем, что «вся история человечества есть неуклонное расширение сектора свободы», а «диалектическое взаимодействие нормы и отклонений от нее регулирует преемственность культуры и устойчивость человеческого сообщества».

Поступила в редакцию 25.08.2022 Принята к публикации 30.08.2022 Отредактирована 27.08.2022

> Received 25.08.2022 Accepted 30.08.2022 Revised 24.09.2022

ОБ АВТОРЕ

Монисова Ирина Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; monisova2008@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Irina Monisova — PhD in Philology, Associate Professor, Department of Modern Russian Literature and Contemporary Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; monisova2008@yandex.ru

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКА ИЛЮШИНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ («ПОЭЗИЯ ФИЛОЛОГИИ. ФИЛОЛОГИЯ ПОЭЗИИ»)

Е.А. Пастернак

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», Москва, Россия; katrusia95@mail.ru

Аннотация: В статье излагается содержание научных докладов, прозвучавших на очередной Илюшинской конференции, организованной кафедрой истории русской литературы филологического факультета и Институтом мировой культуры МГУ имени М.В. Ломоносова. На конференции выступило 25 участников из разных научных учреждений. Доклады были связаны с темами, входившими в круг интересов ученого: стиховедение, история русской литературы, переводоведение, творчество Данте.

Ключевые слова: научная жизнь; стиховедение; переводоведение; история русской литературы; история поэзии; история науки

Для цитирования: Пастернак Е.А. Хроника илюшинской конференции («Поэзия филологии. Филология поэзии») // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 5. С. 222–228.

THE CHRONICLES OF ILYUSHIN READINGS ("POETRY OF PHILOLOGY. PHILOLOGY OF POETRY")

Ekaterina Pasternak

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; katrusia95@mail.ru

Abstract: The article presents the content of the scholarly reports made at Ilyushin readings. The conference was organized by the Department of the History of Russian Literature (Faculty of Philology) and the Institute of the World Culture, Lomonosov Moscow State University. 25 researchers from a variety of research institutions participated in the readings. The reports were related to topics that were within the scope of Ilyushin's interests: poetry, history of Russian literature, translation studies, and Dante's verses.

Key words: academic life; poetry; translation studies; history of Russian literature; history of poetry; history of philology

For citation: Pasternak E.A. (2022) The chronicles of ilyushin readings ("Poetry of Philology. Philology of Poetry"). *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*, no. 5, pp. 222–228.

18–19 февраля 2022 г. в пятый раз прошла Илюшинская конференция («Поэзия филологии. Филология поэзии»), которую организуют кафедра истории русской литературы и Институт мировой культуры МГУ имени М.В. Ломоносова. Мероприятие впервые проходило онлайн, в остальном всё было традиционно: конференция шла два дня, в ней принимали участие родственники А.А. Илюшина, тематика заседаний была связана с кругом интересов ученого. Выступали докладчики из МГУ, РАН, ИМЛИ, РГГУ, МПГУ, а также из зарубежных вузов Лозанны и Таллинна.

Ее открыл зав. кафедрой истории русской литературы, проф. В.Б. Катаев. Он рассказал о конференции и поделился воспоминаниями о разных эпизодах долгой дружбы с А.А. Илюшиным, продлившейся несколько десятилетий. Прозвучали рассказы и о научной деятельности еще в годы учебы в аспирантуре, и о поездках в другие города, в частности в Тарту к Ю.М. Лотману, и о переводческой деятельности ученого.

М.В. Строганов прочитал первый доклад — о текстологических проблемах издания «Лубочного театра» Грибоедова. Обращение к истории отношений Грибоедова и Загоскина и понимание пародийности грибоедовско-катенинского «Студента» помогают восстановить правильное написание нескольких стихов. Их адекватное воспроизведение обеспечивается только в том случае, если сохраняется имитация написания слов на театральной афише, но не появляются бессмысленные холостые стихи.

Доклад А.А. Пауткина был посвящен эпизоду столкновения духовной миссии с волжскими разбойниками и гибели при этом одного из монахов из автобиографического «Путника» Иоанна Максимовича. Это грандиозный по масштабам текст, написанный 13-сложником, где повествуется о путешествии иерарха из Чернигова в Тобольск в 1711 г. Анализ названного эпизода показывает признаки движения к новой словесности, постепенного ослабления зависимости от традиционных форм и авторских стратегий.

В докладе В.Л. Коровина рассказывалось об одной из строф похвальной оды Ломоносова 1747 г., начинающейся со стиха «Ужасный чудными делами». Она подверглась критической оценке Сумароковым, обвинившего Ломоносова в плагиате и безвкусице. Подробный анализ упреков Сумарокова относительно «украденной» строфы про Петра I показывает их надуманность. Эти тексты не похожи ни композиционно, ни содержательно, к тому же можно доказать, что авторитетными для Ломоносова были другие авторы.

Д.П. Ивинский рассматривал критические работы, связанные с неоднозначной брюсовской пушкиноцентричной концепцией истории русской литературы и места в ней собственного творчества.

Например, В.М. Жирмунский считал совершенно необоснованными претензии Брюсова — генетически связанного, как и все символисты, с Жуковским — на следование «пушкинской линии». Докладчик уделил особое внимание вступлению в полемику самого Брюсова — в виде статьи-ответа Жирмунскому.

В докладе *Е.А. Илюшина* рассматривались архаизмы, неологизмы и другие языковые раритеты в переводе «Божественной Комедии», а также в оригинальном произведении А.А. Илюшина "Tragedia". Докладчик говорил о принципах подбора или создания таких слов поэтом и переводчиком, анализировал нестандартное сочетание морфем, использование неполногласия, иноязычной лексики и др. Также упоминались оценки А.А. Илюшиным слов, появлявшихся в русском разговорном языке в годы его деятельности.

Доклад В.Л. Харламовой-Либан был посвящен воспоминаниям-«арабескам» А.А. Илюшина о Н.И. Либане, написанных с большой искренностью, душевной теплотой и глубоким пониманием любимого учителя. В них затрагиваются отношения Либана с религией, наукой, поэзией и др., говорится о выдающихся человеческих качествах ученого. Храня благодарную память об учителе, Илюшин в то же время интересно комментировал «неприязненные реакции» Либана, которые не всегда находили должное понимание у коллег.

Е.В. Фейгина рассказала об оригинальном индивидуальном подходе А.А. Илюшина к переводу Данте, в котором раскрывается глубокое сопряжение с русской культурой, передана сложность и динамичность оригинала. Был дан подробный анализ темы любви: того, как ее реализует Данте, и того, какие переводческие стратегии выбирает Илюшин. Движение от человека к Богу происходит у Данте постепенно, постижение любви оказывается спиралеобразным, а не прямолинейным.

В.А. Воропаев говорил о принципе художественной типизации в «Мертвых душах» — «пословичном» способе обобщения (пословицы и притчи в эстетике писателя — важнейший источник самобытности). Например, с национальным умом сродни уму народных пословиц из выражения «Русский человек задним умом крепок» Гоголь связывал высокое предназначение России. Была определена роль притчи о Кифе Мокиевиче и Мокии Кифовиче в идейном замысле и композиции поэмы.

Доклад В.С. Полиловой был посвящен анализу слогоакцентной структуры перевода Ярхо «Песни о Роланде» и обзору откликов на это переложение, особенно отзыва А.А. Илюшина. Ярхо стремился воссоздать формальные особенности старофранцузского эпоса: 10-сложность строк (10м/11ж), обязательную сильную мужскую цезуру после 4-го слога, эпическую цезуру. Следование заданным огра-

ничениям — обязательное ударение на 4-м и 10-м слогах и изосиллабизм строки — превращает стих перевода в мнимую силлабику.

В докладе *Ю.Б. Орлицкого* был рассмотрен перелом, наметившийся в развитии русского стиха в начале XIX в. Он связан с деятельностью Востокова (как поэта) и Мерзлякова (как переводчика) — авторов и идеологов новых для отечественной традиции логаэдов. Также говорилось о предыстории русского логаэда (опыты начала XVIII в.) и оригинальном понимании логаэдов А.А. Илюшиным, справедливо указывавшим, что они вполне вписываются в проповедуемую им «большую силлабику».

Доклад Е.А. Пастернак был посвящен рассмотрению строфического репертуара лирических произведений Г.Р. Державина, которые были опубликованы при его жизни. Особое внимание было уделено двум сюжетам: опровержению распространенной в научной литературе идеи о том, что во многих планах, в том числе строфическом, поэт довольно однообразен, и анализу действительно редких строф, которые использует Державин.

Доклад М.В. Акимовой представлял собой глубокий анализ одного из ключевых набоковских стихотворений «Мы с тобою так верили в связь бытия...» в свете теории стиха М.И. Шапира. Из автоперевода на английский язык известно, что поэт обращается к своей юности или к «другому», юному самому себе; там же есть слово pattern 'структура'. Связь бытия («мы с тобою») разрывается к концу текста, юность становится нереалистичной. Докладчик показала выраженность этих идей и в версификационном плане.

О.И. Федотов проанализировал стихотворение Бродского с парадоксальным заголовком «В разгар холодной войны» (1994). Хроника бесконечной «Столетней войны» Бродского начиналась со стихотворения «Книга» (1960) — круг замкнулся и на уровне метроритмического и синтаксического дискурса: оба текста написаны вольным расшатанным дольником, в котором пространные предложения, игнорируя стихоразделы, живут автономной от метрического членения жизнью.

А.В. Бубнов изложил оригинальную концепцию анализа современного стиха. Докладчик продемонстрировал образцы текстов, в которых он предлагает видеть проявления интегрального стиха, и рассказал о том, что именно подразумевается под этим авторским термином.

Заседания второго дня открылись докладом *Т.Ф. Теперик*. На материале 18-го стихотворения II книги од Горация рассматривалась переводческая стратегия Мережковского. Хотя автор не копировал ни метрику, ни ритмику, ни лексику подлинника, он смог точнее других передать смысл этой оды благодаря выбранным им средствам

поэтики перевода: в оде представлена инвектива не конкретному человеку, а его неумеренному желанию получить материальные блага за счет других.

Доклад А.А. Добрицына был посвящен французским сентенциям у Батюшкова, в основном в сказке «Странствователь и Домосед». Поскольку жанр стихотворной сказки пришел в русскую литературу из французской, во многих русских текстах можно найти параллели с французскими, в том числе и у Батюшкова. На богатом иллюстративном материале докладчик показал, как в «Странствователе и Домоседе» находят отголоски произведения Кребийона, Реньяра, Ларошфуко, Рабутена и др.

Пэй Цзян рассказала о китайских переводческих стратегиях при работе с баснями Крылова. Докладчик сообщила об основных особенностях китайского стихосложения и детально проанализировала версификацию нескольких переложений «Стрекозы и Муравья». Китайские переводчики далеко не всегда стараются в максимально доступном объеме воспроизвести все черты оригинала, однако у части из них прослеживается это стремление.

В докладе *И.А.* Беляевой рассматривались тенденции в изображении структур «дантовского» петербургского ада у Майкова и Гончарова. Они не были опознаны современниками, хотя для самих авторов любые их искажения были чувствительны, как следует из переписки. Во «Сне» в виде кругов ада сменяются довольно размытые аллегории Природы — Свободы — Лжи и торжества Князя Тьмы, в «Обломове» аллегории Светской жизни, Чиновничьей карьеры, Литературного ремесла и Жизни обывателя, умаляющей человека до Безличности, персонифицированы.

Выступление М.В. Трунина было посвящено анализу образа Ю.М. Лотмана в современной эстонской литературе: в стране он воспринимается как один из выдающихся эстонских интеллектуалов. Портрет Лотмана содержит несколько константных формальных черт, понимаемых то патетически, то саркастически: еврейское происхождение; пристальное внимание к его отношению к эстонской культуре; образ света, который ученый несет в мир; сравнение Лотмана-ученого с политиком (всегда в пользу первого).

С.В. Алпатов проанализировал историко-культурный фон известной литературной полемики А.Е. Измайлова с Булгариным зимой 1823–1824 гг. Цитата из письма Измайлова Н.А. Цертелеву от 3 января 1824 г. («Нельзя больше... хоть бы в Польше») в конечном итоге является узнаваемой репликой выходного монолога балаганного шута. Это вписывается в карнавальную модель поведения самого Измайлова на новогоднем маскараде января 1824 г. и в его

синхронных литературно-критических репликах в «Благонамеренном».

В докладе О.А. Кузнецовой шла речь о русской смеховой культуре XVIII в. на материале сюжетных печных изразцов, в которых обыгрывается тема пьянства. Исследовательницей изучены модели соединения потешных подписей с иллюстрациями, восходящими к западноевропейским гравюрам. Распространенным способом осмеяния, деконструкции высокого визуального образца становится «оглупляющая» рифма.

А.Ф. Багаева поделилась воспоминаниями о весеннем КПВ А.А. Илюшина 2015 г. и рассказала о метрике обеих «античных» опер Сумарокова. В «Цефале и Прокрис» широко использованы все 2- и 3-сложные размеры. «Альцест» более упорядочен: речитативы — ямбические, арии более разнообразны; в первых наиболее значимые места акцентно выделены вольным ямбом, во-вторых — трехсложниками. Система усеченных повторов (своеобразное «эхо» структуры, описанной Шапиром) находит свое воплощение в финале 3-го действия, в репликах главных героев и хора.

Выступление И.Б. Иткина было посвящено сопоставлению трех «версий» истории о князе Олеге и волхве — Пушкина, Высоцкого и Величанского. Докладчик обосновал гипотезу о том, что кажущаяся абсурдность текста Высоцкого представляет собой результат особого «наивного» прочтения баллады Пушкина рассказчиком, от чьего лица написана «Песня...» Он отметил несомненное сходство «версий» Высоцкого и Величанского в трактовке темы власти, резко отличающее их от ее трактовки Пушкиным, и рассмотрел вопрос о возможном влиянии песни Высоцкого на стихотворение Величанского.

А.А. Малиновский затронул широкий круг вопросов, связанных с «Гренадой» Светлова: ее исторический и культурный контекст, генетическую связь с романтизмом XIX в. и более поздними произведениями. Особое внимание было уделено фонике текста: например, повтор «да» после ухода героя «в дальнюю область» можно понять и как эхо, и как утверждение или подтверждение, и как вопрос с ответом из «заоблачного плёса». По мнению докладчика, это стихотворение — о соотнесении личности и массы, реализующемся посредством чередования хоровой и сольной песен.

В докладе Е.В. Новиковой (Шарыгиной) были рассмотрены особенности поэтики стихотворной сатиры 2010–2020-х годов. Именно жанры поэтической сатиры оказались наиболее востребованными в последние годы — от газетных фельетонов до мгновенных экспромтов в персональных блогах. Тематическое разнообразие, пародийность, афористичность и другие характеристики стихотворной

сатиры были представлены на примерах произведений современных поэтов: Вс. Емелина, Е. Лесина, Т. Кибирова и др.

В конце конференции были кратко подведены ее итоги. По ее результатам, как обычно, планируется выпустить сборник, а в следующем году оргкомитет собирается провести очередную Илюшинскую конференцию в память о замечательном ученом.

Поступила в редакцию 20.03.2022 Принята к публикации 30.08.2022 Отредактирована 23.09.2022

> Received 20.03.2022 Accepted 30.08.2022 Revised 23.09.2022

ОБ АВТОРЕ

Пастернак Екатерина Алексеевна — младший научный сотрудник Института мировой культуры МГУ имени М.В. Ломоносова; katrusia95@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina Pasternak — Junior Researcher, Institute of World Culture, Lomonosov Moscow State University; katrusia95@mail.ru

ПАМЯТИ...

АЛЛА ВЛАДИМИРОВНА ЗЛОЧЕВСКАЯ

А.Г. Шешкен

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; asheshken@yandex.ru

Аннотация: Ушла из жизни старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Русская литература в современном мире» филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор филологических наук Алла Владимировна Злочевская. Ее многочисленные труды в области компаративистики, мифопоэтической метапрозы, русской литературы XIX—XX вв., литературы русского зарубежья, чешской и словацкой литературоведческой русистики отличались высоким исследовательским уровнем и принесли ей признание в нашей стране и за рубежом.

Ключевые слова: компаративистика; мифопоэтическая метапроза; литература русской эмиграции; чешская и словацкая литературоведческая русистика

Для цитирования: *Шешкен А.Г.* Алла Владимировна Злочевская // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 5. С. 229–232.

ALLA ZLOCHEVSKAYA

Alla Sheshken

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; asheshken@yandex.ru

Abstract: Alla Vladimirovna Zlochevskaya, a senior researcher at the scientific laboratory "Russian Literature in the Modern World" of the Faculty of Philology of Lomonosov Moscow State University, has passed away in May. Her numerous works in the field of comparative studies, mythopoetic metafiction, Russian literature of the 19th-20th centuries, literature of the Russian diaspora, residence and Slovak literary criticism of Russian studies, which were distinguished by a high research level and brought her a deserved recognition in our country and abroad.

Key words: comparative studies; mythopoetic metafiction; literature of the Russian emigration; quarterly and Slovak literary criticism of Russian studies

For citation: Sheshken A.G. (2022) Alla Zlochevskaya. Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology, no. 5, pp. 229–232.

2 мая 2022 г. после непродолжительной болезни скончалась старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Русская литература в современном мире» филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор филологических наук Алла Владимировна Злочевская. Ее труды в области компаративистики, истории русской литературы и литературы русского зарубежья (прежде всего, посвященные проблемам творчества Ф.М. Достоевского и В. Набокова), исследования в области мифопоэтической метапрозы, как и работы, посвященные литературоведческой русистике Чехии и Словакии, снискали ей признание в нашей стране и за ее пределами.

Алла Владимировна родилась в Москве 10 ноября 1951 г., после успешного окончания школы поступила на филологический факультет Московского университета, обучалась в аспирантуре, защитила кандидатскую, затем докторскую диссертацию. Так складывался жизненный путь многих наших коллег, обладающих аналитическими способностями и трудолюбием, и в нем не было бы ничего необычного, если бы не одно существенное обстоятельство. Автор около двухсот научных трудов, в том числе пяти монографий, посвященных актуальным проблемам русской литературы XIX-XX вв. большую часть своей жизни страдала от тяжелого недуга. Полиомиелит, перенесенный в детстве (прививок тогда еще не было), навсегда приковал Аллу Владимировну к инвалидной коляске. Судьба, казалось, закрыла для нее возможность самореализации, тем более в такой сложной сфере, как наука. Однако Алла Владимировна обладала стойким характером и не только преодолела препятствия на пути к знаниям, но и стала крупным ученым.

В формировании ее как ученого сыграл решающую роль, известный педагог кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова Константин Иванович Тюнькин. Алла Владимировна с гордостью и с особой теплотой вспоминала своего научного руководителя, под руководством которого она защитила дипломную работу, а затем и кандидатскую диссертацию «Специфика выражения субъективно-авторского начала в романах Ф.М. Достоевского» (1982). Исследование творчества Достоевского она продолжила и в дальнейшем и состояла членом Международного Общества Ф.М. Достоевского. Алла Владимировна много и плодотворно занималась проблемой традиции, вопросом всеобъемлющего влияния, которое этот писатель оказал на русскую литературу XX в. («Ф.М. Достоевский — писатель, предсказавший поэтику литературы XX в.?», Филологические науки, 2015, № 4). Символично, что ее последняя опубликованная при жизни статья тоже была о Достоевском: «Парадоксы русского

Эроса в романе Ф.М. Достоевского "Идиот"» (Филологические науки, 2022, № 1).

Вся профессиональная деятельность Алла Владимировны была связана с филологическим факультетом и научно-исследовательской лабораторией «Русская литература в современном мире», где она трудилась с 1986 г. и до свой кончины. Алла Владимировна быстро освоила новую для себя область, включилась в работу, связанную с проблематикой коллектива, и стала самым авторитетным специалистом в нашей стране в области чешской и словацкой литературоведческой русистики, автором большого количество статей, аннотированных библиографий и разделов в учебных пособиях. В докомпьютерную эпоху, когда налаживать и поддерживать контакты с зарубежными исследователями, иметь доступ к библиотекам, участвовать в конференциях было сложно, она сумела установить и поддерживать сотрудничество с учеными многих научных центров, была членом редколлегии ряда сборников и зарубежных периодических изданий. Исследования таких ярких ученых, как М. Микулашек, Д. Кшицова, А. Червеняк, И. Поспишил и многих других были представлены ею отечественному читателю (статья «Изучение русской классической литературы в Чехии и Словакии (1980-е годы)» и ряд других), ею также были опубликованы статьи и сделаны доклады о взаимодействии чешской, словацкой и русской литератур. В последние дни жизни она работала над материалом в честь юбилея крупного чешского ученого Иво Поспишила, который не успела оформить в статью.

Научные интересы Аллы Владимировны постоянно расширялись. Ее докторская диссертация «Художественный мир В. Набокова и русская литература XIX в.: генетические связи, типологические параллели и оппозиции» (2002) и монография «Художественный мир Владимира Набокова и русская литература XIX века» (2002) раскрывали богатый художественный подтекст произведений Набокова. Участие в подготовке учебника для вузов «История литературы русского зарубежья (1920-е — начало 1990-х гг.» (2011), где Алла Владимировна была автором нескольких глав, стало для нее поводом заняться изучением феномена русской эмигрантской литературы, в том числе ее «белых пятен» (глава «Драматургия эмиграции первой волны») и войти в коллектив составителей хрестоматии «Поэзия русского зарубежья» (2016). Затем были опубликованы монографии об интересном явлении, широко представленном в ряде литератур XX в.: «Три лика мистической метапрозы XX в.: Г. Гессе — В. Набоков — М. Булгаков» (2016) и «"Мистическая метапроза" XX в.: генезис и метаморфозы (Герман Гессе — Владимир Набоков — Михаил Булгаков)» (2019). Последняя из них получила в 2019 г. награду в номинации «монографии» на «Конкурсе работ, способствующих решению задач Программы развития Московского университета», а затем переиздана в 2021 г. Актуальность этих трудов подтверждает их высокая цитируемость в отечественных и зарубежных изданиях.

Самоотверженный и неустанный труд снискал Алле Владимировне авторитет и признание среди коллег в нашей стране и за рубежом. Ее статьи печатали такие авторитетные журналы, как «Вопросы литературы», «Русская литература», «Вестник Московского университета. Серия 9. Филология», «Филологические науки», «Русская словесность», "Studia Slavica Hungarica", "Opera Slavica", "Nová rusistica", "Rossica Olomucensia" и др.

Алла Владимировна была уникальной личностью, чрезвычайно отзывчивой и доброжелательной. Ее уход стал большой утратой для всех нас. Вечная память яркому ученому и выдающемуся человеку Алле Владимировне Злочевской!

Поступила в редакцию 20.05.2022 Принята к публикации 30.08.2022 Отредактирована 23.09.2022

> Received 20.05.2022 Accepted 30.08.2022 Revised 23.09.2022

ОБ АВТОРЕ

 ${\it Шешкен Алла Геннадьевна}$ — профессор кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; asheshken@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

 $\label{lem:alla Sheshken} Alla Sheshken — Prof. Dr., Department of Slavictics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; asheshken@yandex.ru$

ISSN 0201-7385. ISSN 2074-1588 ВЕСТН. МОСК. УН-ТА. СЕР. 9. ФИЛОЛОГИЯ. 2022. № 5. 1–232.